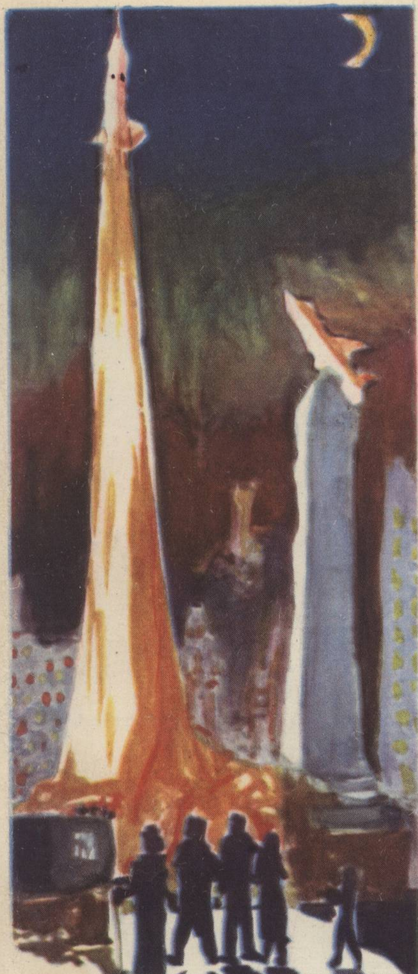
ПИОНЕР

ОКТЯБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1961 г. 10

В ГОД XXII СЪЕЗДА ПАРТИИ

Рисунки детей, посвященные жизни нашей страны.

ШКОЛА
МЕТАЛЛОЛОМ
2
11

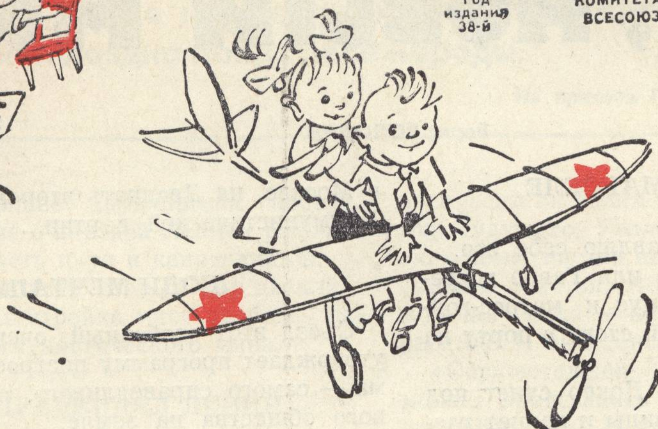

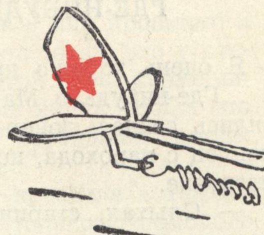

Год издания 38-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Эй, садись,
найдется место!
Вдаль дорога пролегла
Мы везем в подарок
съезду
Пионерские дела!

ОКТЯБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1961 г. 10

НАШ, НОВЫЙ МИР!

Борис ВОЛОДИН

ГДЕ-НИБУДЬ В МАРСЕЛЕ

Я очень хорошо представляю себе это.

...Где-нибудь в Марселе или Гавре встретились сейчас докер-француз и матрос-голландец с парохода, который стоит в порту на погрузке.

— Слыхал, старина? — Докер сунет под мышку свои толстые рукавицы и начнет разминать в пальцах сигаретку. — Слыхал? В СССР коммунисты приняли новую Программу! Эти русские уверены, что за двадцать лет построят у себя коммунизм. И, клянусь, они своего добьются!

Вот что скажет этот докер-француз. А его собеседник матрос кивнет головой и сдвинет на затылок бескозырку. Голландцы не очень словоохотливы, и потому матрос ответит коротко:

— Да! Это великолепно!

Может быть, будет чуть-чуть не так. Может быть, как раз голландец заведет разговор, а француз поддержит его энергичным восклицанием. И может быть, они встретятся не в Марселе, а в Тулоне, не в Гавре, а в Шербуре. Может быть, об этом говорят рабочие-итальянцы, темноволосые, подвижные, горячие. Или арабы... Но такие беседы наверняка можно услышать и тут и там — в десятках, в сотнях самых разных мест. Ведь сейчас вся земля следит за тем, что происходит в Москве, на Двадцать втором съезде нашей Коммунистической партии...

ЛЮДИ МЕЧТАЛИ...

Съезд этот особенный, очень важный. Он утверждает программу построения коммунизма — самого справедливого, самого счастливого общества на земле.

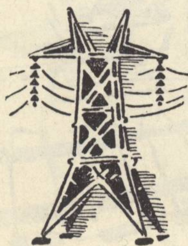
Много веков мечтали о таком обществе люди. Надежда жила в сердцах рабов и плебеев, крепостных и пролетариев — всех угнетенных. Философы-утописты писали о нем книги. Они рисовали в них общество, где нет богатых и бедных, где все трудятся и все равны.

Много замечательных героев боролось за эту мечту. Но они терпели поражение в неравных боях с тиранами, потому что не знали, как осуществить ее.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс сделали мечту о светлом будущем наукой о коммунизме. Они объяснили трудящимся, как свергнуть власть богачей и превратить их собственность — землю, заводы, деньги — в общее достояние.

Рабочие подняли знамя пролетарской революции. Над всей землей зазвучал их гимн:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим...
Кто был ничем, тот станет всем.

«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». В. И. Ленин.

В 1980 году будет произведено 2700—3000 миллиардов киловатт-часов электроэнергии.

Будет создана Единая энергетическая система СССР.

СТОЛБОВАЯ ДОРОГА К СОЦИАЛИЗМУ ПРОЛОЖЕНА. По ней идут уже многие народы, по ней рано или поздно пойдут все народы.

Из проекта Программы КПСС.

1917 год принес трудящимся победу. В России во главе с партией Ленина рабочий класс сломил власть царя и капиталистов.

В огне Октября погиб старый мир насилия. Началась великая стройка мира свободы, нашего нового, коммунистического мира.

ТО, ЧТО ПРЕДВИДЕЛ ЛЕНИН

«Он делает все, что от него зависит, чтобы создать в России крупные электростанции, которые будут давать целым губерниям энергию для освещения, транспорта и промышленности... Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, лишенной источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасли торговля и промышленность?»

О какой стране написано это?

О России.

Кто этот человек, создавший «дерзновенный проект»?

Ленин.

Вы прочитали сейчас строчки из книги «Россия во мгле» английского писателя Герберта Уэллса.

В 1920 году он приезжал в Советскую Россию, чтобы понять и своими глазами увидеть, что происходит в молодой революционной стране, которую так ненавидели капиталисты. Писатель был у Ленина, и сам Ильич рассказывал ему о планах партии, о программе строительства социализма.

Всю свою жизнь Уэллс писал романы о фантастических открытиях и полетах на другие планеты. На чудесной «машине времени» переносил он своих героев в мир прошлого и мир будущего. Уэллс понял тогда, что у русских коммунистов нет другой цели, кроме народного счастья. Но он не видел, какая это могучая сила — народ, разбивший оковы рабства. И он написал:

«Осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии. В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как подымается обновленная и счастливая, индустриализированная коммунистическая держава».

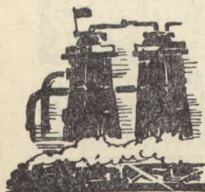
Так писал Уэллс. Он сомневался. А жизнь опрокинула его сомнения. То, что предвидел Ленин, сбылось.

Наша страна была первой. Вслед за нею на путь социализма вышли другие народы и государства. Целый миллиард людей — треть человечества — строит на земле новый мир! И растет он такими темпами, какие не снились капиталистам.

ЧТО ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ

Многое! Он может достать ископаемые со дна океана и из недр земли. Он может создать из невидимого газа вещества, которые будут прочнее стали и мягче алюминия.

Человек может заставить работать на себя... Луну. Да, Луну! Это ее притяжение вызывает в океане приливы и отливы. А если поставить на морском побережье электро-

За 20 лет черная металлургия достигнет уровня, позволяющего выплавлять примерно 250 миллионов тонн стали в год.

Коммунизм... утверждает на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство и Счастье всех народов.

Из проекта Программы КПСС.

станцию, турбины которой будет вращать приливная волна, то энергия лунного притяжения превратится в электрический ток.

Человек может сделать на земле... Солнце. Маленькое термоядерное «солнце». Он может построить «умные» машины-автоматы, и они станут управлять плавкой металла, резать пласты угля и пахать землю. Человек может получить в лаборатории живое вещество, изменить природу растений, уничтожить болезни. Могуществу человека нет границ! Он может создать на земле такое изобилие богатств, что всего необходимого для жизни с избытком хватит на каждого.

Так будет при коммунизме.

Но этого никогда не будет там, где у власти стоят капиталисты, присваивающие себе богатства, созданные трудом рабочих, крестьян, инженеров и ученых.

В проекте новой Программы партия сказала: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

«Нынешнее поколение» — это вы и я, ваши братья, сестры, матери и отцы. А то, что обещает партия, сбывается всегда.

Ее великий план составлен по точным научным расчетам. Ученые установили, что за двадцать лет наш народ сумеет увеличить ежегодную продукцию промышленности в шесть раз, а продукцию сельского хозяйства в три с половиной раза. В цехи, на поля и фермы придут сотни тысяч новых машин и автоматов, вырастут тысячи электростанций, заводов, шахт. Вся страна электрифицируется полностью.

Когда этот план будет выполнен, тогда у

Через 20 лет будут бесплатными:

КВАРТИРЫ С ВОДОЙ, ГАЗОМ И ОТОПЛЕНИЕМ;

ТРАНСПОРТ - ТРАМВАЙ, АВТОБУС, ТРОЛЛЕЙБУС, МЕТРО;

ОБЕДЫ НА ЗАВОДАХ И ФАБРИКАХ, НА ПОЛЕВЫХ СТАНАХ, В ШКОЛЕ;

СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ В ШКОЛАХ-ИНТЕРНАТАХ, ДЕТСКИХ САДАХ И ЯСЛЯХ;

ЛЕКАРСТВА И ПУТЕВКИ В САНАТОРИИ.

Коммунизм — это строй, где расцветают и полностью раскрываются способности и таланты, лучшие нравственные качества свободного человека.

Из проекта Программы КПСС.

нас будет изобилие всех продуктов и вещей, нужных человеку, все удобства, все культурные ценности станут доступны каждому.

Тогда от социалистического принципа: «От каждого — по способностям, каждому — по труду», — по которому мы сейчас живем, наш народ перейдет к новому, коммунистическому принципу: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям».

БУДЬ ЕГО ДОСТОИН!

И вы и я родились после Октябрьской революции. О старом мире насилия и нищеты мы с вами знаем только из книг, газет да по рассказам людей, которые побывали в капиталистических странах.

Читаем, слушаем и изумляемся: как это можно так жить? Как можно терпеть такие несправедливые порядки?

Пройдет двадцать — тридцать лет, и люди с удивлением будут читать о том, что были на свете лентяи, бракоделы, обманщики и эгоисты, заботившиеся только о самих себе.

Кто они, эти люди, которым так чуждо будет то плохое, что осталось еще у нас?

Мы с вами.

Да! Мы с вами, потому что нам, нашему поколению, предстоит утверждать коммунистические порядки на земле и трудиться в светлом обществе будущего.

Значит, каждый из нас должен уже сегодня по-коммунистически строить свою жизнь, так, как указывает партия Ленина.

В проекте ее новой Программы записан моральный кодекс строителя коммунизма. Прочти его и запомни: ты должен быть таким.

Тебе предстоит строить новый мир коммунизма. Тебе и жить в нем.

Будь его достоин!

МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС СТРОИТЕЛЯ КОММУНИЗМА

Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма;

Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;

Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;

Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов;

Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного;

Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат;

Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;

Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;

Непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму;

Дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни;

Непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов;

Братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

Алексей МУСАТОВ

Рисунки В. Юдина.

ВОЖАТАЯ

ПОВЕСТЬ

Посвящается памяти Героя Советского Союза старшей пионервожатой Клавы Назаровой.

ЧАСЫ И КОНИ

Еще до начала уроков мальчишки из шестого класса «Б» узнали, что городские конноспортивные состязания начнутся в двенадцать ноль-ноль. А занятия в их классе кончались только в половине первого.

К тому же, чтобы добежать от школы до манежа кавалерийской части, нужно еще минут пятнадцать.

Значит, как ни старайся, а на манеж попадешь только к шапочному разбору.

Но это было выше ребячьих сил!

Какое бы спортивное событие ни проходило в городе — будь то футбольный матч или баскетбол, состязание по плаванию или лыжный кросс,— мальчишки всегда находили время и оказывались в рядах самых заядлых болельщиков.

И вдруг пропустить состязание конников! Ведь конноспортивный кружок в их городе открылся только весной этого года, и сегодня его члены впервые покажут, чему они научились за лето.

Самое же главное, что в этом состязании молодых конников будут выступать несколько старшеклассников из их школы и в том числе Клава Назарова.

А Клава, как известно, не чужой человек шестиклассникам.

Хотя она учится только в девятом классе, но в школе нет, пожалуй, спортсменки лучше нее.

В беге на сто метров и в прыжках в длину она занимает первое место, имеет звание школьного чемпиона и уже два раза ездила на областную спартакиаду. В волейбол Клава играет получше любого мальчишки, и про ее удары так и говорят: «Клашкины резаные». Но больше всего Клаве везет в плавании. Она держится на воде, как поплавок, купаться начинает раньше всех школьников, в день Первого мая, и может переплыть реку Великую туда и обратно на спинке и на боку, с гранатой в руке и в одежде.

А скольких мальчишек и девчонок Клава уже обучила плаванию и прыжкам в воду!

Так разве можно пропустить сегодняшнее состязание и не увидеть, как первая спортсменка школы будет мчаться на лошади, скакать через барьеры, перепрыгивать рвы и ямы?

— Ребята, а может, мы с последнего урока пораньше отпросимся? — предложил Федя Сушков.— У нас Дембовский сегодня... география.

— Ты что, Дему не знаешь? — покачал головой Саша Бондарин.— И не думайте, не отпустит.

— А я просто взял бы да и смотался с последнего урока, — ухмыляясь, посоветовал Ваня Архипов.— И будь здоров, Дема! Все равно он нас точит-пилит...

— Нет, так не годится,— вздохнул Дима Петровский.— Надо будет до звонка ждать.

— Ничего! Мы успеем,— многозначительно сказал Борька Капелюхин и кивнул на звонок, который стоял в школьном зале на камине.— Как только затрезвонит, вы сразу шапку в охапку и на манеж! Без задержки!

Федя Сушков подозрительно покосился на приятеля: опять этот Борька придумает что-нибудь такое, о чем потом заговорит вся школа.

Вот уж третий год Борька живет в детском доме и учится в школе имени Ленина. За это время он вырос, вытянулся, отпустил чуб, стал ловким, сильным пареньком, хорошим физкультурником, мастером на разные затеи и выдумки. Голова у него неплохая, он любит читать, мечтает о путешествиях и дальних походах, но учится неровно, с перебоями.

С Бородулиным Борька почти не знается. Оська в школе смотрит на него, как на чужого, но зато у Бориса немало других друзей и товарищей.

* * *

Последний урок вел остроносый, с лицом старого актера, с бритой, точно отполиро-

ванной головой преподаватель географии Константин Владиславович Дембовский, «Дема», как звали его школьники.

Прежде чем начать очередную тему, он, пользуясь правом классного руководителя, монотонным голосом принялся отчитывать учеников.

Опять вчера шестиклассники вели себя некрасиво и дерзко: нагрубили математику, получили от него девять «посредственных» отметок за домашние уроки, затеяли драку с семиклассниками.

Если так будет продолжаться и дальше, не исключено, что шестой «Б» будет раскассирован: часть учеников вольется в другие классы, часть переведут в соседние школы, а кое-кому, возможно, даже придется расстаться со школой.

Шестиклассники, привыкшие к этим «занудминуткам», жили своей жизнью. Кто читал книгу, положив ее на колени, кто смотрел в окно на Великую, кто выцарапывал на парте причудливый орнамент. От одного ученика к другому передавалась записка, написанная Федей Сушковым:

«Сегодня конноспортивный праздник. Выступают наши ребята. Все идем на манеж. Сбор после звонка у школьного крыльца».

Но не успела записка обойти и половины класса, как ее заметил наметанный глаз Дембовского. Не прерывая своей речи, преподаватель прошелся между парт, отобрал записку у зазевавшегося Димы Петровского и опустил ее в карман.

Наконец, выговорившись, он повесил на стену географическую карту и вооружился указкой.

— Сегодня мы познакомимся...— начал преподаватель, но тут раздалась заливи-

стая трель колокольчика, заглушая его последние слова.

Дембовский кинул взгляд на свои ручные часы.

— Позвольте... Сейчас еще только двенадцать. Звонок явно преждевременный.

— Нет, звонок правильный,— невинным голосом сказал Борька Капелюхин.— У вас, наверное, пружинку заело...

— Странно... Очень странно...— Покачав головой, Дембовский прижал к уху свои ручные часы.— Ну что ж, конец так конец,— поднимаясь, сказал он.— Продолжим завтра.

Ребята похватали учебники, и через минуту класс опустел.

Дембовский снял со стены географическую карту и вышел в коридор.

Там, сверяя часы, уже толпились преподаватели.

К ним подошел запыхавшийся школьный сторож Ерофеич.

— Промашка вышла,— признался он.— На тридцать минут раньше позвонил. Сейчас на почту бегал, время сверял. Видно, в школе кто-то часы подвел.

— Собственно, кому и зачем это потребовалось? — с недоумением спросил преподаватель математики, высокий, сухощавый старик Воронцов.

— Да кому же, как не ребятишкам?—высказал свое предположение сторож.— Иду с почты, а они как оглашенные куда-то помчались.

— Кажется, я теперь понимаю,— заметил Дембовский, показывая учителям отобранную у Димы Петровского записку.— Сегодня в городе конноспортивный праздник. Вот мальчики и постарались не опоздать.

— А инициатива, насколько я понимаю, исходила от ваших подопечных, уважаемый Константин Владиславович,— язвительно заметил преподаватель математики.— И когда вы наведете порядок в своем классе?

Дембовский нахмурился. Хорошо сказать: «наведете порядок». Он еще осенью предупреждал, что из шестого класса «Б» толку не будет. Ученики собраны с бору по сосенке, многие пришли из детдома, из окружающих деревень. Класс в целом получился пестрый, анархичный, неорганизованный, и чуть ли не каждый день в нем случаются какие-нибудь неожиданности и чрезвычайные происшествия.

Видимо, настало время принимать самые решительные и крутые меры. Но с чего же начать?

На другой день Дембовский задержал свой класс после уроков и прочитал ученикам злополучную записку о конном состязании. Потом язвительно спросил:

— Может быть, автор этой записки, если он, конечно, не трус, назовет себя?

— Это я написал,— поднявшись, чистосердечно признался Федя Сушков.

— Хвалю молодца за откровенность,— осклабился Дембовский.— А теперь будем последовательны и разберемся. В записке сказано, что сбор после звонка. А звонок был дан на полчаса раньше. Значит, ты не только написал записку, но и подвел часы и сорвал занятия во всей школе.

— Нет... часы я не трогал.— Федя растерянно заморгал глазами и посмотрел на ребят.— Я думал, что звонок вовремя дали...

— Он не подводил! — подтвердил Дима Петровский.

— Мы ручаемся за него,— буркнул Саша Бондарин.— Федя врать не умеет.

— Если так,— подхватил Дембовский,— пусть признается тот, кто это сделал.

Класс молчал. Прищурившись, Дембовский покосился на Ваню Архипова, рослого, скуластого, давно не стриженного подростка с последней парты.

— Есть такое мудрое изречение: «Все пути ведут в Рим...»

— Что вы, Константин Владиславович!— плаксивым голосом принялся оправдываться Архипов.— Чего это каждый раз всех собак на меня вешают... Я и на манеже-то не был. Да пропади они пропадом, эти кони!..

Дембовский перевел взгляд на Борьку Капелюхина, который сидел, низко опустив голову к парте.

— Как я вижу, смелости у вас не так уж много,— усмехнулся он.— Выходит, что часы ушли вперед сами по себе. Ну что ж, придется Сушкову побывать у директора школы и объяснить за всех, что это за чудеса происходят у нас с часами.

— Мне? — вздрогнув, удивился Федя.

— Да-да, именно тебе. Надеюсь, что перед Иваном Александровичем ты будешь более откровенен.

— Не подводил я часы...— забормотал Федя.— Честное пионерское!..

— Неправильно,— раздались голоса ребят.— Сушков не виноват. Мы все пойдем к директору... целым классом.

Неожиданно, вскинув голову, из-за парты поднялся Борька Капелюхин.

— Не надо всем... Я один пойду! — с трудом выдавил он.

— Борька, молчи! — дернув его за локоть, шепнула соседка по парте Леля Назарова.

Но мальчик только отмахнулся.

— Это я часы подвел! Я! Сушков ничего не знает. И Архипов ни при чем.

Дембовский посмотрел на Капелюхина поверх пенсне.

— Ну вот, наконец-то! — облегченно вздохнул он.— Я, между прочим, так и предполагал. Как очередное происшествие в школе,— в главной роли непременно выступает Капелюхин.

Дембовский возбужденно заходил по классу, припоминая все Борькины проделки:

— Школа помогла мальчику устроиться в детский дом, взяла над ним шефство, проявляет к нему особое внимание, а Капелюхин платит за все это самой черной неблагодарностью. Он первый нарушитель дисциплины в классе, драчун, озорник, дерзит учителям, не желает как следует заниматься и вообще ведет себя, как «явно выраженный трудновоспитуемый элемент».

Нет, как веревочке ни виться, а кончику быть. Сегодняшний разговор о Капелюхине, наверное, последний. Судя по всему, мальчику не место в обычной, нормальной школе, его придется изолировать в колонию трудновоспитуемых и неполноценных детей.

— Как это... изолировать? — растерянно спросил Федя Сушков.— Его, что же, прогонят из школы?

— Надеюсь, что педсовет согласится с моим предложением,— закончил Дембовский.— Во всяком случае, в моем классе Капелюхин больше не появится...

— Ну и ладно... не появлюсь! — выкрикнул Борька и, засовывая на ходу в сумку учебники, выскочил за дверь.

Дембовский сокрушенно покачал головой.

— Ну, вот и еще одно лишнее доказательство. Вопрос теперь ясен предельно...— И он сделал знак ученикам, что они могут расходиться по домам.

Шестиклассники выбежали в коридор и бросились разыскивать Борьку Капелюхина. Но того нигде не было.

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ БОРЕК

Вечером Леля обо всем рассказала старшей сестре: и как Дембовский назвал Борьку «трудновоспитуемым элементом», и как грозил исключить его из школы и отправить в колонию, и как Борька, хлопнув дверью, убежал с классного собрания.

— Исключить из школы! — ахнула Клава.

— Да-да, так и сказал. А все из-за вас! — упрекнула Леля.— Из-за ваших конных состязаний. Борька всех ребят с уроков сманил... и часы подвел.

Клава невольно вспомнила вчерашний день. Один за другим молодые конники выезжали на скаковую дорожку и показывали судьям, чему они обучились за лето. Дошла очередь до Клавы. Пришпорив коня, она пустила его в галоп, сделала один круг, другой, потом принялась преодолевать препятствия: канаву, ров, один барьер, другой, третий...

На первом барьере лошадь, чего-то испугавшись, резко прянула в сторону. Но потом все наладилось.

Умный кавалерийский конь, понукаемый ласковой рукой наездницы, ловко перемахнул через все деревянные барьеры, не сбив

ни одного из них, и более чем на два корпуса опередил скакавшего рядом с ним коня Вити Скворцова.

Среди болельщиков раздались одобрительные аплодисменты и восторженные выкрики: «Ура!.. Ура! Клашка победила!»

Клава оглянулась и узнала среди болельщиков школьников. Их было человек двадцать.

Они кричали, размахивали руками, подкидывали вверх фуражки и кепки. Больше всех шумел и радовался Борька Капелюхин.

Клаве тогда и в голову не пришло, что Борька самовольно увел ребят с урока. Сейчас она задумалась. И что ей делать с этим мальчишкой? За три года, что Борька провел в детском доме, он сильно привязался к Назаровым, часто бывал у них, подружился с Лелькой, с Екатериной Федоровной, охотно помогал ей по хозяйству.

Клава видела, что из Борьки вырастает живой, смышленый, деятельный парнишка. Был он задирист, смел, неподкупен, любил всякое живое дело, природу, физическую работу, спорт, энергия всегда била у него через край. Но что творилось в душе мальчика, как Борька учился, как относился к товарищам, к учителям — об этом Клава почти ничего не знала.

* * *

Наутро стало известно, что вечером в школе состоится педсовет. В большую перемену Клава задержала в классе свою одноклассницу Зину Бахареву, работавшую отрядной пионервожатой шестого класса, и спросила, знает ли она, что́ сегодня может произойти с Борькой Капелюхиным.

Зина ответила, что ей все известно и что будет очень хорошо, если Борьку поскорее уберут из школы.

— Как?!.— вскрикнула Клава.— Ты согласна с Дембовским? Ты, вожатая, не выступишь в защиту своего пионера?

— И не подумаю.— Зина пожала плечами.— Да какой же он пионер, этот Капелюхин? Галстука не носит, сборов не посещает... Ни в одно отрядное мероприятие его не вовлечешь. А как грубить учителям да срывать уроки — так он первый из первых. Правильно про него говорят, что у него дурные наклонности...

— «Дурные наклонности»! — повторила пораженная Клава.— И ты веришь этому? Да ты хоть раз поговорила с ним с глазу

на глаз? Узнала, как он живет, к чему тянется? — Она задумчиво покачала головой.— Нет, Зина, не знаешь ты своих ребят.

— Ну вот что, Назарова,— вспыхнула Зина,— ты меня не учи, как с пионерами работать... Пока еще я вожатая, а не ты. И отряд — это тебе не спортивный кружок: заплывы там, забеги... Тут думать надо, думать!

Девушки холодно расстались.

После занятий Клава сбегала домой, наспех перекусила и вновь вернулась в школу.

В полутемном школьном зале она уселась на подоконник недалеко от учительской, где уже начался педсовет. Из-за двери доносились приглушенные голоса учителей. О чем они там разговаривают? Может быть, уже решают судьбу Борьки.

Мальчишка, конечно, виноват, и его стоит наказать, но исключать его из школы — с этим Клава никак не могла примириться. Борька же совсем неплохой, если его как следует узнать и отнестись к нему повнимательнее.

«А я ведь тоже его забыла»,— мысленно упрекнула себя Клава и, тяжело вздохнув, покосилась на дверь учительской. Если бы только Борьку оставили в школе! Тогда все бы пошло по-другому. Клава следила бы за каждым его шагом, помогала бы ему заниматься, выбрала бы для Борьки самых надежных товарищей...

А может, так и сделать? Войти сейчас в учительскую и заявить обо всем этом педагогам. Заявить твердо и решительно. Так, мол, и так, она ручается за Капелюхина и берет его под свою полную ответственность. И дать честное комсомольское...

Клава подошла к учительской и взялась за ручку двери.

Но как войдешь туда? А вдруг преподаватели не пожелают даже выслушать тебя и попросят оставить учительскую?

В школьный зал осторожно вошли шестиклассники Федя Сушков и Люба Кочеткова.

— Вы зачем сюда? — вполголоса спросила их Клава.

— А мы... мы от наших ребят... от всего класса,— признался Федя.— Насчет Борьки...

— Нельзя Борьку исключать... никак нельзя! — горячо заговорила Люба Кочеткова, голенастая, худощавая девочка.— Мы вот письмо учителям написали... Следить за ним будем, помогать будем, только пусть его в школе оставят.

Девочка достала из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и попросила Клаву передать его директору школы или вожатой Зине Бахаревой.

— А может, письмо под дверь подсунуть? — предложил Федя.

Клава прислушалась.

Голоса за дверью учительской звучали все громче и громче. Говорила, кажется, Анна Павловна Оконникова, учительница русского языка и литературы, но вот ее перебил Дембовский.

— Я категорически настаиваю на самых решительных мерах. Категорически,— донеслось до Клавы.— В противном случае...

«Вот он как... требует, угрожает... Значит, с Борькой совсем плохо»,— мелькнуло у Клавы, и она, потянув на себя тяжелую дверь, кивнула Феде и Любе:

— Пошли все вместе!

Лица учителей обернулись к вошедшим. Кто-то зашикал на них:

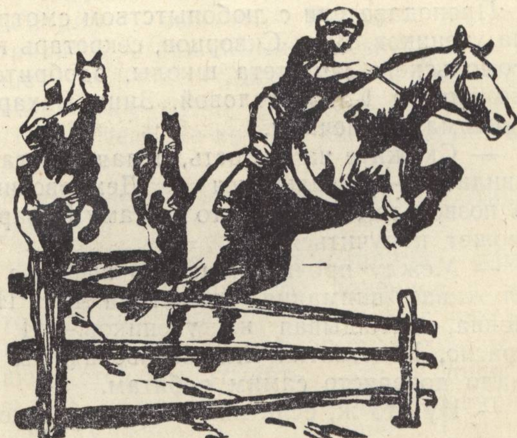
— Нельзя сюда, нельзя!

Дембовский оборвал свою речь и с недоумением посмотрел на директора школы. Тот поднял голову.

— Назарова! Ребята! Вы зачем сюда?

— Иван Александрович! — умоляюще заговорила Клава, с трудом переводя дыхание.— Мы на минутку всего... О Капелюхине хотим сказать. Он, конечно, виноват, но не исключайте его. Я шефство над ним возьму, помогать буду. И ребята помогут. Они вот даже письмо всем классом написали о Борьке.— Клава взяла из рук Любы лист бумаги и положила на стол перед директором.— Капелюхин исправится. Мы ручаемся за него... слово даем...

Она умолкла и мельком огляделась по сторонам.

Преподаватели с любопытством смотрели на учеников. Витя Скворцов, секретарь комсомольского комитета школы, одобрительно кивнул Клаве головой. Зина Бахарева пожимала плечами.

— Скажите на милость, целая делегация явилась...— ухмыльнулся Дембовский.— А позвольте спросить, кто за саму Назарову может поручиться?

— Между прочим, мысль о шефстве заслуживает внимания,— заметила Анна Павловна, поглядывая на учеников.— И напрасно, Константин Владиславович, вы так мало доверяете самим ребятам.

— Ну что ж, если вам заверение школьников дороже моих слов, я умываю руки,— с вызовом сказал Дембовский и, сняв пенсне, принялся тщательно протирать его.

— Не горячитесь, Константин Владиславович. Вопрос серьезный...— остановил его директор школы и обратился к Клаве и шестиклассникам: — Вы все сказали?

— Все, Иван Александрович,— ответила Клава.

— Хорошо! Идите теперь! А мы тут подумаем...

Клава, Федя и Люба вышли из учительской. Щеки у Клавы полыхали, словно после хорошей пробежки. Вот она и высказалась на педсовете! Но только ее слова, кажется, никого и ни в чем не убедили.

Отослав Федю и Любу домой, Клава принялась расхаживать перед школой: надо же все-таки узнать, что решат о Борьке.

Наконец педсовет закончился. Учителя стали расходиться по домам. Вот в дверях показались Витя Скворцов, Анна Павловна и старший пионервожатый Важин. Немного о чем-то поговорив, они распрощались и разошлись в разные стороны.

Клава догнала Витю.

— Ну как? Чем кончилось?

— Я так и знал, что ты где-то здесь бродишь,— усмехнулся Витя.— Победа, Клава! Борька остается в школе!

— Это правда?

— Голосованием решали. Дембовский остался в единственном числе. И знаешь, Клава, твое выступление тоже сыграло роль.

— Смех, а не выступление.

— Нет, ты не говори. Знаешь, какой бой разгорелся!

Витя рассказал, что произошло на педсовете.

Дембовский выступил с предложением не только исключить из школы Борьку Капелюхина, но и вообще раскассировать шестой «Б» по другим классам: в нем, мол, слишком много трудных, недисциплинированных учеников, которые снижают общий процент успеваемости, портят лицо школы.

Но учителя с этим не согласились. Они сказали Дембовскому, что он плохо знает свой класс и запустил воспитательную работу с детьми. Дембовский, в свою очередь, заявил, что он не может работать с таким забубенным классом и отказывается от должности классного руководителя.

Его не стали уговаривать. Руководить классом вызвалась Анна Павловна. Она же предложила заменить и отрядную вожатую:

Зина Бахарева изрядно обленилась, работает с холодком.

— Это верно,— согласилась Клава.— Не любит она ребят.

— Вот-вот, и Анна Павловна так сказала,— продолжал Витя.— А в шестом «Б», говорит, вожак нужен особый: смышленый, живой, с огоньком. Вроде, говорит...— он лукаво покосился на девушку,— вроде Клавы Назаровой.

— Что?!

— Да-да... Анна Павловна так на тебя и указала. Самая, говорит, подходящая кандидатура. Мы вот завтра на комитете решение об этом примем.

— Смеешься, Витька,— удивилась Клава.— Ты же знаешь, я и так загружена.

— Да ты что, не согласна? Ты же сама в вожатые вызвалась...

— Когда это?

— А вот только что, на педсовете. «Ручаюсь, слово за Борьку даю». Это чьи слова?

— Так я за одного только Борьку ручаюсь.

— А вот теперь принимай целый отряд... двадцать восемь Борек. Это же — твое дело, кровное. Ты ведь и так давно вожатая, с малых лет... Вспомни-ка: пятый класс, лагерь на Камышевом острове... Всегда ты с ребятами. А в общем,— рассердился вдруг Витя,— чего я тебя уговариваю! Не хочешь, не берись. Дело добровольное. Придется тогда в вожатых Зину оставить...

— Нет, Зину нельзя...— покачала головой Клава и, подумав, согласилась.— Ладно, секретарь... попробую. Только, чур, покоя от меня не будет. Придется и тебе о ребятах думать.

ПЕРВЫЙ СБОР

На другой день весь шестой класс уже знал, что «режиму Дембовского и Зины Бахаревой» пришел конец, а вместо них в класс придут Анна Павловна и Клава Назарова.

— Клаша — это здорово! — с удовольствием сказал Федя Сушков.— Теперь хоть на конях покатаемся, а зимой на лыжах походим. А то ведь при старой вожатой мухи на сборах дохли...

— И Анна Павловна тоже неплохо,— заметил Дима Петровский.— Она добренькая, ей только поплачься.

— А по мне что в лоб, что по лбу,— буркнул под нос Ваня Архипов.— Как это мы учили... от перемены мест слагаемых сумма не меняется.

Вернувшись из школы домой, Леля не утерпела и передала все эти разговоры сестре.

— А ты сама как думаешь? — настороженно спросила Клава.

— Ну, конечно, очень хорошо, что ты с нами будешь... Все так рады, так рады! И что ты за Борьку поручилась, тоже все довольны,— затараторила Леля.— Вот только справишься ли? Знаешь, у нас ребята какие? Зину они до слез доводили.

— Спасибо... утешила, — нахмурилась Клава.

Собирая на стол, Екатерина Федоровна молча прислушивалась к разговору дочерей. И почему Клава так тянется к ребятишкам? В пятом классе она хороводилась с малышами с улицы, привязалась к Борьке Капелюхину, вместе со всем классом шефствовала над группой детдомовцев, потом в школе работала с октябрятами и вот снова в вожатые. Да и без этого в доме у них постоянно толпятся ребята: о чем-то советуются с Клавой, крутятся на турнике, зашивают волейбольные мячи, чинят тапочки, латают майки. А дочке между тем пора бы остепениться — перешла в девятый класс, время подумать и об институте, о завтрашнем дне.

— Клашенька, а может, не браться тебе за шестой-то класс? — осторожно заговорила мать.— Очень уж, сказывают, народ там бедовый. Пусть лучше из старших кто займется...

— Да я ж, мама, вроде сама вызвалась,— призналась Клава.— За Борьку поручилась.

— Ну, дочка, понесет теперь тебя, закрутит,— вздохнула Екатерина Федоровна.

— Ничего, мама! Я люблю, когда на стремнину выносит.— Клава задорно встряхнула стрижеными волосами, хотя на душе у нее было совсем неспокойно. Ведь вожатой она будет работать впервые в жизни. С чего же начать, как приступить к делу?

В этот день Клава повидалась с Анной Павловной.

— Ну, дорогая моя помощница,— улыбнулась учительница,— ты, наверное, за советом ко мне прискакала: как да с чего начинать? А я, признаться, и сама толком не знаю. Детей воспитывать — это не дощечки стругать, не табуретки сколачивать. Тут готовеньких рецептов не пропишешь. Сколько

ребят — столько и подходов. И к каждому свой особый ключик подобрать требуется... Давай-ка мы с тобой для начала к ребятам присмотримся, познакомимся с ними...— Она на минутку задумалась, потом добавила: — Только одно, Клава, запомни, самое главное... Я об этом у Феликса Эдмундовича Дзержинского читала. «Быть светлым лучом для других, самому излучать свет — вот высшее счастье для человека, какого он только может достигнуть...»

— «Быть светлым лучом... излучать свет»,— шепотом повторила Клава.— Я это обязательно запомню... на всю жизнь.

На следующий день Клава принимала отрядные дела.

Зина Бахарева передала ей знамя, барабан, помятый горн, дневники звеньев, в которых давно уже ничего не записывалось, и тощую пачку со списком пионеров и планом работы.

— Тут у нас столько всяких мероприятий запланировано, тебе до конца года хватит: шесть бесед, две лекции, экскурсия на льнозавод. Потом еще по звеньям есть планы.

— Ты мне лучше о ребятах расскажи,— попросила Клава.

— А чего рассказывать,— отмахнулась Зина.— Отпетый народ, сорванцы. Отлынивать от всего любят. Они тебе сразу на шею сядут. Ну, ни пуха тебе, ни пера,— пожелала Зина, когда передача немудреного пионерского хозяйства была закончена.

* * *

Сбор отряда, посвященный теме «Люби и изучай родной край», состоялся после уроков.

Когда Клава вместе с Зиной Бахаревой вошла в пионерскую комнату, она сразу заметила, что из двадцати восьми пионеров шестого класса «Б» на сбор пришло немногим более половины.

— Почему не обеспечил полную явку? — строго обратилась Зина к председателю совета отряда Диме Петровскому.

— Я старался... И уговаривал и за руку тянул,— пожаловался тот.— А они кто куда. Нефедов с дружками в футбол гоняет, Борька Капелюхин со своей компанией тоже куда-то удрал.

— Видишь, опять Капелюхин...— шепнула Клаве Зина Бахарева и кивнула Диме: — Начинай!

Дима объявил сбор отряда открытым и сказал, что сейчас Саша Бондарин сделает доклад о путешествии по родному Псковскому краю.

— Давай, давай! — фыркнул Ваня Архипов.— Бондарь у нас путешественник что надо... Всю печку прошел да еще лежанку впридачу.

Саша, приземистый, лобастый, мрачноватый, повесил на стену самодельную географическую карту, встал к учительскому столу и глуховатым монотонным голосом принялся читать по тетрадке.

Из его доклада можно было узнать, каковы в Псковской области природа, климат, растительный и животный мир, сколько здесь рек, озер, лесных массивов, торфяных болот, пахотных земель.

А как богата и поучительна история Псковщины! Город Остров, в котором они живут, стоит на берегу древней реки Великой. Когда-то на этих берегах основательно досталось польским и немецким захватчикам.

Здесь же, на Псковской земле, на льду Чудского озера, русская рать полководца Александра Невского в знаменитом Ледовом побоище разгромила немецких «псов-рыцарей».

Недалеко от их родного города, в Михайловском и Тригорском, окреп и возмужал талант великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Между Островом и Псковом в ожесточенных боях против кайзеровских полчищ Германии родилась 23 февраля 1918 года героическая Красная Армия.

И тут Саша заметно оживился. Он начертил мелом на доске схему расположения войск немцев и первых отрядов Красной Армии и принялся с жаром рассказывать, как шел бой, как отличились наши бойцы.

«И откуда он все это знает? — с удивлением подумала Клава, слушая Сашу Бондарина.— Серьезный, видать, мальчишка, головастый. Вон сколько материала собрал».

Она окинула взглядом пионерскую комнату и нахмурилась. Ребята доклад почти не слушали: они шептались, рылись в сумках, писали друг другу записки.

Ваня Архипов обертывал газетами свои тетради и учебники: зачем, мол, напрасно терять дорогое время?

Девочки на первых партах сидели с отсутствующими лицами и готовы были по первому сигналу ринуться к двери.

Услышав шум в классе, Саша заторопился, пропустил несколько страниц доклада, наконец, пунцовый и недовольный, умолк и принялся снимать со стены карту.

— Погоди, погоди,— остановил его Дима.— Мы сейчас тебе вопросы будем задавать.

— Нет вопросов,— раздались голоса, и кто-то даже захлопал в ладоши.

— Все ясно-понятно!

— Утвердить доклад!

— Целиком и полностью!

Пионеры повскакали из-за парт.

Зина бросила на Клаву выразительный взгляд: видала, мол, какой народ? — и подняла руку.

— Минутку внимания,— объявила она.— С сегодняшнего дня у вас будет новая вожатая...

— А мы уже знаем,— отозвался Дима Петровский.

— Ее зовут Клава Назарова. Прошу любить и жаловать,— насмешливо сказал Ваня Архипов, подражая голосу Дембовского.

— Опять ты, Архипов, со своими штучками! Постыдился бы! — прикрикнула на него Зина и приказала всем сесть за парты.— Сейчас Клава с вами поговорит.

Подавив вздох, ребята опустились на парты: опять, значит, будет «накачка». Зинины беседы-«накачки» о дисциплине и порядке обычно длились минут десять. Сколько-то проговорит новая вожатая?

— Димка, принеси товарищу докладчику графин с водой,— заметил Ваня Архипов и вполголоса дурашливо пропел: — «Заседаем, воду пьем...»

— Спасибо, ребята, не требуется, — озабоченно сказала Клава.—Я бы и без воды говорила, да говорить некогда. У Борьки Капелюхина сегодня день рождения, а он исчез куда-то... Надо срочно его разыскать.

— Капелюхина? — удивился Дима.— Да где ж его отыщешь? Он про свои места никому не говорит. Вот разве Саша знает.— Он покосился на Бондарина, но тот сделал ему предупреждающий знак — молчи, мол,— и поспешно сказал, что Борька все держит в секрете и тайне.

Клава притворно вздохнула.

— А я думала, вы мне поможете... Что ж теперь делать? Придется, пожалуй, по следам разыскивать.— И она обратилась к пионерам.— Ну, кто в разведку со мной? Так сказать, по следам таинственного Борьки Капелюхина и его компании. Вот вам и первое путешествие.

Ребята оживились: это, пожалуй, будет здорово, если они найдут Борьку с приятеля-

ми и узнают, чем те занимаются. Только Ваня с довольным видом запихал в сумку учебники и, буркнув: «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет!..» — направился к двери. Вслед за ним вышли из класса еще несколько девочек и ребят.

Остальные устремились за Клавой.

— Очень все несерьезно... особенно для начала,— пожав плечами, шепнула ей Зина.— А в общем, как знаешь, тебе работать.— И она направилась к дому.

Клава повела ребят к Великой.

Честно говоря, она немножко хитрила. Как-то раз она слышала разговор Борьки и Феди Сушкова о плотах, о рыбной ловле, о Камышевом острове и сейчас надеялась, что ребята находятся где-нибудь там.

Но никаких следов пока не обнаруживалось.

Вскоре за изгибом реки показался Камышевый остров, и Клава заметила на нем еле приметный голубоватый дымок.

Это уже кое-что значило. Может, Борька и в самом деле на острове. Но как туда перебраться?

Клава повела ребят к речной заводи. Она была окружена густым лозняком и отделена от города широкой заболоченной низиной. Пробраться к заводи можно было только по узкой, еле приметной тропинке, выложенной хворостом и жердями.

«А ведь и я с ребятами из этой заводи когда-то на остров переправлялась,— вспомнила Клава.— Мы здесь всегда плот прятали или лодку».

Но сейчас в заводи не было ни плота, ни лодки.

— Не найти нам Борьку,— разочарованно протянул кто-то из мальчишек.— Пошли по домам.

— Тихо, не шуметь! — приказала Клава.— Всем в засаду! Замаскироваться и ждать меня. Я скоро вернусь.

Зайдя в кусты, она скинула платье, обмотала его вокруг головы и, войдя в воду, бесшумно поплыла к острову.

По-осеннему холодная вода обожгла тело, дыхание перехватило, но возвращаться назад было уже поздно.

— Смотрите,— шепнул ребятам пораженный Саша Бондарин, выскакивая на берег.— Да она ж закоченеет... ноги сведет!

Минут через десять она пригнала к заводи бревенчатый плот.

— Они там... на острове,— лязгая зубами, сообщила она про Борькину компанию.— Садитесь... поехали. Только тихо!

Ребята погрузились на плот, пробрались через камышовые заросли, бесшумно, как десантники, высадились на острове и затаились. Потом осторожно начали пробираться через частый кустарник к середине острова, откуда доносились мальчишечьи голоса и потрескивание хвороста в костре. Вскоре открылась небольшая круглая поляна. На земле в беспорядке лежали намокшие от воды бревна, горбыли, слеги, доски, мотки ржавой проволоки, обрывки веревок.

Борька Капелюхин и Федя Сушков, стоя возле старой, дырявой лодки, о чем-то запальчиво спорили.

Борька доказывал, что если эту лодку как следует починить да оснастить парусом, то ее можно объявить флагманским кораблем и доплыть на ней хоть до Балтийского моря.

— Еще скажешь, до Ледовитого океана,— перебил его Федя Сушков.— Ты хоть книжку по географии почитай.

Борька вспыхнул, но не успел ничего ответить: за кустами он заметил Клаву и пионеров.

— Вы?.. Это вы?..— опешил он.— Как вы попали сюда?

Ребята с криком выскочили из засады и окружили Борькину компанию.

— А мы в разведку ходили по вашим следам,— торжествуя, сообщил Дима.— Даже поспорили, найдем вас или нет. Вот и нашли!..

— На вашем же плоту приехали,— подразнил Борькину компанию Саша Бондарин.— Его у вас вон кто угнал,— он кивнул на Клаву,— а вы, ротозеи, даже и не заметили.

Борька и Федя сконфуженно переглянулись, а Саша подбросил в костер охапку валежника и подтолкнул Клаву ближе к огню: отогревайся, мол.

— А чего ради вы привалили сюда? — скрывая смущение, спросил Борька.

— Ребята вашими делами очень интересуются,— с серьезным видом сказала Клава.— Говорят, вы флотилию строите, в путешествие по реке Великой собираетесь.

— Какая там флотилия! — покраснев, отмахнулся Борька.— Просто мы лодку раздобыли...

— Тоже мне лодка! — фыркнул Дима.— Одни дыры. Ее чинить да чинить надо!

— Ну и что? И починим,— с вызовом ответил Борька.— Мы уже и смолу достали и паклю...

— Ну, а потом... когда почините? Так и будете с острова на берег ездить... туда-сюда?

— Почему туда-сюда? — возразил Федя Сушков.— Возьмем да летом путешествие на плотах и лодках устроим. Вниз по Великой. Потом по Псковскому озеру. Чем плохо?

— Путешествие?! На плотах и лодках?!.— удивился Саша Бондарин.— Вот это да! Чего же вы от нас скрывали? Все одни да одни...

— А нас кто-нибудь спрашивал об этом?— с досадой отозвался Борька.

Ребята оживились. Они нетерпеливо принялись расспрашивать Борьку и Федю, когда их компания думает пуститься в плавание, нельзя ли к ним присоединиться.

— Надо всем отрядом по Великой попутешествовать,— предложил Саша, поглядывая на Клаву.— А то все одни разговоры: люби родной край, изучай родной край!

Клава задумчиво отогревала у костра руки. И почему так получается? На улице ребята с азартом играют в свои игры, носятся взъерошенные, чумазые, сияющие и счастливые, здесь, на острове, с увлечением фантазируют о флотилии, о походе по Великой, а на сбор отряда их с трудом дозовешься, сидят они там с постными, скучающими лицами и остаются ко всему равнодушными и безучастными.

Надо, видимо, поменьше громких слов, а побольше живых, ярких дел, фантазии, романтики, простора, чтобы ребята могли действовать, проявлять свою энергию, выдумку, ловкость, ум. И, может быть, «путешествие по Великой» и есть то самое живое дело, за которое следует ухватиться.

Ребята с недоумением посматривали на свою вожатую: почему она так долго молчит.

— Ну что ж,— наконец заговорила Клава.— Насчет путешествия Боря с Федей неплохо придумали. От похода по Великой, наверное, никто не откажется. Но в одной лодке весь отряд, конечно, не разместишь. Надо будет раздобыть еще несколько лодок, построить плоты... Кстати сказать, материал ребята собрали отличный... Бревна, доски, проволока.

— А все равно не пустят нас в поход, не разрешат,— уныло махнул рукой Дима.— Куда уж там, шестой «Б», забубенный класс, дикое племя! Сидеть нам дома на печке.

— Почему это не пустят? — возразил Саша.— Мы же летом поплывем.

— А Дима, пожалуй, прав,— согласилась Клава.— Могут и не пустить. Но все зависит от вас самих. Право на поход надо завоевать всем отрядом.

— Как завоевать, чем?

— Это уж вы подумайте. Учебный год только еще начинается,— ответила Клава и обратилась к Борьке и Феде: — Вот вы своей компанией в поход собрались? А по какому маршруту поплывет ваша лодка, где намечены остановки, что будут изучать путешественники в пути?

Мальчишки переглянулись.

— Об этом мы пока не думали,— растерянно признался Борька.— Потом разберемся. Время еще есть...

— Та-ак! А вот летчик Чкалов к своему полету через Северный полюс готовился целый год,— заметила Клава, оглядывая ребят.— Предложение у меня такое — через десять дней мы проведем сбор отряда. Вопрос один — о пионерском походе по реке Великой. А доложить о плане похода поручим... Боре Капелюхину и Феде Сушкову.

— Мне? — один за другим вскрикнули мальчишки.

— А что? Не под силу вам, не справитесь?

— Нет, нет, они справятся! — закричали ребята.— Пусть докладывают.

— Все остальные помогают Боре и Феде,— закончила Клава.— Сбор состоится здесь же, на острове, в пятнадцать ноль-ноль. Зажжем большой костер. Пригласим учителей, родителей.

(Продолжение в следующем номере.)

ВСЕ УМЕТЬ...

Фото М. ОКУШКО.

Срочный заказ школе: текстильной фабрике «Красная ветка» нужны детали для прядильных станков. Сережа Феофанов, пионер дружины школы-интерната № 1 города Кинешмы, обрабатывает эти детали на токарном станке.

Почему наша пионерская организация называется коммунистической

Вожатый Сима Соловьев

Красный барабанщик

С утра и до вечера глухо стучит во дворе маленький барабан. С утра и до вечера во все квартиры через распахнутые окна упрямо доносится:

Красный барабанщик,
красный барабанщик,
красный барабанщик
Крепко спал...

Видно, палочки в неумелых руках заплетаются, видно, нет еще у барабанщика чувства ритма. Но в одном нельзя отказать ему — в упорстве. С утра и до вечера, до темноты, ходит барабанщик по двору в застегнутом на все пуговицы костюмчике, упрямо нагнув голову, и барабанит, барабанит...

Его ругают взрослые, над ним посмеиваются товарищи... А Сережа Королев все так же упрямо ходит по асфальтовой дорожке вдоль огромного, десятиэтажного дома и все выбивает свою бесконечную песню про красного барабанщика, который наконец проснулся, перевернулся и — «пионера увидал», «комсомольца увидал», «коммуниста увидал» и, видимо, с их помощью «всех буржуев разогнал».

Сергей решил стать помощником барабанщика своего отряда. Он хочет идти по улице с настоящим пионерским барабаном, и чтоб палочки сами плясали в руках, и чтоб весело шагал отряд в ногу.

Послушай, Сережка! Ты очень славный парень, ты замечательный парень, тебя обязательно выберут в помощники барабанщика, а когда-нибудь и в барабанщики. Только старайся, друг, во всем быть таким же упорным, старайся всегда идти вперед — не для того, чтобы красоваться перед товарищами, а для того, чтобы вести их за собой, как положено барабанщику.

Конечно, тебе не придется «разгонять всех буржуев». В нашей стране это давно уже сделано. Но и в твоей жизни, товарищ красный барабанщик, будет еще немало суровых боев. Готовься к ним.

Помнишь, Сергей, мы говорили с тобой о том, почему наша пионерская организация называется детской коммунистической организацией? Ты тогда удивился: «Выходит, и я коммунист? Как отец?»

Нет, ты еще не коммунист. Но вы с отцом боретесь за одно и то же дело — за дело Коммунистической партии.

Дети рабочих делают выбор

В начале двадцатых годов, когда пионерской организации еще не было, у ребят был выбор: по какому из двух путей идти?

Можно было, например, вступить в организацию русских скаутов (то есть разведчиков) — это тоже была детская организация, но не коммунистическая, а буржуазная.

Можно было создать свою, рабочую, коммунистическую организацию.

Поступить в скауты было заманчиво. У скаутов красивая форма, значки, выправка. И девиз у них был такой же, как теперь у пионеров: «Всегда готов!» Только к чему «готов», вот вопрос. Русский скаут до революции «был готов» сражаться за бога и за царя, он должен был подчиняться хозяевам.

После революции скауты говорили, что они не за красных и не за белых, они вне политики, они занимаются «своими» делами.

Но дети рабочих не верили в бога, а царя их отцы прогнали. Рабочим ребятам не надо

ВСЕ ЗНАТЬ...

Фото А. ПАНЬКИНА.

Сколько в мире интересного! Сколько нового приносит каждый день! Книги, уроки, радио, газеты — во всем новое, обо всем хочется узнать и обо всем, что узнал, хочется кому-нибудь рассказать. «Послушай, дедушка, о чем сегодня в газетах пишут...»

было выбирать между белыми и красными и не надо было притворяться, что они «ни за кого». Они за красных, за коммунистов.

До того, как появились отряды пионеров, ребята создавали группы юков — юных коммунистов.

А в одном городке в Чувашии в то время была создана организация «Паук» — «партия учащихся — коммунистов». Не будем смеяться над названием «Паук». Половина этой маленькой организации пошла на фронт и погибла, попав в руки белогвардейцев.

Пионеры взяли своим девизом не скаутское «Будь готов сражаться за царя», а ленинское «Будь готов», с которым Владимир Ильич обратился ко всем членам Коммунистической партии, призывая их готовиться к борьбе.

«Всегда готов!» — это ответ пионеров на призыв партии.

«Всегда готов!» — говоришь ты, Сергей, вытягиваясь в струнку в строю товарищей. Всегда готов сражаться за лучшую жизнь всех людей, за коммунизм...

Главное дело коммунистов

Десять лет назад города Ангарска не было. На этом месте стояла будочка с надписью: «Перегон 1084». А сейчас...

Ровные, прямые, красивые улицы трех-, четырехэтажных домов с балкончиками и широкими окнами. Дома в Ангарске строят за три-четыре месяца каждый. И строят так, чтобы у каждой семьи была отдельная квартира. Посреди большей части улиц зеленые бульвары. Заводов в городе нет: они вынесены на окраину и отделены от города густым лесом — это защита городского воздуха от копоти и грязи.

Утром по улицам проходит автобус, разрисованный картинками из сказок. Вместо кондуктора в нем нянечка из детского садика. Мамы выводят своих малышей на ближайшую остановку, сдают их няне, и автобус бесплатно развозит ребят по детским садам.

Есть — мне рассказывали — в Ангарске бригада строителей-монтажников, где зарплату распределяют так: кому сколько нужно, тот столько и берет. У кого, например, есть дети, тот берет себе больше, чем холостяки; кому нужно купить костюм, тот возьмет на костюм. Кому в этом месяце не надо делать больших покупок, тот возьмет поменьше, даже меньше того, что он в действительности заработал.

Я был на Ангарском ремонтно-механическом заводе. Он выпускает оборудование для химических заводов. В модельном цехе между станками цветы в больших деревянных ящиках, весь двор засажен тополями; работают на заводе главным образом молодые ребята, и даже главный инженер совсем недавно был комсомольцем. Работают здесь так: пришло, например, письмо от комсомольцев Азовстали с просьбой побыстрее выслать заказ. Собрались рабочие и решили: останемся после смены и заказ выполним. Через несколько дней ушла из Ангарска железнодорожная платформа с оборудованием. На платформе было написано: «Комсомольцам Азовстали — от комсомольцев РМЗ», то есть ремонтно-механического завода.

Ты, Сергей, наверно, уже понял, зачем здесь рассказывается об Ангарске.

Вот главное дело Коммунистической партии, за которое мы с тобой боремся: чтоб всюду в стране люди жили хорошо, удобно, чтоб работали они на совесть, чтоб весело отдыхали после работы, занимались спортом, чтоб все учились. Чтоб была хорошая жизнь для всех, всех людей. Вот к чему зовет и твой барабан!

Но чтобы строить такие города, чтобы мечта наша становилась явью, надо иметь особый, упрямый, коммунистический характер. И пока что, Сергей, выработать в себе коммунистический характер — это твоя самая главная задача.

Про сердце, ум и руки

Феликс Эдмундович Дзержинский говорил про чекистов, что у них должно быть горячее сердце, холодный ум и чистые руки.

Ты, Сергей, кажется, ведешь запись умных мыслей. Запиши-ка в свою книжечку эти замечательные слова. Потому что относятся они не только к чекистам. У каждого, кто хочет стать настоящим коммунистом, должно быть

горячее сердце,
холодный ум,
чистые руки.

На свете много интересных книг. Но самые интересные, по-моему, издаются в серии «Жизнь замечательных людей». Если ты встретишь, Сережа, в библиотеке книжку,

И ЛЮБИТЬ РАБОТАТЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ...

Фото И. ГОЛЬДБЕРГА.

Целинным школам нужны пособия и парты, игры и книги... Московские ребята взялись за дело. Что могли — делали сами, кое-что покупали на заработанные деньги. Помогли комсомольцы-шефы. И вот пионерский эшелон отправился на целину...

на корешке которой стоят буквы «ЖЗЛ» и нарисован горящий факел, возьми ее обязательно, прочти — не пожалеешь. И о ком бы ни была эта книга, это всегда книга о горячем, страстном человеке, который всю свою жизнь, всю, до последней минуты, отдает народу, труду, науке, искусству. Как горящий факел, сияет его жизнь. Как факел, несет он людям свет и счастье.

Каждый настоящий коммунист, если даже он не обладает никакими выдающимися талантами и не будут о нем писать книги, каждый настоящий коммунист вот так же подчиняет свою жизнь одной задаче — добиться Мира, Труда, Свободы, Равенства и Счастья всех народов, как говорится в проекте Программы нашей партии.

Но мало хотеть, чтобы всем жилось хорошо. Надо еще знать, как это сделать.

Мы идем с тобой по заводу: вот стоит токарь, и струйка белой эмульсии разбивается, шипя, о горячую деталь, которую он обрабатывает. Вот, примостившись в кабинке, под самой стеклянной крышей цеха девушка-крановщица управляет тяжелым, десятитонным краном с огромным, неуклюжим, куцым крюком... Вот под руками сборщика быстро обрастает деталями сложной формы чугунная махина — мы с тобой даже не знаем, для чего она...

Пока мы экскурсанты — все хорошо, все интересно. Но ведь всю жизнь экскурсантом не проживешь, придет время занять свое рабочее место, стать к своему станку...

Горячее сердце, холодный, ясный, тонкий, обогащенный глубокими знаниями ум — вот что нужно тому, кто собирается строить коммунизм.

И, конечно, чистые руки. Есть, Сергей, у нас еще всякие ловкачи, спекулянты, проходимцы, которые не прочь устроить райскую жизнь только для себя.

Да и среди ребят есть такие.

Когда мы учились, во время войны, все продукты были по карточкам. На завтрак нам в школе выдавали по маленькой коврижке. И вот один мальчишка — и не хуже всех он жил! — всегда брался получать эти самые коврижки в школьном буфете, потому что если в классе кого-нибудь не было и оставалась лишняя коврижка, то он мог выгодно продать ее...

А ты не встречал таких любителей чужих «коврижек»? С такими, конечно, никакого коммунизма не построишь!

Вопросы к самому себе

Наверно, Сергей, ты уже не раз задумывался о себе самом: какой ты? Что у тебя в характере хорошего, а что плохого? Вот несколько вопросов, которые ты сам себе задай и на которые сам себе честно ответь.

Можно ли верить твоему слову?

Подбил ли ты товарищей хоть на одно хорошее дело?

Умеешь ли ты пойти против товарищей, если знаешь, что они не правы?

Хватает ли у тебя силы воли побороть собственную лень?

Думаю, что на эти вопросы ты ответишь «да».

А теперь спроси себя вот о чем:

Не стремишься ли ты иногда получить хорошую отметку не совсем честным путем?

Не дразнил ли ты ребят другой национальности?

Не уходил ли ты от работы, за которую взялся весь отряд, взялось все звено?

Не струсил ли ты, когда надо было защитить несправедливо обиженного?

Я уверен, что тебя даже возмутят последние вопросы. Что ж, это и правильно. Разве может человек, настоящий пионер, быть ловкачом, лентяем, трусом?!

Через полчаса после приземления Герман Степанович Титов позвонил Никите Сергеевичу Хрущеву. Разговаривали по телефону двое, а слушал их весь мир. И весь мир узнал о самой большой чести, которую оказали герою-космонавту: его приняли в члены Коммунистической партии Советского Союза.

Той самой партии, в которой состоял Ленин.

Той партии, в которой состояли Свердлов, Дзержинский, Фрунзе, Калинин.

Той партии, в которой состоит первый в мире космонавт Юрий Гагарин.

Той партии, в которую наверняка захочешь вступить и ты, Сергей Королев, помощник барабанщика, член детской коммунистической организации имени Ленина.

О больших делах и больших мечтах

Юрий ЯКОВЛЕВ

Фото М. Начинкина.

Есть два рода мечтателей.

Одни мечтают о больших делах, о славных подвигах, о смелых открытиях. Мечтают и рассуждают так: «Ну, пока-то мы еще малы, не можем штурмовать льды и открывать новые законы природы. А вот когда подрастем, тогда откроем, построим, победим!»

У других мечты не менее дерзкие. Но рассуждают они иначе: «Зачем ждать, пока подрастем? Разве сейчас для нас не найдется настоящих дел?! Не хотим сидеть сложа руки!»

Эти мечтатели с малых лет привыкают к делу. А мечте без дела грош цена!

Мечта и дело у нас неразрывно связаны. И если сегодня наша родная Коммунистическая партия провозглашает, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме, то это высокое обещание подкреплено точными расчетами. И главный расчет опирается на неиссякаемые силы нашего народа, на преданность советских людей делу Ленина, на волю народа, проверенную и закаленную в труде и в бою.

Взрослые мечтают о коммунизме. И создают его своими руками.

А пионеры?

В нашей стране есть традиция: пионеры живут делами своих отцов. Они тоже вкладывают свой труд в строительство коммунизма.

В этом году я встретился в Ставропольском крае с замечательными ребятами. Эти ребята — настоящие мечтатели. Они мечтают преобразить родную землю, мечтают стать агрономами, учителями, механизаторами и зоотехниками.

Мечтают — и совершают множество больших, полезных дел. Они сегодня готовятся к тому, чтобы завтра стать строителями коммунизма. Эти ребята самостоятельно выращивают кукурузу и разводят уток, выводят новые сорта растений и управляют комбайнами.

О некоторых из этих пионеров мне хочется рассказать вам.

Станица Григорополисская

Тот, кто пережил войну, хорошо помнит карты с флажками. Маленькие алые флажки (полотнище — бумажная полоска, древко — булавка) то отступали, то медленно продвигались вперед. Продвижение флажка на несколько миллиметров означало, что на фронте люди сражаются и отдают жизнь ради победы.

В мирные дни тоже есть карты с флажками. На одних картах флажок появляется там, где обнаружили руду, на других — где открыли новый пионерлагерь, на третьих — где новая бригада получила звание коллектива коммунистического труда. Алый флажок означает борьбу и победу. Так уж повелось.

Вот и в Григорополисской школе висит на стене карта с флажками, большая карта Родины. Ребята отмечают на ней, где сейчас трудятся их старшие товарищи, бывшие питомцы школы. Над Норильском алеет флажок в честь Раи Матвиенко. В Донецке трудится Катя Маркина — тоже флажок. Много флажков на карте Родины! Куда бы ни забросила судьба бывшего члена ученической бригады, место его работы отмечено флажком.

Если бы на карте был план Москвы, то над районом Тимирязевской академии пришлось бы воткнуть восемнадцать флажков! А для станицы Григорополисской потребовалось бы около двухсот флажков — большинство окончивших школу трудятся в родном колхозе.

Петя Кораблинов! Как жаль, что мне не довелось с ним повстречаться! Судя по рас-

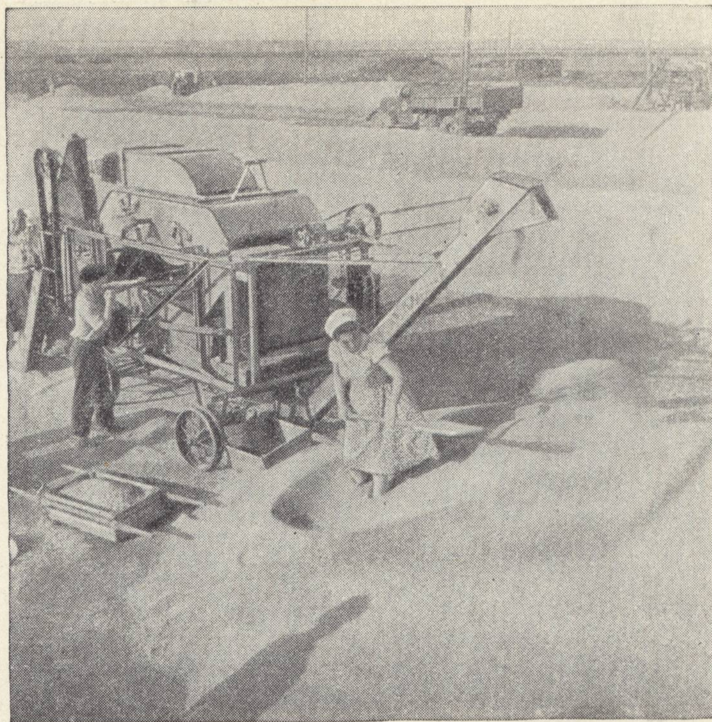
сказам друзей, это замечательный парень. В ученической бригаде он был отличным работником. Петю тянуло к машинам. Еще в школе он получил несколько специальностей: тракторист-машинист широкого профиля, вулканизатор, автослесарь. Но после окончания школы Петя принимает неожиданное решение:

— Иду работать на свиноферму.

— Там трудно.

— Вот я и пойду. Никто не идет, а я пойду. Мне интересно, где трудно.

Так рассуждает комсомолец пятидесятых годов. Такая у него жизненная линия. Он нужен там, где трудно. И он идет туда, где трудно. Разве не такими были комсомольцы двадцатых годов? Разве не таким был Павка Корчагин? Ни предрассудки близких, ни уговоры не остановили Петю. Не смутило его звание свинаря. Некрасиво звучит? Ерунда! Мещанство! Всякий труд красив.

Богатый урожай собрала ученическая бригада 2-й Григорополисской школы.

Несколько лет Петя Кораблинов проработал свинарем. Но теперь он решил ехать в Москву, чтобы поступать на экономический факультет МГУ. Он будет экономистом.

Придется Петин флажок на карте Родины перенести в Москву. Но только на пять лет, потому что после окончания вуза он вернется в родной колхоз. Колхоз большой, хозяйство сложное, и колхозу нужны опытные экономисты!

Станица Ново-Александровская

У меня есть стихотворение под названием «Республика Кря-кря». Речь в нем идет об утках и о ребятах. Стихотворение начинается так:

Бывали вы, ребята,
В республике Кря-кря?
Какие омывают
Республику моря?
Морей там близко нету,
По чести говоря.

Но, может, есть там город,
Что густо населен,
В котором население —
Примерно миллион?
Такого населения
Там нету, к сожалению.

Так что же за республика —
Республика Кря-кря,
Которую на глобусе
Мы с вами ищем зря?

Пусть нет ее на глобусе —
Поедем на автобусе
И бросим якоря
В республике Кря-кря.

Я писал стихи со слов друзей. Но судьба сложилась так, что мне самому довелось попасть в эту сказочную республику. Я приехал на автобусе и «бросил якоря» в республике Кря-кря.

Признаюсь сразу: в стихах допущена ошибка. Утиная республика существует в природе, а стало быть, подразумевается и на глобусе. Адрес республики — станица Ново-Александровская. И для граждан утиной республики места здесь вполне достаточно.

Именно здесь, на берегу запруженной речки, я познакомился с хозяйкой республики

Жили девочки на берегу реки в маленьком вагончике. В вагончике стояло четыре койки. Но сюда птичницы приходили только спать. Днем девочки возились с утятами, а в свободное время бежали в культстан к товарищам по бригаде. Там всегда было шумно, весело, интересно.

Чем меньше утята, тем труднее с ними. Дружно попискивая, они вытягивают длинные шейки и беспомощно топчутся на своих плоских лапках.

Самых маленьких утят, которых только-только привезли из инкубатора, помещают в «утиные ясли». Здесь жарко, как в оранжерее. А когда утята немного подрастут и окрепнут, девочки переводят утят в детский садик. Здесь уже не так тепло: утятам надо закаляться! И только на шестнадцатый день утятам разрешается спуститься на воду.

А эти девчата — Низифа Кятова и Роза Тутова — из черкесского аула Хабез. Интересные книги везут они на полевой стан своей ученической бригады.

Кря-кря — Валей. Валя показывает мне владения республики и рассказывает о работе своего звена:

— Прежде, чем получить уток, мы всем звеном прошли специальные курсы — восемнадцать уроков. И наконец 30 июня прошлого года нам дали 27 тысяч уток.

На Валю и ее подруг возложили большую ответственность. Шутка ли, 27 тысяч маленьких живых существ! Каждого утенка надо накормить, за каждым уследить. Это не такто просто!..

«Кря!» —
Сказала утка утке.
«Кря!» —
Послышалось в ответ.
«Через тридцать три минутки
Пригласят нас на обед».

«Кря!» —
Кричат утята маме.
«Кря! —
Сказала мама. —
Кря!
Приучайтесь плавать сами,
Не тревожьте маму зря».

«Кря! — заметил папа басом. —
Кря, — сказал он восемь раз, —

Свои поля хабезские школьники обрабатывают с помощью машин.

Плавать нужно только брассом:
Для утят удобен брасс!»

С каждым днем Валя и ее подружки все лучше и лучше узнавали повадки своих питомцев. Казалось, они уже понимали значение каждого «кря».

Перед девочками стояла задача не просто сохранить все поголовье, а поставить дело так, чтобы утята росли хорошо и быстро.

— Наши утки за месяц прибавляли по 1 килограмму 375 граммов, — рассказывает Валя.

И не удивительно! Девочки тщательно составляют ежедневный рацион питания для уток. Меню у Валиных утят очень разнообразное: им дают на обед творог, муку, даже рыбий жир, особенно тем, что послабее, ведь не все утята одинаково здоровые. Некоторые выходят из инкубатора слабенькими, за такими нужен специальный уход. Много возни было у Вали и ее подружек с утками. Только к вечеру их шумные, беспокойные питомцы наконец утихали.

Алеет над республикой
Вечерняя заря.
Как будет по-утиному
«Спокойной ночи»?
«Кря!»

Вот она, Валя Широбокова, хозяйка птичьей фермы.

И вот прошло лето. Девочки считают, что оно прошло очень интересно. Они купались, загорали, читали хорошие книжки. И вместе с тем они выполнили большое дело.

Недаром потрудились девочки из Валиного звена. Когда настала пора сдавать уток, то оказалось, что из 26 тысяч потери составили всего 130 утят. Выход 99%. Это здорово!

Целая утиная жизнь прошла под наблюдением девочек из Валиного звена. С их помощью маленькие, беспомощные существа превратились в больших, сильных уток. Теперь они уже не попискивали, а громко крякали.

Опыт Валиного звена интересен другим утководам.

И вот Валя едет на совещание юных натуралистов в Ленинград. Она делает доклад о работе ребят-птицеводов всего Ставропольского края. И академик Цицин одобрительно кивает хозяйке республики Кря-кря. А она стоит перед ребятами, съехавшимися со всей страны, перед учеными. Высокая, худенькая, зеленоглазая, брови чуть видны, на щеках — ямочки. Валю внимательно слушают.

На совещании в Ленинграде Валя подружилась со ставропольским пареньком Гришей Усовым, который вырастил 234 теленка, и с Валей Серпокрыловой из Читинской области, которая прославилась как цветовод. С ними Валя переписывается до настоящей поры...

Я был на Ставрополье весной.

...Над Ново-Александровской стояло высокое солнце. Ветер слегка морщинил воду. Пахло теплой сырой землей. Все вокруг цвело. И желтые комочки утят в руках у Вали тоже казались большими пушистыми цветами.

Станица Сторожевая

Нет, вся большая жизнь школы не уместится в стенах двух скромных одноэтажных зданий. Она выходит из берегов. Она требует простора. И вот

тракторист. Однако у него произошла заминка, два дня не мог наладить трактор. На третий день обратился к сыну.

И Сергей наладил. Мальчишка, школьник, сумел сделать то, что оказалось не по плечу старому трактористу.

В чем же здесь секрет? Вероятно, в культуре. В общей культуре, которая распространяется и на уроки и на труд. Трактористы ученической бригады привыкли серьезно относиться к каждой детали своей умной и трудолюбивой машины.

Как часто взрослые, опытные трактористы не обращают внимания на воздухоочиститель, забывают его смазывать! А если он сухой, то бездействует. Значит, пыль легко проникает в двигатель. Проверьте воздухоочиститель любого трактора, на котором работают школьники-механизаторы. Он в образцовом порядке. Большие, глубокие знания помогают ребятам хорошо понять весь организм трактора. Они четко представляют себе, что произойдет, если какая-нибудь деталь эксплуатируется не по правилам. Им недостаточно того, что сегодня трактор идет. Им надо, чтобы трактор шел завтра и послезавтра.

Богатырскую кукурузу вырастили ребята на своем опытном участке. Чтобы достать до верхушки, нужна акробатика.

мы стоим на новом рубеже, который завоевала Сторожевская школа.

Рядом с шоссе в поле — арка. На ней надпись: «Ученическая бригада». На черных, разлинованных плугом просторах — светло-зеленые точки. Это проклюнулись ростки кукурузы. Даже самому горячему воображению трудно нарисовать, что через несколько месяцев из зеленых точек возникнет огромная зеленая стена в полтора человеческих роста. Но огромный массив кукурузы, в котором нетрудно заблудиться, будет выращен ученической бригадой Сторожевской школы. В этом все твердо уверены. Тем более, что у бригады есть опыт и ребята знают секрет высоких урожаев.

Большой разворот работ требует механизации. Поэтому речь пойдет о трактористах. О ребятах, которые сейчас сидят за партой, решают задачки, у доски отвечают правила, учат исторические даты и имена. Однако эти ребята — уже умелые механизаторы.

Почему Сережа Крикунов не явился сегодня в школу? Парень он дисциплинированный, аккуратный. Может быть, заболел? На другой день все выясняется: отец попросил Сережу помочь ему привести в порядок трактор.

Не может быть! Отец Сергея — опытный

Я познакомился с другим юным трактористом — Аламатом Кечеруковым. Этот паренек давно тянулся к трактору. Когда он был совсем мальчишкой и трактористы отгоняли его от машины, он украдкой следил, как они ремонтировали своих стальных коней. В школьной ученической бригаде Аламат сразу заявил, что хочет быть механизатором. И все было бы хорошо, если бы не подвел рост. Как плохо иногда быть маленького роста! Человек может воспитать в себе волю, может закалиться и изучить самую трудную науку — было бы упорство! — но над своим ростом он — увы! — не властен.

Аламат забирался на сиденье трактора, а нога не доставала до педали. Приходилось каждый раз привставать. Что делать? У Аламата появилась мысль приделать к ботинкам деревяшки. Он знал, что в древности артисты греческого театра, чтобы казаться выше, надевали на ноги котурны — обувь на особых подставках. Вот если бы раздобыть такие котурны! Но где их возьмешь в станице Сторожевой?

Пришлось обходиться без котурнов.

Первое время, когда Аламат садился за трактор, машина казалась юноше диким, необузданным зверем. Аламат велел ему ехать влево, а он — упрямый! — поворачивал вправо. Он скакал по буграм и все время пытался уйти куда-нибудь в сторону.

А однажды совсем ушел от Аламата.

Случилось так, что на пути у трактора разлеглась лошадь. Аламат подавал сигналы, кричал на нее. Лошадь продолжала лежать. Тогда Аламат соскочил с трактора и побежал прогонять лошадь. Но он забыл выжать педаль сцепления. И трактор укатил. Пришлось Аламату догонять непокорную машину.

Крепко попотел Аламат Кечеруков, прежде чем ему удалось «укротить» трактор. И машина в конце концов покорилась молодому мастеру, стала ручной.

Недавно Аламат узнал, что герой-космонавт Юрий Гагарин тоже маленького роста и что когда он учился летать, то подкладывал под сиденье подушку. Это окончательно успокоило Аламата. И он больше уже не сетует на свой рост.

В культстане бригады установлена радиостанция. Радио помогает управлять сложным хозяйством.

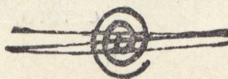
Когда радио донесло в Сторожевую весть о полете Гагарина, в школе прекратились занятия. Ребята выбежали на улицу. Все обступили громкоговоритель. Вместе с ребятами выбежали учителя. Возник митинг. Говорили ребята. Говорили преподаватели. А потом вышел Константин Алексеевич Родионов, директор школы, и сказал:

— Я на своем немалом веку помню только один случай, когда ребята самовольно выбежали из класса и учитель не удержал их. Было это в тридцатых годах в одной деревне Воронежской области. Шли занятия, и вдруг кто-то из ребят увидел в окно трактор. Первый трактор вошел в деревню! Еще не наш трактор, а американский «фордзон»... И вот тогда, увидав впервые стального коня, ребята высыпали на улицу. Учитель не стал их удерживать. Молодой учитель вместе со своими учениками бежал следом за трактором. Трактор, поднимая пыль и громко тарахтя, катил по деревне, а ребята все бежали и бежали за ним... Трактор был чудом.

С тех пор прошло только тридцать лет. А новое чудо, взбудоражившее ребят и взрослых, корабль «Восток», идет не по земле, а летит в космическом пространстве.

— И вот я думаю, — говорит Константин Алексеевич, — когда в следующий раз мы прервем занятия, пораженные чем-то новым, невиданным и грандиозным, что это будет? И как знать, может, кто-нибудь из моих учеников будет участвовать в создании нового чуда... И может быть, к тому времени космический корабль в нашей жизни будет таким же обыденным, как сегодня простой трактор...

Кстати сказать, молодым учителем из Воронежской деревни был сам Константин Алексеевич.

ДВА ИВАНЫЧА

А. САДОВСКИЙ

Про одного все слыхали, я думаю. Это Мелихов Георгий Иванович, тот самый, которого прозвали «Царь-токарь».

Его даже в кино показывали. По зрительному залу прокатывался восторженный гул, когда на экране появлялся важный, седоусый старик со строго мерцающим взглядом, действительно походивший на сказочного то милостивого, то грозного царя.

Второй не так известен.

Я слышал про него раньше, что он тоже токарь, что в отличие от плотного, приземистого «Царя» он высок и статен, седоват, но слегка, в висках, и что полное имя его — Афанасьев Николай Иванович.

А больше ничего и не знал.

Два Иваныча много лет работали в паротурбинном цехе Ленинградского металлического завода, но и они мало были знакомы.

Цех велик. Пролеты там чуть не в половину длины Невского проспекта, с бесконечными рядами карусельных, фрезерных, расточных, токарных, долбежных, строгальных станков. Сотни людей в этом цехе, и далеко не все знают друг друга.

Иванычи встречались иногда в пролете. Обычно младший кланялся старшему с почтительной улыбкой, старший важно кивал в ответ младшему.

Потом судьба свела их на одном участке. И между ними начался поединок, за которым на заводе следили с таким же интересом, с каким шахматные болельщики следили за матчем Ботвинника и Таля.

Каждые три-четыре месяца с участка на сборку уходил вал с ротором для новой паровой турбины. А вал с ротором — это сердце турбины, сердце с могучим биением и страшной частотой ударов: три тысячи оборотов в минуту.

Один заводской математик высчитал, что при такой частоте оборотов вал с ротором, если его поставить на рельсы, примчится из Ленинграда в Москву за полчаса — быстрее реактивного самолета.

Только Мелихов умел обрабатывать сердца турбин. Мне он казался колдуном, который знает какие-то тайны. Помню, я был у него на участке, когда поступил для обработки вал, привезенный с Урала. Подъемный кран осторожно опустил на длинный, как платформа, станок глыбу металла длиною в семь метров и весом в двадцать тонн, а Мелихов медленно обошел ее со всех сторон, взглянул туда, взглянул сюда и вдруг сердито засопел.

— Головы поотрывать за такое дело!

— Что случилось? — озабоченно спросил мастер.

— Песочину вижу.

— Георгий Иванович, какая может быть песочина? Вал в лаборатории проверили.

— За то и головы поотрывать, что плохо проверили.

Шутить с деталью, которая должна делать три тысячи оборотов в минуту, опасно. Пришлось вернуть вал в лабораторию на повторный анализ. И только тогда лаборанты увидели с помощью приборов то, что простым, невооруженным, но каким-то колдовским глазом видел седоусый Мелихов.

Но зато уж и капризен был «Царь-токарь»! Он совсем не хотел считаться с планом. Сотни людей в цехе работали по заводскому графику, а у него был свой график — мелиховский.

Вечно его участок задерживал сборку.

Вечно нервничали из-за Мелихова мастера и слесари, работавшие в другом конце пролета.

Там на испытательном стенде собирали могучий корпус турбины, которая должна озарить светом целую область. Там нетерпеливо ждали, когда придет важнейшая деталь, которая вдохнет в турбину жизнь.

А детали не было и не было.

К Мелихову на поклон ходили мастера, инженеры, даже директор. Каждый начинал с того, что похваливал его за несравненное

мастерство. Это ему нравилось. В таких случаях он самодовольно поглаживал сивые усы, повисшие двумя клиньями книзу, как у Тараса Бульбы.

Но когда кто-нибудь пытался внушить ему, что не худо бы дать и скорость, у Мелихова холодели серые, чуть мутноватые уже от старости глаза.

— Восемьсот часов, — скрипуче цедил он сквозь зубы. — Все!

И отходил к своему станку.

Скорости нет, говорите? Зато на электростанциях, там везде скорость! Почему его валы так безотказно дают бешеную частоту оборотов на электростанциях? Потому что у него на станке эти самые валы вращаются медленно и тщательно обрабатываются.

Так думал Мелихов. И он был прав, посвоему.

Он работал на своем участке один. Из токарей никто не смог здесь прижиться.

Нашлись однажды охотники заменить «Царя» и даже обогнать его в скорости.

Таких было двое, и обоих крепко невзлюбил Мелихов. Оба раздражали его самоуверенностью, неумными шуточками насчет стариков, которым «пора на мусор». К тому же оба оказались и легкомысленны, совсем не поняли, что́ взялись обрабатывать. Скорость дали, а точность дать не смогли.

При большой частоте оборотов плохо обработанный вал может разнести турбину и покалечить людей, но токари об этом не думали. И чуть не сгубили сердце турбины.

Мелихов, видя их суетливость, недобро усмехался.

— В старину люди говорили: поспешишь — людей насмешишь.

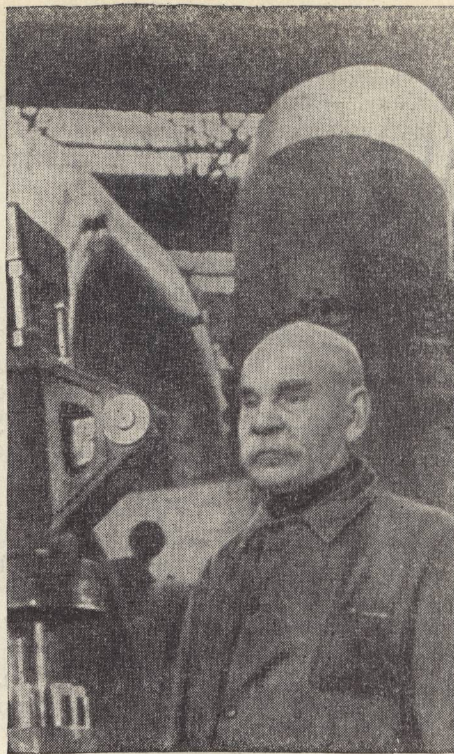
И опять оказался прав.

Заносчивые и неумелые токари гонялись за славой, а добыли позор. Захотели посмеяться над старым человеком, и сами стали посмешищем, попали не на красную доску почета, а в число бракоделов.

Потом настал черед Иваныча второго.

Он работал в другом пролете, у небольшого токарного станка, на котором обрабатывал диски для мелиховских валов. Рослый, почти богатырь, с подкупающе доброй улыбкой, он очень понравился мне при первой встрече.

Георгий Иванович Мелихов.

«С таким, — подумал я, — не пропадешь». Потом я узнал, что «богатырь» болеет одним из самых тяжелых недугов на земле — туберкулезом. Заболел он давно, четверть века назад, когда такой недуг нелегко было вылечить. Старые люди помнят, как жутко становилось, когда про человека говорили:

— Чахоточный!

Молодому Афанасьеву тоже пророчили скорую погибель.

— Этот, — шептались за его спиной, — дальше весны не протянет.

Мало кто знал, какая сила сопротивления таилась в этом человеке. Он и в самом деле был богатырем, но не по здоровью, не по плечам, а по стойкости характера.

И в годы войны доказал это.

В солдаты его не взяли. В завкоме ему даже предложили эвакуироваться, выехать куда-нибудь на восток, подальше от фронта.

— Товарищей не брошу, — спокойно сказал Афанасьев.

Его подвели к висевшей на стене самодельной карте фронта. Показали на клинья немецких войск, уже вонзавшиеся остриями в пригороды Ленинграда.

— Видишь клин справа, возле Шлиссельбурга? Это Гитлер в кольцо нас берет. От снабжения хочет отрезать.

— Собака! — тихо произнес Афанасьев.

— Смотри, — предупредили его, — поголодовать придется, ты можешь не выдержать.

— Выдержу.

Все двадцать девять месяцев блокады Афанасьев оставался в осажденном городе. Он не хуже других понимал, что в Ленинграде будет нелегко. Но другие не ждали, и он тоже не ждал, что такой трудной будет первая блокадная зима.

Хлеб давали тогда пополам с опилками и такую порцию, что умещалась на детской ладони. Еще давали в заводской столовой суп без капельки жира и желе из древесины — на сладкое. Тут и здоровый не каждый выдерживал. Но Афанасьев не жаловался. Съев свою жиденькую порцию, он говорил официантке:

— Катюша, передай поварихе — вкусный обед сегодня сготовила.

Каждый день приходил Афанасьев на завод ремонтировать боевые машины, поступавшие прямо с фронта. В пролетах цеха намело сугробы через щели, образовавшиеся в стенах от близких взрывов. Стужа была лютая в ту зиму, а он с больными легкими работал часто по две смены подряд. И еще других подбадривал.

Жил он тогда на Лиговке, идти на завод, расположенный на другом берегу Невы, приходилось почти через полгорода. Трамваи в первую блокадную зиму не ходили. Заметенные снегом, на улицах стояли вагоны, казалось, навсегда примерзшие к рельсам. В январе бывали дни, когда город весь коченел и даже радио не работало. Афанасьев, выходя из дома, с надеждой взглядывал на черный раструб громкоговорителя, торчавший над воротами. Хотелось услышать голос или хотя бы стук метронома. Но и стука не было. Только снаряды назойливо шуршали над головой. Афанасьев по звуку угадывал, где упадет снаряд. Когда же столб земли, дыма и осколков угрожающе вырастал перед глазами и кто-нибудь из его спутников бросался на землю, он спокойно говорил:

— Напрасно лег. Вовсе этот Гитлер стрелять не умеет, на испуг только берет, собака! В первый раз не донес, во второй раз перенес, а в третий раз попал, да мимо.

Трудней всего был переход через Неву. Афанасьев и его товарищи переходили ее поближе к заводу, у городского водопровода. Не такие уж высокие здесь берега, но не каждый из обессиленных голодом людей мог сам спуститься и подняться по обледенелой крутизне. Поднимались, как альпинисты, меняясь местами и помогая друг другу делать каждый шаг. А если кто от слабости ложился на лед и задремывал, чтобы остаться тут навсегда, покончить разом с муками голода и страха, того силой поднимал Афанасьев.

— Что это ты задумал, друг? На тот свет собрался? Погоди, рано! Меня на том свете много лет поджидают, а я вот он. Вперед!

Сам он все сумел одолеть — и голод, и холод, и страх перед смертью, и даже тяжелый недуг свой, так часто губивший людей со слабой волей.

Вот пусть теперь попробует «Царя» одолеть, — заговорили на заводе, когда Афанасьева послали на участок роторов.

В день их первой встречи на участке я поспешил на завод. Два Иваныча уже стояли у длинного, как платформа, токарного станка. «Царь» был неприветлив, хмур, как потускневший день.

— Тоже пришел меня на мусор выбрасывать? — неприязненно спросил он.

— В мыслях этого нет, — скромно улыбнулся Афанасьев. — Просто хочется на роторах поработать.

— Хочется... Те двое тоже хотели работать на роторах, а получился пшик.

«Те двое» — это бракоделы, о которых «Царь» вспоминал поминутно.

— Вот я тебе сейчас экзамен сделаю. Видишь, в люнете, на ремнях, вал крутится? Как думаешь, сколько он оборотов делает?

— Не больше десяти, — сказал Афанасьев, пристально вглядываясь в медленно поворачивавшийся вал.

— Те двое тоже угадали. Теперь прибавь обороты, что будет?

— Неужели ремень перетрется?

— Те двое тоже такую чепуху смололи. Ремень не перетрется. Перегреется вал от частого трения о кожу. А потом от холодного воздуха остынет. И получится пшик! Ты не смотри на вал, что он тяжелый. Он чувствительный, как дитя. Чуть какое колебание температуры — и готов. Заболел.

— Чихать будет? — улыбнулся Афанасьев.

Поспели хлеба. На целине горячая пора. Спешат по степным дорогам машины, груженные зерном, покрикивают на ходу: «Эй, посторонитесь! Зеленую улицу большому урожаю!»

А у ребят из детского сада целинного совхоза «Свободный» своя забота: им пора на прогулку. И перед этой заботой маленьких граждан отступают другие большие заботы народа. Урожай, и тот подождет минутку!

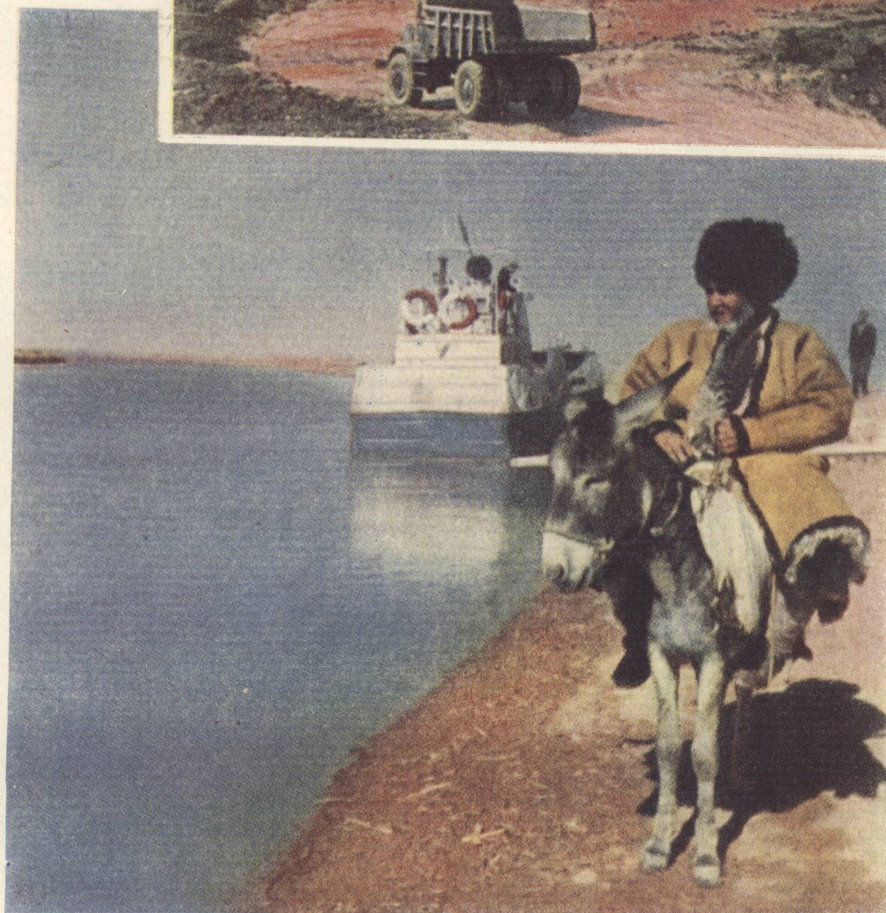
Дорога в завтрашний день — это дорога борьбы и труда. Нужно горы подвинуть, нужно реки обратить вспять, нужно пустыни превратить в сады, чтобы стал коммунизм на нашей земле. Нам такие дела по плечу!

Вот оно, рукотворное море... Оно создано в колхозе имени Чапаева, Киевской области. Колхозникам засуха не страшна: и воды и электроэнергии у них хоть отбавляй!

А вот рукотворные горы... Их воздвигли советские люди, пробивая путь к сокровищам курских магнитных руд.

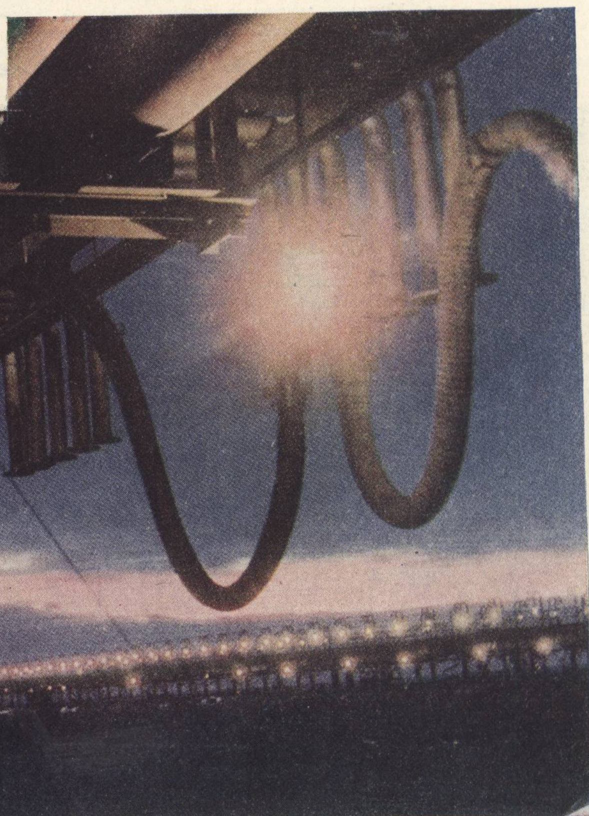

Вот они, рукотворные реки... В спаленную солнцем пустыню Каракумы по воле нашего народа пришла большая вода.

Великие дела совершают советские люди. А впереди — новые подвиги, новые победы.

Это «артиллерия» семилетки. Такие «пушки» уже идут из Сибири на помощь горнякам. Чудовищной силы водяная струя взрывает породу, дробит угольный пласт, и уголь по трубам сам идет к топкам котлов...

Внимательным глазом следит молодой ученый за шариком, запущенным в небо над островом Диксон. Колонка цифр — вот результат тысяч таких наблюдений. Но без этих цифр штурман не проложит курс, не взлетит космический корабль, не начнет сев колхозник. Чтобы побеждать, нужно знать. Все нужно знать, даже погоду.

А это главная сибирская «бензоколонка». Сюда, в Омск, по трубам бежит с промыслов Башкирии и Татарии сырая нефть. Отсюда готовые нефтепродукты днем и ночью уходят во все концы Сибири, чтобы дать силу тракторам, автомобилям, самолетам, тепловозам, экскаваторам.

Одесский порт. Южные морские ворота нашей Родины. Там, за морем, живут друзья. И они строят свое будущее. Нужно помочь им, поделиться тем, чем мы богаты. Вот и идут корабли с советскими грузами в Китай, в Африку, в Индию, в Индонезию...

А внизу Новосибирск... Впрочем, такую картину вы можете увидеть в любом уголке Советского Союза. Ведь жилых домов мы строим сейчас больше, чем Соединенные Штаты, Англия, Франция, Западная Германия, Швеция, Голландия, Бельгия и Швейцария вместе взятые!

— Все шуточки, — сердито сказал «Царь». — От колебаний температуры меняются размеры и теряется точность. Ясно? Сегодня останешься здесь после меня на вторую смену. Где я работал, ничего не трогай. Обрабатывать будешь профили для дисков. Запомни: на каждый профиль надо положить десять часов времени.

Он произнес это строгим тоном учителя, который дает ученику задание. И ученик покорно ответил:

— Как прикажете, так и сделаю.

«Ну все, — подумал я. — Иваныч второй проигрывает матч».

Шли дни за днями, и казалось, что Иваныч первый совсем подмял, подчинил своей воле второго, навязал ему, как говорят шахматисты, свою стратегию и тактику. Что делал один, то и другой. Иваныч первый тратил десять часов на обработку профиля, и второй столько. Иваныч первый восемь часов на конус, и второй столько.

«Те двое» злорадствовали, а мне обидно было за Афанасьева. Я вспоминал рассказы про его поразительную стойкость во время блокады. Куда все это девалось?

В трудную пору блокады его приняли в партию, и молодой коммунист Коля Афанасьев стал вожаком у таких, как «Царь-токарь», а теперь плетется у него на поводу.

Да понимает ли он, что ждали от него, коммуниста, когда послали его на участок, где обрабатывается сердце турбины? Знает он, сколько нужно стране турбин?

Когда стартовал в космос Юрий Гагарин, на космодроме сработало шесть двигателей в двадцать миллионов лошадиных сил, а это мощность девяти таких электростанций, как Волжская имени Ленина. По этому примеру можно понять, сколько нужно сейчас техники, особенно такой, которая вырабатывает электрическую энергию.

Могучая это сила — турбина. В ней пятьдесят, или сто, или двести тысяч киловатт, а каждый киловатт заменяет труд восьми человек. Есть такие турбины, с помощью которых можно поднять ленинградский Исаакиевский собор с его весом в триста тысяч тонн. Если бы люди попытались поднять такую тяжесть без техники, им пришлось бы мобилизовать армию в два миллиона четыреста тысяч силачей!

Мне очень обидно было, что Иваныч второй сдается без боя. Он только повторял чужие ходы, а такие игроки всегда проигрывают. Я совсем потерял интерес к этому поединку. Другие говорили мне, что борьба на участке идет, и самая настоящая, но я не верил. Какая это борьба, если один из соперников повторяет одно и то же: «Сдаюсь. Сдаюсь. Сдаюсь»?

Долго я не был на участке, почти год, а придя сюда снова, узнал, что произошло чудо.

На этот раз двух Иванычей не было вместе. На участке я застал только одного «Царя». Он стоял возле станка и смотрел на вал, по которому скользил резец, сдирая синеватую, влажную стружку. Мне показалось, что вал крутился гораздо быстрей, чем раньше. Показалось, что и «Царь» изменился. Он не так важничал, как прежде, и стал как будто еще ниже ростом.

— Что новенького расскажете, Георгий Иванович? — спросил я.

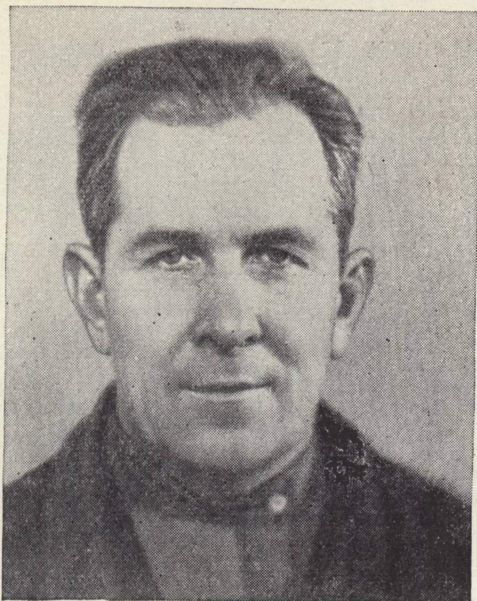
— Новости тебе? Давно ты не был у нас, если пришел за новостями. А про них весь завод говорит.

Он снял свое старомодное пенсне со шнурочком и протер платком глаза, почему-то увлажнившиеся. Старик явно был растроган чем-то, и я нетерпеливо ожидал его рассказа.

— Большие новости у нас, — повторил он. — И все Коля! Все Афанасьев! Прямо за душу он меня взял. Он пришел сюда — я недоволен был. Думал, еще один вроде тех двоих. А те двое только и знали, как бы деньжат рвануть побольше. Коля нет. Он раньше на дисках работал, получал сдельно и зарабатывал больше. Здесь стал получать почасово, как я. Я говорю, те двое не зевали и ты не зевай, требуй, чтобы тебе платили посреднему, как раньше. Имеешь право на это, согласно кодексу о труде. «Нет, — говорит, — нельзя. Я, — говорит, — ученик, а вы учитель. Нельзя ученику получать больше, чем учителю». Те двое шумели так, что в ушах глохло: «Мы, да мы, да мы!» Будто только они одни на свете, а больше никого нет. Я и про Колю сначала плохо думал. Что он ни предложит, я наперекор. Хоть ты и коммунист, а меня, думаю, не пересилишь. Пока я здесь, все по-моему будет. А вышло все, как он хотел. Он все тут сделал. Все на участке перевернул. А заслугу приписал мне. «Это, — говорит, — Георгий Иванович подсказал. Я, — говорит, — у него научился». Вот какой человек! Так он меня за душу и брал. Так за собой и потянул.

— Да что он сделал-то?

— Как что? — Мелихов удивленно под-

Николай Иванович Афанасьев.

нял на меня серые, холодно замерцавшие глаза. — Вчера вал сдали на облопачивание. А знаешь, во сколько его обработали? В двести часов. В четыре раза быстрее прежнего. А ты спрашиваешь, что Коля сделал?

Много лет я знаю Иваныча первого, но впервые услышал от него признание, что кто-то взял над ним верх. И это было такое же чудо, как и тот переворот, который совершил на участке Иваныч второй.

— Поезжай к нему, — посоветовал «Царь». — Он тебе лучше расскажет.

Иваныча второго, который давно переселился с Лиговки на Охту, ближе к заводу, я застал в почти пустой квартире, но он почему-то пригласил меня для беседы на кухню.

— Вы уж извините, — сказал он, — мне надо обед сготовить.

— А вы и этим занимаетесь?

— Ничего особенного, — улыбнулся он. — Жена еще с работы не вернулась. Теща больна, не хочется ее беспокоить. А дети скоро придут из школы, надо их горяченьким покормить.

Он готовил обед, а я сидел рядом, желая услышать подробный рассказ о том, что произошло за год на участке роторов. Но рассказа не получилось. И нужды в нем не было.

Каждые несколько минут он приоткрывал дверь и кричал в соседнюю комнату:

— Анна Сергеевна, что раньше положить в кастрюлю: крупу или мясо?

— Вместе, Коля, вместе, — отвечал слабый голос из комнаты.

— Так, так, понятно. А лучок поджарить или так положить?

— Обязательно поджарить. Да я встану, посмотрю.

— Зачем вставать? Лежите. Вы только руководите мной.

На газовой плите в кастрюле кипела вода, на сковородке шипело масло, а он все кричал в соседнюю комнату:

— Анна Сергеевна! В суп кладу стакан перловки.

— Что ты, Коля, — стакан! Каша получится. Полстакана, больше не сыпь.

— Так, так, полстакана, понятно! Полстакана, больше не сыпать. В котлеты кладу городскую булку.

— Мякоть, Коля, мякоть! Да вымочить не забудь!

— Так, так, мякоть.

Он кухарничал, скромно улыбаясь своей доброй улыбкой сильного человека, и я спросил, сколько он сготовил таких обедов.

— Порядочно, — сказал он. — В очередь с женой готовим. День я, день она. Кто свободен от смены, тот и повар.

— И не научились еще?

— Почему не научился? Это не труднее, чем вал обработать, — усмехнулся он.

— Зачем же вам эта поминутная консультация?

— Тише, — вдруг шепнул он. — Видите, рядом женщина больная? А человек она старый. Спросишь у нее совета, она почувствует, что не лишняя в доме. Ей и легче.

Он сказал это тихо-тихо, и я сразу понял, почему он победил в поединке со старым токарем и в чем его сила. Она — в уважении, в любви к людям.

Интернационал

Максуд ШЕЙХ-ЗАДЕ

В глухом восточном захолустье,
Где небо мягкое, как шелк,
Однажды утром я, проснувшись,
Встал и за песнею пошел.

А песня грозною трубою
Меня звала.
Хоть был я мал,
Хоть слов ее не понимал,
Но шел за ней, как за судьбою:
Она звала меня с собою.

Мир открывался нам,
Зеленый
И полный красок и ветров...
«Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов».

Мы вместе с взрослыми вставали
С готовой к подвигу душой,
И с каждым тактом вырастали
Мы, вероятно, на вершок.

Мир открывался нам,
Зеленый
И полный красок и ветров...
Кипел наш разум возмущенный,
На смертный бой вести готов.

Мир открывался нам,
Прекрасен,
И в бой за правду звал он нас.
Хоть мы учились в первом классе,
Мы были
Победивший класс!

Перевел с узбекского А. ЯНОВ.

Правда

Танзиля ЗУМАКУЛОВА

Предки мои
искали правду.

В дальних странах искали,
на страницах корана искали,
на дорогах в Мекку искали,
у аллаха, у человека искали...
И напрасно.

Шли за правдой на край земли,
шли по пескам, босые,
шли по снегам, босые,
шли по следам, босые...
И не нашли!

О, если б знали, что правда родится в России,
перину из козьего пуха они бы ей подстелили,
шелк бород своих они бы ей подстелили,
косы женщин своих они бы ей подстелили,
чтоб мягка ей земля была при рожденье,
чтоб легка ей земля была при рожденье.
И в ладонях великую правду они принесли бы,
на вершину своей Минги-тау они принесли бы,
чтоб была рядом с солнцем по праву, они принесли бы...

Но в правду не веря, сходило во тьму
поколение за поколением...
Как мне жаль своих предков:
они не знали
о Ленине!

С чем сравнить?

Я сравнила бы Ленина с солнцем,
что всех нас греет,
но и солнце за тучей
скрывается.
Я сравнила бы Ленина с чистым ключом,
что с кручи
срывается,
но и ключ ведь порой мутнеет.
Где найти мне сравнение метче!..
Я сравнила бы Ленина с жизнью,
только с жизнью,
больше сравнивать
не с чем!

Перевел с балкарского А. ЯНОВ.

Дети разных стран о коммунистах

Ты, наверное, встречал в своей жизни человека, про которого думал: «Хорошо бы и мне стать таким!» Посмотри — почти всегда этот человек оказывается коммунистом. Взрослые люди, когда хотят сказать о ком-нибудь очень хорошо, говорят: «Вот настоящий коммунист». Это высшая похвала.

И так во всем мире. Коммунисты есть почти во всех странах, и всегда это самые смелые, твердые, мужественные и честные люди. Они борются за правду, за мир, за счастье людей. Они стоят за интересы трудового народа. В капиталистических странах власти сажают коммунистов в тюрьмы, увольняют с работы, но коммунисты продолжают борьбу, и все больше людей становится на их сторону.

Каждому человеку приходится делать выбор—за кого он: за коммунистов или против них?

Корреспондент журнала «Пионер» встретился с группой ребят из многих стран. Всем им был задан вопрос: «За кого вы? Что вы думаете о коммунистах?»

Мой папа

Ближе всех из коммунистов я знала своего папу, Ивана Христова Клявкова, и его товарищей. Папа был председателем профсоюзного комитета на большом заводе, где делают приемники, телевизоры и другие радиоприборы.

Я знаю, что до того, как в Болгарии победила народная власть, при фашистах, папа был подпольщиком, тайно вел партийную работу. Но когда я просила его рассказать о себе, он говорил, что в книгах описаны люди, которые гораздо лучше него, и приносил мне такие книги. Я помню, когда я была еще совсем маленькой, папа рассказывал мне историю человека, мужество которого было безгранично. Теперь я знаю, что это он рассказывал о Маресьеве. И о жизни Георгия Димитрова рассказывал.

Моего папу все очень любили. Когда он умер, полторы тысячи человек пришли на его похороны. Он был большим другом людей. К нему все ходили за советом, весь наш квартал. И детей он очень любил. Все ребята с нашей улицы знали его.

А дома, придя с завода, несмотря на усталость, он всегда играл со мной и с сестренкой. У нас были черепаха, еж, щенок, и мы все вместе играли. Черепахе и ежу мы с папой построили домик. Они тоже дружили между собой.

Но вот папа заболел. В последний год своей жизни он очень страдал. И, как прежде, к нему приходили люди по разным делам, а он всех выслушивал и помогал.

Заболела раком мамина подруга, мы пошли ее навестить. Он даже умирающей сумел придать силу. Меня это поразило. Ведь папа в то время уже знал, что сам тяжело болен. Даже

врач удивлялся его мужеству. Когда приходили гости, папа держался так, словно не больной, а я знала, что ему очень больно.

Перед папиной смертью я и моя сестра обещали ему быть во всем впереди.

Уже год нет папы. Этот год я была начальником районного пионерского штаба и председателем совета дружины. Исполняла все задания. Моя сестра тоже.

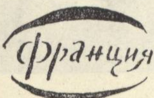
Я слыхала, как папины товарищи говорят про меня:

— Это второй Иван.

Как я горжусь, что похожа на папу! Как я хочу всегда, всю жизнь быть похожей на него! Меня уже приняли в комсомол, хотя мне еще нет четырнадцати. И я буду коммунистом, как папа.

Красимира Клявкова, г. София.

Против войны в Алжире

Французские коммунисты ведут борьбу против грязной войны в Алжире. И мы, вайяны — «отважные»,— стараемся помогать коммунистам, помогать повстанцам Алжирской Республики.

В мае этого года «отважные» собрали очень много лекарств для детей повстанцев Алжира. С большим трудом мы погрузили эти лекарства на пароход, который из порта Ницца должен был отплыть к Алжиру. Но в последние минуты перед отплытием полицейские объявили, что наш груз снят с парохода и конфискован, потому что мы, дескать, посылаем алжирцам не лекарства, а опиум и другие наркотики.

— Неправда! Ложь! — кричали мы жандармам.— Докажите, покажите нам эти наркотики...

Но пароход уже отошел от причала... Груз остался на берегу.

И тогда таможенники вдруг стали извиняться перед нами:

— Произошла ошибка! Действительно никаких наркотиков нет. Тут какое-то недоразумение.

А пароход-то уже отошел!

Так нам помешали помочь детям Алжира.

Больше всего я мечтаю о том времени, когда стану коммунистом. А пока я стремлюсь стать вожатым «отважных».

Гвидон Серж,
г. Марсель.

У нас будет коммунизм!

На наших аэродромах стоят пассажирские самолеты «ИЛ-14», точно такие же, как и советские. Только на стабилизаторе у них не советский флаг, а монгольский.

Один из таких самолетов водит мой папа. Мой папа — коммунист. Он рассказывал мне о коммунизме. У нас в Монгольской республике тоже будет построен коммунизм, обязательно!

Скоро я стану комсомольцем, а потом коммунистом. И, конечно, я тоже хочу быть летчиком, как мой папа.

Самдан Дамдинсурен,
г. Улан-Батор.

Хотим быть коммунистами

Зимой, под рождество, за участие в партийной работе моего папу выбросили с завода, где он работал столяром. Он стал безработным.

Но 1 Мая мой отец и все, кого прогнали с завода, шли в одной колонне с рабочими.

Коммунистическая партия у нас в стране не запрещена, но капиталисты ненавидят коммунистов. Понятно почему: ведь коммунисты хотят, чтобы не было капиталистического строя, и учат рабочих бороться за свои права.

Часто учителю в школе нельзя возразить, если он плохо говорит о коммунистах, а нам, пионерам, занижают отметки и стараются нас сбить на экзаменах. Особенно нам трудно на уроках религии. Попы ругают пионеров и детей коммунистов, пугают нас адом, называют чертями. Нужно много сил и уверенности, чтобы противостоять всему этому.

Однажды мы ехали в лагерь. Во время посадки нам указали на самый последний и самый грязный вагон. Мы спросили:

— Почему?

— Пионеры — неряхи,— ответили нам,— им нельзя давать чистое.

Было горько слышать такие слова. Но когда через десять часов мы подъехали к месту и сдали проводникам прибранный вагон, они удивлялись:

— Почему же нас предупреждали, что пионеры все портят и ломают?

Гретта Дети, г. Вена.

Да, к нашей организации относятся плохо. Трудно в Австрии быть коммунистом, комсомольцем и даже пионером. Я сейчас готовлюсь к тому, чтобы в любой момент, в случае любой неожиданности я смог встать на место моего отца — коммуниста.

Вилли Хавла, г. Вена.

За счастье всех людей

Во-первых, коммунист—это честный человек, человек большого сердца, но главное, коммунист должен хорошо знать, что нужно рабочим, и не только знать, но и понимать, как добиться счастья для людей.

В те страшные дни, когда был убит Патрис Лумумба, коммунисты Антверпена (это город, где я живу) вышли на демонстрацию протеста. На плакатах, которые они несли, было написано: «Империалисты, вы убийцы Лумумбы!»

Коммунист борется за счастье трудящихся всего мира.

Многие у нас осуждают бельгийских колонизаторов, убивших Патриса Лумумбу.

А мы, пионеры Антверпена, назвали свою пионерскую организацию именем Патриса Лумумбы, чтобы никогда не забывать о злодеяниях империалистов.

Пауль Стооп, г. Антверпен.

Чтобы не повторились ужасы войны...

ФРГ

Многие ребята в Западной Германии мечтают о том, чтобы и у нас в стране была пионерская организация.

Но пока мы можем собираться только тайком, потому что все, что связано с коммунистическими идеями, у нас под запретом. Коммунистическая партия запрещена правительством Аденауэра, как было и в гитлеровской Германии.

Это несправедливо. Ведь коммунисты хотят только хорошего, им ненавистен фашизм, они борются за то, чтобы никогда не повторились ужасы войны.

Мы стараемся участвовать в работе коммунистов. Пишем письма протеста против вооружения западногерманской армии.

Коммунисты в нашей стране могут собираться только тайно. И наши сборы тайные. Если полиция узнает о них, нам придется плохо. Обычно бывает, что в одной комнате соберутся коммунисты-взрослые, а в другой — мы, помощники коммунистов. После собрания старшие приходят к нам и рассказывают о странах социалистического лагеря.

Из Западной Германии я шлю привет советским пионерам. Мне очень жаль, что я не могу назвать свою фамилию и получить письма от советских ребят.

М. К.

Как велит революционный долг

Голландия

Во время одной из стачек в Амстердаме (это была борьба за повышение жизненного уровня рабочих) двадцать забастовщиков сдвинули с рельсов трамвай и перегородили им пути, чтобы помешать штрейкбрехерам.

Семеро из этих двадцати рабочих — коммунисты. Это они придумали повернуть трамвай. Они начали первые и воодушевили остальных. Они рисковали: их за это могли уволить с работы, а так как в Голландии большая безработица и уволенных коммунистов никуда на работу не принимают, им придется голодать. Так и случилось. Их выбросили с работы. Они предвидели такой исход, но все равно поступили так, как им велел революционный долг.

Я знаю, что это характерно для всех коммунистов.

Нетти Ван Ни, г. Амстердам.

Ханни Шафт — Девочка Голландии

Я тоже, как Нетти, из Амстердама. Когда фашисты оккупировали страну, они схватили моего отца и двух его братьев и заключили в концентрационный лагерь Бухенвальд. Но и здесь, за колючей проволокой, в лагере смерти, они продолжали бороться с фашизмом. Один из папиных братьев, Римус Хааксма, создал подпольную организацию. Узнав об этом, фашисты убили его. Коммуниста можно убить, но дела коммунистов бессмертны.

Каждый человек в Голландии помнит восемнадцатилетнюю подпольщицу Ханни Шафт. Народ называет ее Девочка Голландии. Гитлеровцы схватили ее у Северного канала и убили.

Теперь на песке, когда-то обагренном ее кровью, стоит простой памятник, а на нем надпись: «Здесь была расстреляна немецкими фашистами голландская партизанка».

На памятнике не написано, что Ханни была коммунисткой, но мы знаем это.

Когда говорят о коммунистах, я всегда вспоминаю Ханни Шафт и моего дядю Римуса.

Фрукс Хааксма, г. Амстердам.

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 7 (19) ОКТЯБРЬ 1961 г.

О самых смелых, самых скромных, самых надежных, самых изобретательных и всяких хороших ребятах

Овцевод Надыр Бийгазиев вырастил от 100 овцематок 244 ягненка.

Его сын Мейлибек ходит еще только в первый класс. Но он уже сам вырастил 25 ягнят. Хорошая смена отцу!

Луговский совхоз,
Джамбулская область,
Казахская ССР.
Фото М. Ктитарева.

КТО написал концерт?

Вову слушали две тысячи ребят: из Бельгии, Чехословакии, Голландии, Финляндии,— двадцать делегаций пионеров и школьников съехались в международный детский лагерь в Венгрию.

Был вечер национальных программ. Вова сыграл на нем концерт из трех частей. Потом многие спрашивали: чья это такая хорошая музыка?

— Это одного советского композитора,— отвечал Вова.

Мы давно уже вернулись из Венгрии. Но только совсем недавно я узнала, что концерт, который играл Вова, на самом деле сочинил он сам.

Вот и вся история о скромном человеке.

Нина Аллахвердова

Москва.

ИСКАТЕЛИ ПОДЗЕМНЫХ ТРАСС

Испортился подземный кабель. Как узнать, где повреждение? Разрывать грунт дорого и неудобно.

Члены радиоэлектронного кружка Магаданской областной станции юных техников сделали замечательный прибор. Он позволяет находить повреждения на трассах на глубине до трех метров.

Этот прибор может применяться и на судоремонтных заводах. С его помощью определяется место повреждения кабеля на кораблях.

Этот искатель изготовили Вадим Мартынов (9-й класс), Саша Зверев (8-й класс), Володя Каменский (7-й класс) и Юра Маковеенко (6-й класс). Прибор успешно прошел испытания.

Магадан.

Катя Дубко спасла стадо

Это случилось 14 июля в деревне Острово. Незаметно с запада надвинулась туча. Стало темно, ударил гром, и хлынул ливень с градом. Разразилась гроза...

Вдруг молнией зажгло коровник.

Катя увидела пожар и побежала на ферму. Уже горит крыша, загорелись и стены. Катя схватила за рога корову, которая была ближе к выходу, и вывела ее наружу. Потом вторую, третью... двадцатую... Но в сарае еще оставалось семьдесят коров. А жара невыносимая, огонь обжигает руки и ноги. Катя стала кричать и звать на помощь. А в деревне, как на беду, одни старики да дети. На крик прибежал инвалид Никита

Спасибо, ребята!

Пионерки-пятиклассницы 6-й средней школы Нонна Якунина, Наташа Лутохина и Оля Ляхова — настоящие тимуровцы.

Когда я заболел, Нонна сходила в аптеку и принесла мне лекарства. Я и моя жена уже старые, каждому из нас по 72 года. Трудно нам было бы без помощи ребят. Большое спасибо пионерам-тимуровцам!

И. Барсуков,
пенсионер, член КПСС с 1918 года

Смоленск.

В ДЕЛАХ ДВУХЛЕТКИ КРЕПНЕТ ПИОНЕРСКИЙ ХАРАКТЕР

ПОМНИ, НАШЕ ОБЕЩАНИЕ СТРАНЕ:

1 МИЛЛИОН ТОНН МЕТАЛЛОЛОМА,

10 МИЛЛИОНОВ КРОЛИКОВ,

100 МИЛЛИОНОВ ГОЛОВ ПТИЦЫ.

КАЖДОЙ ШКОЛЕ — УГОЛОК ЛЕНИНА, СПОРТПЛОЩАДКУ, ИГРОТЕКУ, КАРТИННУЮ ГАЛЕРЕЮ.

Емельянович Дубко. Вместе с Катей он одну за другой выводил из огня коров. Наконец в коровнике остался один бык. Цепь, которой он прикован, накалилась, взяться за нее невозможно.

Рухнули стропила. Бык рванулся изо всех сил и разорвал цепь. Он тоже спасен.

Когда прибежали рабочие совхоза и доярки из другой деревни, они увидели догорающее здание фермы и плачущих в стороне черных от копоти девочку и старика, а за ними стадо спасенных коров.

А. Пашков,
член партийного бюро совхоза имени Доватора

п. Ушачи,
Витебская область.

Соревнуемся с Анной Ладани

Первый урожай кукурузы, собранный производственной бригадой Великолучковской средней школы, был не очень хороший. Научиться выращивать большие урожаи помогла ребятам знатный кукурузовод дважды Герой Социалистического Труда Анна Михайловна Ладани. Недолго занималась она со школьниками, но дела в бригаде пошли так хорошо, что ребята вызвали на соревнование звено самой Ладани.

Закарпатье.

СЛУЧАЙ НА РЕКЕ АССА

Асса — бурная река. Течет она между высоких скал. Есть на ней и тихие заводи, где хорошо ловится рыба, а вздумаешь купаться — не сразу достанешь дно.

Однажды в жаркий день над рекой раздался крик:

— Кансара тонет! Спасайте Кансару!

Девочку закружило в глубокой воронке. Услышав тревожный крик, пионер Уктям Габидуллин бросился в воду, быстро подплыл к Кансаре и вдруг почувствовал, как цепкие руки потянули его на дно. Но Уктям плыл изо всех сил, пока наконец под ногами не нащупал дно. Уктям спас Кансару.

Ф. Перин

ст. Маймак,
Киргизская ССР.

Вот это помощники!

Пионеры Вахитовской семилетней школы собрали для совхоза 468 центнеров золы. Директор совхоза товарищ Нагимов объявил за это ребятам благодарность.

А. Сафронов

Татарская АССР.

К съезду КПСС пионеры 23-й школы города Гомеля решили собрать десятки килограммов лекарственных трав. И действительно, одной полыни ребята сдали в аптеку 15 килограммов.

На снимке: медсестра Софья Андреевна принимает от Володи Авраменко и Любы Чуйковой собранную ими полынь.

Гомель, БССР.
Фото Ф. Чеховича.

САМИ!

Мы сами отремонтировали свою школу. Сначала побелили стены. Когда высохла побелка, выкрасили полы. Парты красили в коридоре, а потом вносили в класс.

В этом году каждый отряд нашей дружины занимается в том классе, который отремонтировал летом.

Дина Свидерская

6-й класс школы № 11
г. Пинск,
Белорусская ССР.

Л. ВОРОНКОВА

Рисунки П. Павлинова.

ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Продолжение

МАЛЕНЬКИМ НУЖНЫ СТАРШИЕ

— А почему вы здесь играете? — сказала Зина ребятишкам, игравшим во дворе.— Пойдемте я вас в лагерь провожу. Там сегодня будут новую песню разучивать. И чего это вы все во дворе, когда в лагере для вас площадка есть! Ведь там же веселее!

Первым подбежал худенький белокурый Витя Апрелев. Потом подошли еще двое — Сенька Шапкин и Юра Киселев. Сенька, белобрысый, краснощекий крепыш, стараясь засунуть в карман оторвавшуюся от штанов лямку, глядел на Зину исподлобья и бурчал басом:

— Ага, пойдем, а нас выгонят.

Зина рассмеялась:

— Откуда ты такой взялся? Как же это вас, младших школьников, выгонят из пионерского лагеря?

— А мы же не пионеры.

— Вот я его всегда зову,— тоненьким, как у девочки, голосом сказал Витя Апрелев,— а он все боится, что выгонят.

— Он озорник, наверно, потому и боится,— сказала Зина.— Ну, довольно разговаривать, пошли!

Антон любил своих друзей. Но дорогой он старался оттеснить их от Зины; все-таки она его сестра, а не их! Он не хватался за ее руку, как бывало, но, сунув руки в карманы, подталкивал ребят то одним плечом, то другим. И вдруг неожиданно для себя, достигнув высшей точки хорошего настроения, Антон лихо сплюнул на тротуар.

Он тут же испуганно вскинул на Зину глаза: сейчас она обидится, рассердится. Он все испортил!

Но Зина только поморщилась и тихо попросила:

— Не надо, Антон!

— Я больше не буду,— поспешно сказал Антон и повторил еще раз, как можно убедительнее: — Я больше никогда не буду.

Едва они подошли к зеленым с красным полотнищем воротам лагеря, как навстречу им вышли стройными рядами ребята с рюкзаками за спиной. Отрядный вожатый Ваня Фирсов, молодой рабочий с завода, шел впереди. Пионеры прошли четко, красиво, как ходят солдаты, и вскоре скрылись за поворотом. Ребятишки проводили их жадными глазами.

— А куда они, а? — тотчас пристал Сенька Шапкин.

— В поход пошли,— ответила Зина, все еще не в силах отвести взгляд от угла, за которым скрылись ребята,— куда-нибудь в колхоз, наверное. Да, да, я вспомнила, в подмосковный колхоз полоть капусту. Счастливые!

— Ага...— мечтательно протянул Сенька.

— И я бы пошел,— сказал Антон, но, тут же оглянувшись на Зину, добавил: — Если бы с тобой.

— А я бы и с ними пошел,— сказал Сенька.— А чего? Хорошо!

— Они в речке там будут купаться? — спросил Юра Киселев.— Я бы искупался. Жарко.

— Они тоже искупаются,— улыбнулась Зина.— Да и что это вы затужили, ребята? Мы тоже как-нибудь соберемся да и съездим за город на реку и тоже купаться будем!

Неизвестно, кого больше утешала Зина — ребятишек или себя. С самой зимы она собиралась с ребятами своего восьмого класса в поход. Как мечтали они, сколько планов строили! И чуть ли не каждую неделю эти планы менялись, в зависимости от того, кто брал верх. Если верх брала Сима, ребята

мчались в Горный Алтай, карабкались по крутым и узким тропам к волшебному Телецкому озеру... Если Вася Горшков — шли по военным дорогам героев Отечественной войны. Если Фатьма — устремлялись в Асканию-Нова и в южные совхозы, где благоухают плантации роз. Если Шура Зыбина — они мирно брели по колхозным полям, подолгу задерживаясь на молочных фермах...

А Зине все было хорошо, все интересно — и Горный Алтай, и дороги героев, и колхозы, и розовые плантации... Лишь бы идти, лишь бы идти! Лишь бы увидеть тот широкий мир, который лежит за пределами московских улиц.

И что же вышло? Ребята собрались и пошли. Пошли дружные, веселые, с рюкзаками за спиной. Начальником отряда пошел студент-геолог Артемий. Он поддержал Шуру, и отряд двинулся по колхозным проселкам. Артемий сказал, что ребята должны знать, как растет хлеб, который они едят.

А Зина осталась. Как ей уйти, как оставить Антона? Разве его жизнь, которая вдруг так неожиданно и круто повернула на кривую и темную дорогу, не важнее ее личных радостей, ее личного счастья? Да и что останется от ее личного счастья, если ее маленький братишка, которого она обязана опекать, защищать и предостерегать от неверных и тяжелых поступков, без нее совсем собьется с пути? Да и где оно, это личное счастье? Там ли, где друзья, веселье и магическая радость затаенной любви? Или здесь, где Зина должна быть, около ее беззащитного брата?..

В том ли оно, личное счастье, чтобы добиваться радостей для себя? Или в том, чтобы исполнять долг?

«Не знаю, не знаю...— Зина отмахнулась от охвативших ее мыслей.— Я должна быть здесь, с Антоном. Вот и все. Я уже достаточно перед ним виновата. Маленьким нужны их старшие сестры и братья! Очень нужны. И все».

В лагере Зину ждала неожиданная горячая радость: на июль пришла дежурить в лагере ее любимая учительница Елена Петровна.

— Ой, как я рада! — повторяла Зина, глядя в теплые карие, с золотистым сиянием глаза учительницы.— Ой, как я рада, ой, как хорошо, что вы пришли!

— Здравствуй, здравствуй, Зина! — Елена Петровна знакомым жестом провела рукой по белокурым Зининым волосам.— Как вы все поживаете? А это кто же? Антон?

Елена Петровна наклонилась к нему, пощекотала его за ухом.

— Здравствуй, Антоша! Ну и вырос же ты! Скоро в пионеры будем принимать? А это кто такой черноглазый? Юра Киселев? Приятно познакомиться. И Витя Апрелев пришел? Вот замечательно! А это кто?

— Это Сенька Шапкин,— сказал Антон, ободренный такой хорошей встречей.

— Что? — не поняла учительница.— По Сеньке шапка?

Ребятишки засмеялись.

— Не,— басом пояснил Сенька.— Я Сенька Шапкин. А так меня в школе дразнят.

— Фу ты, как неловко вышло! — сказала Елена Петровна.— Извини, Сеня. Только встретились, а я уже и дразниться. Я больше не буду, я просто не расслышала.

— Ничего,— снисходительно ответил Сенька.

На площадке у младших мягко запел баян.

— Ага! Уже начинается. Идемте скорей песню разучивать, все, все идемте!

— А мы не умеем...— начал было Антон.

— Ничего, сумеете.

Они все вместе бросились бегом на площадку. Пристроив ребятишек к поющему кружку, Елена Петровна отвела Зину в сторонку и усадила рядом с собой на скамейку.

— Ну, как ты, Зина? Как ты живешь? Все ли в порядке дома? Давно тебя не видела!

Зина была счастлива; ей казалось, что она вся согревается под этим добрым взглядом учительницы. Темные, с золотым отсветом глаза смотрели на нее ласково и так внимательно, что, казалось, читали ее мысли, и поэтому нельзя было отделаться какой-нибудь отговоркой. Да и надо ли было отделываться?

— Не знаю, как сказать.— Зина опустила ресницы, ее лицо как-то сразу потускнело, и ямочки на щеках пропали.— Все не так получается.

— Подожди минутку.— Елена Петровна подошла к девочкам, которые возились около цветочной клумбы, что-то подсказала им и опять вернулась к Зине.— Давай поговорим. Что же все-таки не так?

Но Зине уже не хотелось ни о чем рассказывать. Кругом так весело, чирикают воробьи, поют ребятишки, так славно гудит баян, и сама Елена Петровна такая веселая! А Зина начнет тут жаловаться, портить настроение людям!

— Да нет, ничего,— сказала она как могла беззаботно,— в поход я хотела. Да вот Клеткин этот пристал к Антону, начал сбивать. Такой противный этот Клеткин, ну прямо терпеть его не могу! Хоть бы он пропал куда-нибудь!

Последние слова у Зины прозвучали с такой досадой, с таким горем, что учительница снова пристально поглядела на нее своими темными внимательными глазами.

— Пойдемте я вас в лагерь провожу,— сказала Зина.

— Я тебя не узнаю, Зина. Что случилось?

Но Зина уже пожалела, что начала разговор. Она молчала, боясь расплакаться, и только губы у нее чуть-чуть дрожали.

— Ну хорошо, хорошо, не будем об этом сейчас! — Елена Петровна легонько похлопала Зину по руке.— А вот насчет того, чтобы Клеткин провалился... Тут я с тобой не согласна. Сколько ему?

— Тринадцать, наверно. Большой уже.

— Ну, это еще не большой. С этим еще поладить можно. Нельзя ли его сюда, в наш лагерь, привести?

— Что вы, Елена Петровна! — почти закричала Зина.— Такого хулигана! Он весь лагерь разгонит!

— Ух, какая гроза этот Клеткин! — засмеялась учительница.— Ну, подождем, посмотрим.

— Да Антон первый отсюда убежит, если Яшка явится!

— Вот как! Значит, Яшка сильнее всех. И сильнее нас с тобой?

Видя, что у Зины задрожали губы, Елена Петровна заговорила о другом:

— Послушай, Зина, а ты бы не могла мне помочь! Таня, Таня, посмотри, ты чуть не наступила на гвоздику! У нас тут праздник затевается, хотим поставить спектакль. Представляешь всю эту мелюзгу в костюмах? В клубе на сцене. А?

Елена Петровна засмеялась так, будто уже видела всех этих Тань и Сенек Шапкиных играющими на сцене.

Зина улыбнулась.

— Да, смешные они. А что надо делать?

— Я тебе книгу дам с картинками. А ты по этим картинкам помоги сшить костюмы. Ладно? Вожатая тебе поможет.

Это было интересно. Костюмы из сказок, яркие, пестрые, фантастические... Да это просто увлекательно!

— Ладно, ладно! — Зина повеселела, и на щеках у нее снова появились нежные продолговатые ямочки.— Ладно, ладно,— повторила она,— мы им таких костюмов насочиняем!

К Елене Петровне подбежала маленькая девчушка в красном платьишке.

— Елена Петровна, мы хотим, чтобы вы тоже пели! — Она принялась тянуть учительницу за руку.— А то мы одни не будем.

Елена Петровна отмахнулась.

— Ах, какие вы! Без меня пойте!

— Нет с вами, с вами!

Зина, улыбаясь, глядела на девчушку; ей хотелось схватить эту маленькую, потискать, причесать ей кудряшки. И тут же вспомнилась Изюмка; словно живая, встала она перед глазами Зины, и Зина почувствовала, как она соскучилась по своей младшей сестренке, как ей не хватает ее теплых рук, обнимающих Зину за шею, ее смеха, ее щебета...

— Возьмите и меня,— сказала она девочке.— Я тоже буду петь!

День прошел легкий, полный разнообразных и милых впечатлений. Антон так развеселился, так разыгрался, что совсем забыл про Клеткина. Здесь, в пионерском лагере, он чувствовал себя даже в большей безопасности, чем дома. В квартиру-то Яшка, пожалуй, еще может войти. Ну, а уж сюда, где висит на воротах красное полотнище пионерского лагеря, ему ходу нет. Чего нет, того нет!

С веселой душой пришла домой и Зина. Новые дела — костюмы для спектакля, маленькие актеры, которых надо будет учить играть их роли,— все это так забавно и занятно! А главное, Елена Петровна здесь, с ними.

Отец, слушая рассказы о лагере, видя радостное оживление Антона и Зины, и сам радовался вместе с ними. Все-таки хорошие у него дети растут! Трудно им без матери расти хорошими, а вот все-таки хорошие!

После ужина отец сказал Антону:

— А может, нам пройтись с тобой? Вечер наступает хороший.

Антон запрыгал и завизжал от радости. Еще бы, пройтись с отцом вдвоем, мужчина с мужчиной!

— Вот и хорошо, идите,— сказала Зина,— а я тут приберу немножко.

Еле слышно напевая, Зина быстро вымыла посуду. Потом принялась прибирать комнату. Она любила прибрать с вечера, чтобы утром проснуться в чистой квартире и не тратить хорошее утреннее время на возню со щетками и тряпками.

Подметая в спаленке, она наткнулась на какой-то узел. Что такое?

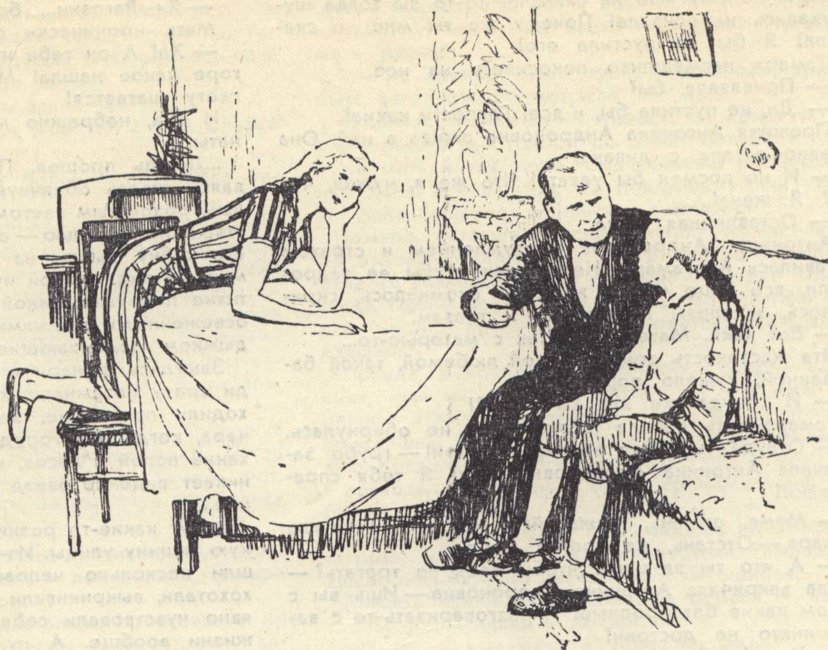

Елена Петровна отвела Зину в сторону и усадила на скамейку.

Это был ее рюкзак...

Зина выпустила щетку из рук. Вот валяется ее походный рюкзак в углу, и никому он уже не нужен. Зина подняла его. Еще недавно она пришивала оторвавшуюся пямку, закрепляла ремешки. Сколько всяких радужных мечтаний связано с этим зеленым рюкзаком, сколько веселых дней обещала жизнь!

Тотчас вспомнился отряд пионеров с рюкзаками за спиной, четко прошагавших мимо. Так же ушли и ее товарищи, прошагали по улице и скрылись на все лето. И с ними, как тот вожатый Ваня из литейного, студент-геолог Артемий, самый красивый и самый умный на свете человек...

Отец, слушая рассказы о лагере, и сам радовался вместе с детьми.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Хоть и редко встречалась Тамара со своими школьными товарищами, но все же она почувствовала, что их улица как-то опустела. Проходит мимо зеленого домика Фатьмы—и не слышит ее голоса, только белозубая Дарима, мать Фатьмы, подметает и прихорашивает усаженный цветами двор. Проходит мимо школьного участка—и не видит там среди грядок Шуры Зыбиной. Проходит мимо футбольной площадки — и ни Андрюшки Бурмистрова там нет, ни Васьки Горшкова...

А как бы ей нужен был сейчас товарищ, друг! Она бы попросила его сходить к Рагозину, узнать, чем он болен, не лучше ли ему. Ну хоть что-нибудь узнать о нем. Почему мать так отгородила его от всех? Почему к нему нельзя прийти, как к другим товарищам? Тем более теперь, когда он болен и, она сама сказала, тяжело болен.

Неожиданно ей позвонил Славка Воробьев, парнишка из их класса. У этого лопоухого Славки беда с алгеброй, осенью переэкзаменовка. Так вот, не даст ли Тамара ему свой учебник, у него учебник куда-то запропастился. Да, кстати, и тетрадки, если есть. А то мать все уши прогудела, что он не занимается. А ребята тоже все исчезли: эти на футболе пропадают, те в поход ушли, третьи на рыбалке... Просто безвыходное положение!

Тамара обычно не замечала Славку. Маленький, рыжий, вечно с пылающими ушами, рассеянный на уроках и очень способный на всякие проказы — что могло в нем заинтересовать Тамару?

Но сейчас, услышав его голос, Тамара обрадовалась, будто встретила нечаянного друга.

— Славка, приходи! Славка, ты мне очень нужен!

— А учебник дашь?

Он даже не поинтересовался, зачем понадобился Тамаре. А она собралась доверить ему такую заветную тайну!

— И учебник дам! И тетрадки! Только ты приходи сейчас же!

— Я вечером приду...— не сразу, будто что-то прикинув, сказал Славка.

— Почему вечером? Сейчас приходи!

— Да понимаешь... Тут у нас команда на площадке собралась. Никак невозможно сейчас. Иду, ребята, иду! — вдруг заорал он и бросил трубку.

— Дурак! — с досадой крикнула в трубку Тамара.

До вечера было томительно далеко. В квартире, где бродила непричесанная и словно о чем-то крепко и недобро задумавшаяся Антонина Андроновна, было душно от безысходной скуки.

Запустив руки в свои густые кудри, Тамара сидела неподвижно и смотрела в окно. На улице моросил теплый летний дождь, ветки дерева чуть трепетали за окном, и серебряные полоски бежали по стеклу.

Что сейчас делает Ян? Лежит в постели бледный, слабый, печальный... Думает ли он о ней? Да, он о ней думает. Он обязательно думает и ждет. Он считает Тамару неверной и пустой девчонкой, раз она не приходит навестить его. А разве она виновата? Она приходила! Только надо, чтоб он узнал об этом. Ну и противный же этот Славка со своим дурацким футболом! Ведь дождь, а этим дуракам все нипочем!

В комнату вошла мать. Она грузно уселась на диван, положив руки на колени.

— Ты что, читаешь или так? — спросила она.

— Так,— ответила Тамара, не оборачиваясь.

Ее раздражало, что мать мешает ей думать. Ну что ей надо? Делать нечего, вот и ходит из комнаты в комнату.

— К отцу, что ли, съездить? — вдруг сказала мать, разглядывая свои белые полные руки.

Тамара живо взглянула на нее.

— Он тебя зовет?

Антонина Андроновна вспыхнула:

— А почему это, спрашивается, надо, чтобы он меня звал? Я что же, не могу сама? Возьму да и поеду!

— Я еще тогда знала,— сказала Тамара, задумчиво глядя на мокрые ветки,— что он совсем уезжает.

Мать уставилась на нее растерянными глазами.

— А почему мне не сказала? То-то вы тогда шушукались на вокзале! Почему же ты мне не сказала? Я бы не пустила его!

Тамара насмешливо покосилась на нее.

— Привязала бы?

— Да, не пустила бы, и все! Глупости какие!

Прежняя Антонина Андроновна ожила в ней. Она гневно встала с дивана.

— И не посмел бы уехать! Что же я, чужая, что ли? Я жена!

— Оставленная жена.

Антонина Андроновна с изумлением и страхом уставилась на Тамару. Неожиданно губы ее задрожали, все лицо как-то жалобно скомкалось, скривилось, и слезы подступили к глазам.

— Вот как!.. Матери-то... Как с матерью-то...

Эта жестокость дочери, такой любимой, такой балованной, тяжело поразила ее.

— И откуда же это ты такая?!

Тамара чуть повела плечами, но не обернулась.

— Откуда ты такая взялась, говори! — грубо закричала Антонина Андроновна.— Ну? Я тебя спрашиваю?!

— Мама, отстань, пожалуйста,— устало ответила Тамара.— Отстань, не трогай меня.

— А что ты за цаца, чтобы тебя не трогать? — снова закричала Антонина Андроновна.— Ишь вы с отцом какие благородные! И разговаривать-то с вами никто не достоин!

— Мама! — Тамара уставилась на нее своими большими, мрачно горящими глазами.— У меня горе, не трогай меня!

Мать притихла, удивилась.

— Горе? Какое горе?

Через узкую мостовую ей кланялся пьяный Ян Рагозин.

— Ян Рагозин... болен. Тяжело.

Мать иронически прищурила глаза.

— Ха! А он тебе что, брат, сват, жених? Ишь ты, горе какое нашла! Мало ли их, таких-то Янов, по свету шатается!

И она, небрежно махнув рукой, вышла из комнаты.

...Дождь прошел. Предвечернее солнце, просеиваясь сквозь облачную дымку, озарило город теплым розоватым светом. Тамара, занятая своей единственной мыслью — отыскать Славку и отправить его к Яну, вышла на улицу. Она шла, как одержимая, не видя, какой чудесный вечер спустился в их тихие переулки, какой безмолвной радостью сияют освеженными листьями деревья, как дышат тонким дымком подсыхающие тротуары...

Зажглись фонари и повисли белыми лунами среди сразу потемневших древесных крон. Люди проходили притихшие, задумчивые. Бывают такие вечера, когда и к городским жителям проникает дыхание полей и лесов, когда и над их головами возникает видение звезд и мерещится соловьиное пение...

Вдруг какие-то резкие голоса нарушили эту хрупкую тишину улицы. Из-за угла навстречу Тамаре вышли несколько человек. Они громко, вызывающе хохотали, выкрикивали что-то, сквернословили... Они явно чувствовали себя хозяевами и этой улицы и жизни вообще. А ну, кто против?

«Хулиганы!» — вздрогнула Тамара и торопливо свернула в сторону, на мостовую.

Молодые люди шли, занимая весь тротуар. Все, кто встречался с ними, спешили уступить им дорогу. И каждого, кто встречался им, они осыпали насмешками, пьяной бранью и хохотом.

Тамара перебежала на другую сторону. Но пьяные заметили ее.

— Эй, красотка! — закричали они.— Куда же ты?

— Подождите, я ее сейчас остановлю! — сказал один и выступил вперед, приподняв шляпу.— Здравствуйте, мамзель Тамара! Жизнь хороша, не правда ли?

Тамара в ужасе остановилась. Через узкую мостовую с тротуара напротив кланялся ей Ян Рагозин, пьяный, со сбившимся галстуком, с космами волос, спускающихся к самой шее...

Тамара с минуту глядела на него, не веря своим глазам. Она только приподняла руку, как бы защищаясь от того, что увидела.

— Не узнает? А? — подтолкнул Рагозина стоявший рядом парень в маленькой кепке с заломленным козырьком, с выпуклыми, как у рыбы, нахальными глазами.

— Или не хотите узнавать? — нагло и противно ухмыльнулся Ян.— Ничего. Мы вам сейчас напомним о себе...

И он неверным шагом ступил на мостовую, направляясь к Тамаре. Тамара, дико взвизгнув, бросилась бежать. Она не помнила, как влетела в свой переулок, как ворвалась в квартиру.

— Чтой-то? Ай, кто гонится? — проворчала Анна Борисовна, открыв дверь.

Тамара заперлась в своей комнате и забилась в угол дивана. Ей казалось, что она сейчас умрет.

Принц Гамлет! Принц Гамлет!

Она плакала и рыдала, уткнувшись в подушку. Она трясла головой от отчаяния, за-

жимая руками рот. Приподнявшись, озиралась вокруг, стараясь опомниться, взять себя в руки, но тут же снова падала лицом в подушки, и заливалась слезами, и стучала кулаками по дивану.

Она не слышала, как мать звала ее.

Не слышала, как пришел и ушел ни с чем Славка Воробьев.

— Болен! Болен! Тяжело болен! — повторяла Тамара.— Вот как он болен!

И, содрогаясь от отвращения, она затыкала уши, словно боясь снова услышать его пьяный циничный голос, и закрывала глаза, словно боясь снова увидеть эту развинченную, в измятом модном костюме, с косматой головой фигуру... Темные, с длинным разрезом глаза, иронический излом бровей — не о них ли столько тосковала Тамара? И вот она заглянула в эти глаза — и какие же пустые были они, и какие же они были страшные!

Антонина Андроновна встревожилась. Окликнув несколько раз Тамару, она решила переждать. Пусть успокоится немного; как ни зажимала Тамара рот, как ни старалась сдержаться, ее рыдания слышались во всей квартире.

Поздно вечером, когда Анна Борисовна уже заперла входную дверь на ночь и легла спать, Тамара отозвалась на стук матери.

Антонина Андроновна пристально поглядела в ее опухшее, с покрасневшим носом и погасшими глазами лицо.

— Хороша! — покачала головой она. И тут же грозно подступила с расспросами: — Рассказывай начистоту: что стряслось?

Тамара чуть-чуть дернула плечом и не ответила. На такие вопросы она отвечать не хотела, а грозного тона не боялась.

— Будешь молчать? — закричала, покраснев, Антонина Андроновна.— Плетку возьму!

Тамара будто не слышала, только губы ее шевельнулись в кривой, презрительной усмешке.

Антонина Андроновна вдруг сдалась.

— Дочка, ну скажи, что случилось с тобой? — заплакала она.— Ведь я за тебя отвечаю!..

«Перед кем? — хотела спросить Тамара.— Кто у тебя спросит обо мне?»

Но ей стало жалко мать. И себя было так жалко, что больше не стало сил таить свое горе.

— Он, оказывается, пьяница, мама! Такой противный! Идут, ругаются на всю улицу... Страшные такие все! А я думала, он болен!..

— И это все?

— А этого мало?

У Антонины Андроновны будто гора свалилась с плеч.

— Фу! — Она встала, и слезы ее сразу высохли.— Что ты нашла, из-за чего ревешь? Да тебе-то до него какое дело? Шпана и шантрапа. Вот и все. Мало ли такой шпаны на свете,— так из-за всех и плакать? Пускай его мать плачет!

Тамара крепко сжала губы и мрачным, враждебным взглядом посмотрела на мать.

«Уйди из комнаты,— хотелось ей крикнуть матери,— уйди и не говори со мной больше!»

Но мать и так ушла. Она зевнула, пробормотала, что дочь вся в отца, не поймешь у них ничего! И ушла, шаркая зелеными туфлями.

Тамара, оставшись одна, достала из ящичка стола отцовы письма. Она долго сидела и перечитывала их. Письма сначала длинные — на две, три страницы. Потом все короче, реже... Но все-таки в каждом из них неизменно повторяется: «Тамара, приезжай».

Правда, в последних, коротких, скорее сообщениях, чем письмах, эта фраза звучала уже безнадежно: «Тамара, приезжай! Но я вижу, что ты не приедешь». И, как всегда, приписка: «Деньги высылаю. Когда буду в Москве, неизвестно. У меня здесь, в совхозе, неотложные, очень срочные дела. Может быть, к осени».

— А я вижу, что ты не приедешь ни к осени, ни к зиме, ни к весне,— пробормотала Тамара, складывая письма,— но насчет меня ты ошибся.

Тамара взяла лист почтовой бумаги и написала своим решительным почерком:

«Папа, я выезжаю к тебе завтра...»

ВЕСТИ С ДАЛЬНИХ ДОРОГ

В большом заводском клубе не пустовало ни одного места. Кому не хватило стульев, стояли у стен. В зале царила та добрая, веселая атмосфера, которая бывает, когда зрители смотрят игру своих любимых актеров. Легкие шепотки пробегали в темноте по рядам, светились улыбки, а то вдруг рассыпался смех, перемешанный с аплодисментами.

На сцене и в самом деле были любимые актеры. Среди елок и берез по зеленой травке бегал-катался румяный Колобок с круглыми озорными глазами и улыбкой до ушей. Когда он в первый раз выкатился на сцену, зрители дружно рассмеялись.

— Ух ты, веселый какой!

— По амбару метен, а ничего себе, упитанный!

— Это чей же?

— Стрешнева сынок!

Антон от волнения ничего не слышал и ничего не видел. Колобок бегал-катался и пел свою песенку про то, что он «по сусечкам скребен и на сметане мешен...»

Пьеса шла быстро, оживленно. Колобок убегал и от деда, и от бабки, и от волка, и от зайца... А в зале каждый раз, как только Колобку удавалось ускользнуть от своих недругов, громко хлопали. Этот актер пользовался самым большим успехом. На него просто никак нельзя было смотреть без смеха.

Зина то бегала за кулисы, помогала Елене Петровне одевать ребят, напоминала актерам их роли, то выходила тихонько в зал и отсюда смотрела на сцену. Она радовалась успеху своего братишки, радовалась, что ему так весело, радовалась его радости.

«Все-таки, когда ты сам ешь конфету, ты получаешь больше удовольствия, чем если бы ее ел кто-нибудь другой»,— вдруг всплыло в ее памяти.

Да разве сейчас Зина радовалась бы больше, если бы выступала сама? Нет! Ничуть не больше, даже меньше. И в эту минуту Зине стало отчетливо ясно, что человек, который произнес тогда эту сентенцию

насчет конфеты, никого никогда не любил, что человек этот убогий, с нищей душой. Ну что взять с такого?

Сказка кончилась, загорелись лампочки. В зале гремели аплодисменты, ребята на сцене неуклюже раскланивались. Зина хлопала изо всех сил, она была счастлива чуть не до слез.

В антракте Зина разыскала отца. Он был в «курилке».

— Папа, ну как? — спросила она.

А самой уже было и так ясно, что отец и доволен и растроган. Темные, окруженные тонкими морщинками глаза его глядели задумчиво и ласково, губы не могли сдержать улыбки.

— Ну, видишь, папка? — сказала Зина чуть-чуть назидательно.— А ты уж думал, что наш Антон совсем пропащий человек! Видишь?

— Вижу, вижу.— Отец улыбнулся и погасил папиросу.— Все вижу!

К отцу подошел его товарищ, вальцовщик с их завода. Зина заторопилась в зал.

— Подумаешь, наш Антон! Малявка, уа-уа! — вдруг негромко прозвучало около нее.

Зина быстро обернулась: она узнала этот противный голос. Ну, конечно, вот он здесь, Яшка Клеткин, коренастый, нестриженый, с дерзким взглядом прищуренных глаз.

— А что, думаешь, я так не мог бы? — продолжал он, раздувая ноздри.— Еще получше сыграл бы. Я бы так сыграл, что все со смеху поколели бы!

Зина глядела на Яшку, не отвечая. Елена Петровна говорит, что им надо заняться. Наверно, надо, только Зина этого не сможет!

— А чего? — не отставал Яшка. Он сунул руки в карманы и стоял покачиваясь.— Я какую хочешь пьесу сыграю. Я бы и в кино сыграл. Еще и получше Рыбникова!

— Вот ступай в кино да там и играй,— ответила Зина и, отстранив Яшку, поспешно прошла за кулисы.

— Все. Сеанс окончен,— вместе с коротким резким свистом донеслось до нее.

Колобок пользовался самым большим успехом.

— Вот и да. Окончен,— пробормотала Зина.— Хоть бы он раз и навсегда окончился, этот твой сеанс!

Ребятишки уже сняли свои костюмы. Сейчас в клубе начнется вторая часть — выступления заводской молодежи. А ребятам можно идти домой.

Елена Петровна внимательно поглядела на Зину.

— Что-нибудь случилось?

Зина хотела ответить, что ничего не случилось. Да ведь это так и есть, ничего не случилось!

— Так, пустяки, Яшка Клеткин.— Зина покосилась на Антона и сбавила голос: — Яшка Клеткин в зале.

— Ты говорила с ним?

— Нет. Он сам со мной говорил.

— О чем же он говорил? — Елена Петровна обняла Зину за плечи и отвела подальше от ребят.

Зина рассказала. И тотчас отмахнулась:

— Тоже актер! Тарзана он может изображать, а больше никого.

— Надо его позвать к нам в лагерь,— решила Елена Петровна.

Зина вспыхнула и посмотрела Елене Петровне в глаза. Разве она не знает, что Зина терпеть не может Клеткина?!

Елена Петровна поняла ее.

— Зина, так нельзя. Ребятишек надо любить. А иначе ты никогда не станешь ни хорошей вожатой, ни хорошим педагогом, хоть двадцать институтов кончай. Надо научиться в каждом из ребят прежде всего видеть хорошее. Если не видишь, ищи в нем это хорошее. Вот, казалось бы, что же найдешь в таком, как Яшка Клеткин? А видишь, даже искать не надо, сам сообщил: хочет играть на сцене. Вот за это и ухватись.

— Я?!

— Конечно, ты. А что ж ты думаешь, нам, учителям, воспитателям, приходится работать только с теми, кто нам нравится? Ты же и сама знаешь, что человек не всегда может делать то, что хочет. Ведь не отправилась же ты со своими друзьями в поход? А почему? Потому что должна была остаться.

Зина вздохнула. Да, не отправилась! Ее друзья сейчас ходят по тем зеленым солнечным дорогам, которые грезились Зине каждую ночь; они ночуют у костров, они поют песни, работают на сенокосах. И все они вместе. Как хорошо им, как весело, и как соскучилась Зина о них!

— А думаешь, что ты была бы счастлива, если бы отправилась? — продолжала Елена Петровна.— Все равно тебе не было бы ни покоя, ни веселья. Все тревожилась бы: а как там, дома? И вот теперь с Яшкой... Что, если ты однажды вдруг увидишь, что этот противный Яшка Клеткин вовсе и не противный, а, наоборот, очень хороший парень и что хорошим его сделала ты? Разве это ничего не стоит? Тут ведь тоже нужно и бороться и побеждать. Вырастить настоящего человека — это стоит и усилий, и забот, и даже страданий.

Зина слушала, сдвинув тонкие брови. Все так, все правильно. Надо сходить к Яшке, позвать его... Да, надо. Но как справиться с собой, со своим отвращением? Как заставить себя сделать это? Нет. Этого Зина все-таки никак не может!

Дома Зину ожидало письмо. От Фатьмы, конечно. Наконец-то! Только Зина не будет сейчас читать его. Сейчас надо готовить ужин, потом ужинать, потом мыть посуду... А уж после всего, когда освободится от дел, она вскроет письмо и сядет беседовать со своей любимой подружкой.

После ужина отец и Антон сидели на диване и читали «Приключения Пиноккио».

А Зина шла вместе со своими школьными друзьями по мягкому теплому проселку с розовой кашкой по краям; полола в колхозе капустные грядки, сбегающие к реке; купалась в этой веселой речке с осокой и стрекозами; выступала в колхозной избе-читальне (читала стихи); варила на костре кашу...

«Андрюшка, такой нескладный, повесил сушить свои башмаки над костром, и один башмак упал прямо в огонь. Пока спохватились, а он уже обгорел весь, подметка отстала. Привязали веревочками, так теперь и ходит...»

— Эх ты, Андрей, Андрей!..— тихонько смеялась Зина.

«А когда из Москвы уезжали, собрались все на платформе. Поезд вот-вот тронется, а Артемий все не командует посадку. Уже надо скорей садиться, тогда он говорит: «А где же та беленькая девочка? Зиной, кажется, зовут». Мы сказали: «Она не поедет»,— и он был недоволен. И тут же велел идти в вагон».

Зина несколько раз перечитала эти строчки.

«...А где же та беленькая девочка?..» «Он был недоволен». Заметил, значит. Заметил, что ее нет!

«...Зиной, кажется, зовут...» «И он был недоволен». Он был недоволен! Он был недоволен!

«...Под кустами растут высокие желтые цветы. Понастоящему они называются купальницами. А в деревне их зовут бубенчиками. И знаешь, это правильно, они совсем как бубенцы, на солнце они просвечивают и кажутся золотыми. А почему у нас во дворе не сделать клумбу из этих бубенцов? По-моему, можно. Вот и из ромашек тоже...»

Ну, теперь пойдет про цветы. Теперь все цветы, какие растут в лесу и на лугах, будут описаны — медуница, колокольчики, голубой цикорий...

Но вот, кажется, кончились цветы.

«Мальчишки тоже пололи капусту. И Артемий полол. Он большой, ему нагибаться трудно, сердился, а все-таки полол. Сима Агатова тоже сердилась. У нее это плохо получается, верхушки отрывает, а корни в земле,— ну, прямо чуть не плачет. Артемий говорит: «Мы тебя освобождаем от этой работы». А она: «Ни за что! Какая же я комсомолка? Тогда, значит, я белоручка, а не комсомолка!» И знаешь, ведь в конце концов научилась полоть, упорная такая! А зато Андрюшка Бурмистров прямо за двоих может работать, руки у него очень ловкие, захватистые какие-то».

— И я с вами!.. И я!..— вдруг вырвалось у Зины.

Она испуганно взглянула на отца и встретилась с его взглядом. Он смотрел на нее пристально, словно стараясь проникнуть в ее душу.

— Это я так,— виновато улыбнулась Зина,— я ничего!

«...Потом мы на молочной ферме помогли вычистить загон. Телятник только что построили, участок весь замусоренный, а телятам надо, чтобы чисто было. Вот мы все расчистили, перетаскали с участка все щепки, стружки, кирпичи. И сейчас лужок совсем зелененький. А телята желтенькие, сантиментальские...»

— Сантиментальские! — Зина засмеялась.— Папа, слышишь? Там, оказывается, телята не симментальские, а сантиментальские! Эх, Фатьма!

«...И потом смотрели, как доят коров электродоилками. Такие металлические стаканчики привешиваются. Я хотела попробовать, как это доят коров. Но мне доярка не разрешила, потому что я корове незнакомая и она молока мне не даст. Вот ведь какие они, эти коровы, капризные!

А потом доярки и скотники все собрались, и Артемий рассказывал им, что такое спутник, и как он сделан, и для чего он сделан. И он рассказывал про всякие миры. И про Венеру, что на ней там вода, и болота, и, может быть, разные динозавры. А на другой день мы видели Венеру. Мы на рассвете шли через овсяное поле. Овес был зеленый и весь в росе, небо чуть розовело на горизонте, а повыше оно зеленоватое. И вот в этом зеленоватом, над розовой зарей висела большая белая звезда; она сверкала и была такой красоты, что сказать невозможно. Артемий сказал, что это и есть Венера. Эх, жалко, тебя не было, может, ты потом нарисовала бы...»

Читая письмо, Зина как будто видела своих друзей.

В конце письма Фатьма сообщала, что пишет за себя и за Шуру, потому что Шура очень не любит писать письма.

«А тебя она очень любит. И все ребята тебя помнят...»

Зина задумалась, устремив глаза в далекую рассветную даль овсяного поля, серебряного от росы. Она видела это поле, видела сверкающую большую звезду, видела своих товарищей с рюкзаками за спиной, которые идут гуськом по тропинке и любуются красотой расцветающего летнего утра...

Но, заметив, что отец снова с тревогой посматривает на нее, Зина сказала с улыбкой:

— Ну, что ты, папка? У ребят свои дела, у меня свои. А мои дела хуже, что ли?

НЕУДАЧНАЯ ВСТРЕЧА

Клеткин стал задумываться. С того утренника в клубе, когда расхваливали всяких там малявок, он почувствовал себя чем-то оскорбленным. Подумаешь, артист — Антошка Стрешнев! Надел на себя раскрашенный шар да и бегает. Какой же он актер, если его лица не видно? У настоящего актера все на лице: горюет — так горе, а радуется — так радость. А если закрыть лицо, то всякий дурак сыграет! И пусть этот Антошка спасибо скажет, что Яшка молчал. А то как крикнул бы: «Вишневое варенье!» Ну и все. И скуксился бы сразу, вот тебе и актер! Сеанс окончен!

Вот если бы Яшку позвали и сказали: «Яшка, хочешь роль играть?» Вот тогда и увидели бы, какие настоящие актеры бывают. Он бы не только кого-нибудь, он бы самого Чапаева сыграл. Только вот ростом еще маловат!

Ну ладно, пускай не Чапаева. А уж разведчика-то сыграл бы! Только разве позовут?

Яшка в унылом раздумье сидел у окна возле чахлого фикуса и играл сам с собой в карты. Он обыгрывал своего невидимого партнера, как хотел, подмешивал себе тузов, брал себе козырей, а простую масть подбрасывал партнеру... Но где-то вторым планом шли неотвязные мысли о том, что жизнь у него складывается как-то нескладно. Вот и товарищей у него никаких нет, все один да один...

Для разнообразия Яшка начинал ругаться со своим партнером:

— Ты что, мухлевать? А ты знаешь, что за это бьют? То-то у меня! Как дам разá, так и засохнешь!

И он лупил картами воображаемого противника, хлестал ими по подоконнику.

— Что, получил? Теперь запомнишь, не будешь семеркой короля брать!

А мысли текли своим чередом. Надо куда-то подаваться. Вчера в клубе он слышал, как ребята в красных галстуках разговаривали про Артек. Море там теплое. Купайся с утра до ночи. И даже ночью не остывает. Лафа! И всякие персики, мандарины на деревьях растут. Пароходы огромные ходят по морю, пристают к Ялте. И там, в Ялте, иногда стоят всю ночь, огней от них — полно море! Постоят-постоят, а потом вдруг снимутся и тихо уйдут. Вокруг света...

А что, если Яшке забраться на такой пароход? Ведь он как большой дом все равно, Яшка спрячется там и не найдет его никто. А что? Теперь вон сколько людей ездит вокруг света! Чего ж Яшке дома сидеть? Во дворе жарко, скучно. Дома мать с отцом только и знают, что ругаются. А если не ругаются друг с другом, то ругают Яшку. Очень интересно, что ли?

— Чем ходишь? — закричал Яшка, стараясь прервать свои тревожащие душу мысли.— Козырным королем? Эх, простофиля! На короля-то здесь тузик есть. Все — и ваших нет!

Кто-то неожиданно постучал в дверь.

— Не заперто! — крикнул Яшка.

Дверь открылась, и в комнату вошла... Зина Стрешнева.

Яшка растерялся, глаза у него забегали. Чего это она пришла. Знает, что мать с отцом на работе...

— С кем это ты играешь? — спросила Зина, кивнув на карты.

Почувствовав насмешку, Яшка смешал карты и надменно поднял свой широкий, похожий на маленький шалаш нос.

— А тебе чего?

Зина огляделась.

— Эх ты! Лето, солнце на улице. А ты сидишь тут, в карты сам с собой играешь. Хоть бы в комнате прибрал, все матери поменьше работы.

— А чего тут прибирать-то?

— Как чего? Подмел бы. Половики вытряс бы.

— А что я бабьи дела буду делать?

— Подумаешь, мужчина какой! Просто скажи, что лень, вот и все.

— И сеанс окончен,— нечаянно для себя закончил Яшка.

— Тебе бы только сеанс! Вон хоть бы уши вымыл!

Яшка насупился.

— Ну и ладно. Тебе-то что?

Зина рассердилась.

— Конечно, никому до тебя дела нет! Учительница сколько раз приходила, время теряла с тобой да себе нервы дергала. Ребята приходили, уговаривали, нянчились. Подумаешь, цаца какая здесь сидит!

Яшка рассердился тоже.

— Ну и цаца! Ну и сижу! Тебе-то что? Я, что ли, к тебе пришел? Пришла да еще кричит здесь. Испугался!

Зина поняла, что она сейчас все испортит. Зина редко теряла самообладание, она была добра и ласкова. Но Яшка Клеткин одним своим видом постоянно выводил ее из себя. Впрочем, уж если пришла, так надо держаться как следует. Ведь ей так трудно было заставить себя прийти сюда!

— Да, ты прав,— сказала она,— пришла и кричу.

Чтобы справиться со своим раздражением, Зина принялась мыть чайную посуду, с утра оставленную на столе.

— Принеси полотенце.

— А я знаю, где оно?

Зина вышла в кухню, нашла полотенце, вытерла чашки и убрала в шкаф.

— Ступай тряси половики, я пол подмету.

— Очень надо!

— Ты, оказывается, лентяй. А я хотела тебя к нам позвать. Но раз лентяй...

— А куда позвать-то?

— Вытрясешь половики, тогда скажу. Ну, собирай!

Яшке не хотелось вытрясать половики. Ну их совсем, пыли от них — не продохнешь! Но он все-таки нехотя встал со стула. Как интересно получается: только что он мечтал о том, чтобы его позвали в лагерь,— и вот зовут! А зачем? Ну, ладно уж, вытрясет, ему нетрудно.

Яшка, не теряя своего надменного вида, принялся собирать половики. Он небрежно сдвигал их ногами, не желая нагнуться. И больше всего боялся, как бы Зина не заметила, что он очень рад ее приходу и что ему хочется узнать, зачем она его зовет в лагерь.

Когда он принес со

Не теряя надменного вида, Яшка принялся собирать половики.

двора чистые половики, Зина уже успела домести комнату.

— Стели.

Но Яшка терпеть не мог стелить половики. Он бросил их на пол и, насвистывая «Трех поросят», отошел к окну.

— Ну, что ж ты, Клеткин? — Зина не могла назвать его Яшей, а Яшкой не хотела.— Давай закончим дела, а тогда уж будем разговаривать.

— А чего мне с тобой разговаривать? — огрызнулся Яшка.— Пришла, да еще командует здесь!

Довольно он наработался! Небось, всех — Витя, да Митя, да Саша! А как его, то Клеткин! Если он плохой, так нечего и приходить и звать куда-то.

— Ну, раз ты ленишься, так я сама.— Зина принялась расстилать дорожки.— Если ты даже этого не умеешь...

— Ну и не умею. И не хочу уметь. И ступай отсюда, я комнату запру. Мне по делу надо.

Яшка надвинул кепку, взял ключ и стал у двери. Зина удивленно уставилась на него.

— Что это ты вдруг? Ведь мы же хотели с тобой о лагере поговорить?

— Хотел, а теперь не хочу. Все. Сеанс окончен.

Зина смутилась. Яшка не доходил ей и до плеча, а разговаривает так, будто он старший, а она малявка, «уа-уа».

— Значит, тебе только в карты играть интересно да деньги выпрашивать!

Зина сказала это и почувствовала, что еще больше испортила дело. Яшка взглянул на нее зло и дерзко.

— А ваш Антон не выпрашивал? Ступай Антона учи. А меня учить нечего, у меня мать с отцом есть! Уходи, я дверь запру.

Зина молча вышла из комнаты. Она, не оглядываясь, прошла через двор до калитки. Калитка захлопнулась.

Яшка, выскочив за ней следом, смотрел, как она уходила. Ему хотелось, чтобы она оглянулась, чтобы позвала еще раз... Может, он и не пошел бы, а все-таки ему очень хотелось, чтобы еще раз позвала. Но калитка захлопнулась. Больше никто не придет за ним... Кому же он такой нужен? «Тебе, Клеткин, только бы в карты играть!..»

Ну и ладно! Ну и в карты! Яшка запустил руку в карман, достал горсть медяков. И чего это взрослые не принимают его играть, если у него есть деньги?

Насвистывая как можно громче и веселее, Яшка сбил на затылок кепку, сунул руки в карманы и с независимым видом, вразвалку отправился на соседний двор, к дощатому столу под тополем. Если он хорошенько попросит дядю Павла, так, может, и примут.

Зина пришла домой расстроенная. Какой же из нее вожатый? С хорошими, послушными ребятами каждый справится. А вожатым должен быть такой человек, который к каждому, даже самому разболтанному мальчишке сумеет подойти, сумеет подружиться с ним и увлечь его на хорошие дела.

Отказаться? Но Елена Петровна недавно сказала:

— Нельзя Яшке оставаться одному. Да он один и не останется. Мы откажемся, а какой-нибудь дядя Павел его приголубит.

Нет. Нельзя отказываться! Нельзя. Ну, а что же с ним делать?

(Окончание в следующем номере.)

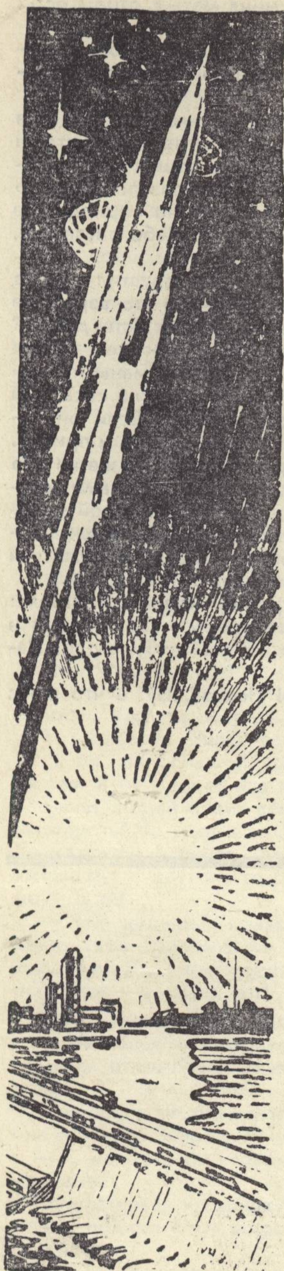
* * *

Когда-нибудь вы станете отцами
И мамами с веселыми глазами.
То будет время длинной-длинной жизни,
Не знающей разлук и расстояний,
И время исполненья всех желаний...
То будет день уже при коммунизме.
И дети соберутся возле вас.
И скажет голос дяди или мамы:
— Да, да, друзья, я помню, как сейчас,
Тот съезд, который принимал Программу.

Лев ОШАНИН

Самые смелые мечты сбудутся

В. ЗАХАРЧЕНКО

Недавно я побывал в Туркмении. Мы плыли на катере через пустыню по вновь построенному участку Каракумского канала. Это казалось чудом: тронутые первой зеленью поля там, где еще недавно были раскаленные пески.

По обоим берегам канала насосные станции откачивали воду в близлежащие колхозы: нужно орошать землю под хлопчатник. Где-то шумели тракторы, они пахали уже оживающую почву.

И здесь, в центре Средне-азиатской пустыни, возле таких непривычных зеленых камышей на берегу я вдруг увидел: какие-то парни забрасывают удочки в воду канала. Рыбаки в пустыне?!

Почти на пятьсот километров от Аму-Дарьи уже углубился в пустыню канал. Скоро вода Аму-Дарьи дойдет до Ашхабада. Пересекая древние сухие русла Узбоя, вода пойдет дальше на тысячу двести километров, до самого Каспийского моря.

Это трудный путь для воды! Часть ее уходит в песок, часть испаряется.

Чем медленнее течет вода, тем сильнее испарение. Эту трудность строители предвидели. Но они не предвидели того, что иссохшую землю Каракумов вода почти мгновенно оживляет, и канал очень быстро начинает зарастать водорослями и осокой. От этого замедляется движение воды и, значит, усиливается испарение. Вода уходит «на ветер».

Вначале пробовали очищать канал огромными железными граблями, которые волокли за катером. Но дело шло плохо. И тогда призвали на помощь рыбу белый амур.

Это удивительная рыба. Она необыкновенно прожорлива и питается водорослями, съедая в день ровно столько, сколько сама весит.

На самолетах из Китая были завезены в канал мальки белого амура, и он стал чистильщиком канала от водорослей. Вот почему рыбаки и стоят вдоль берегов канала. Где рыбка — там и рыбаки.

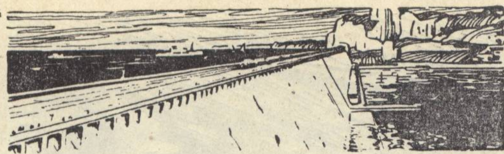
...Я побывал и на берегу будущего Сибирского моря, ходил по новой улице нового Братска. Улица называлась Набережной — так назвали ее строители, зная, что скоро вода поднимется к самому городу.

Передо мной до самого горизонта открывалось гигантское пространство, его уже заполняет вода Ангары. Строящаяся железобетонная плотина уже упирается своими плечами в скалу Пурсей и в противоположную гору с поэтическим названием Журавлиная грудь. Ко дню XXII съезда партии первый генератор электростанции даст первый ток.

Несокрушимо стоит плотина. Шумит и пенится стиснутая бетоном Ангара. Вода поднимется до головокружительной высоты, более чем на сто двадцать метров.

Море разольется до самого горизонта... Мощная гидроэлектростанция даст энергию и жизнь новым заводам, новым городам, поселкам. И они уже строятся.

...Я видел на Каспии нефтяную скважину глубиною около пяти километров. Есть в мире еще более глубокие скважины — до семи с половиной километров. На первый взгляд и это не так уж глубоко; ведь земная кора в иных местах достигает шестидесяти километров. Но пять километров — это толщина земной коры на дне Тихого океана, где ученые хотят пробиться сквозь кору к таинственному слою Мохо, к веществу внутренних областей Земли. Там вещество в неведомом состоянии, не существующем нигде на поверхности планеты. Ученые предполагают,

что там скрыты огромные запасы тех веществ, из которых рождаются полезные ископаемые земной коры.

Вот почему ученые приняли решение произвести в ближайшие годы глубинное бурение в четырех пунктах нашей страны.

— Что принесет нам этот гигантский опыт?

— Пока неизвестно. Но будущее всегда волнует.

...Весь мир следил за полетом советского космонавта Германа Титова, семнадцать раз облетевшего Землю, семнадцать раз за одни сутки встречавшего восход и закат. Это труд советских людей создал ракеты, которые вывели в небо корабли наших космонавтов. Мощность двигателей ракеты достигает двадцати миллионов лошадиных сил — в шесть раз больше мощности Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС. Многомиллионная упряжка «космических» лошадей мчала Титова в небо!

Я назвал вам только четыре чуда наших дней. Зеленеющие пески пустыни. Укрощенная, разливающаяся морем строптивая Ангара. Скважины, нацеленные в глубинные районы земли. Космический корабль, управляемый человеком...

Я мог бы назвать много других чудес. Чудо-машину «Огру», где в магнитной ловушке пульсирует таинственное солнечное вещество, рождающее энергию, которой нет равных; машины, которые запоминают, учатся, управляют заводами, электростанциями, ведут вычисления в астрономических обсерваториях, распознают болезни, проектируют рейсы космических кораблей; работягу-атом в реакторе действующей электростанции.

Но дело не в том, сколько сегодняшних чудес назвать! Дело в том, что в них виден завтрашний день нашей техники и науки.

«Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Они сказаны в проекте Программы Коммунистической партии, эти долгожданные слова. А это значит, что они сбудутся. Сбудутся все самые смелые и прекрасные мечты человечества.

Ваше «завтра»

И. НОВИЦКИЙ

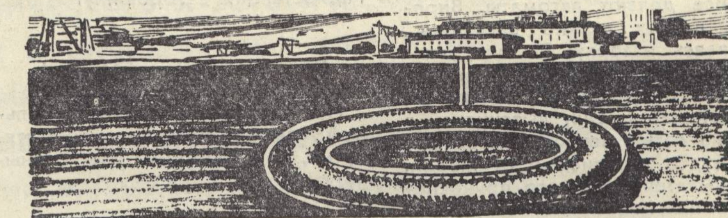
Двадцать лет — это маленький срок. Человек, который родился, только-только успевает стать взрослым.

Но бывает, что двадцатилетие равно нескольким векам: столько важного оно в себе заключает. Мы сейчас стоим на пороге такого великого двадцатилетия.

Двадцатилетний план построения коммунизма! Вам, сегодняшним пионерам, через двадцать лет быть хозяевами удивительной техники, которая возможна лишь при коммунизме. Это вам изобретать и строить машины, каких еще нет на свете, делать научные открытия, о которых сегодня и мечтать нельзя, совершать путешествия по проторенным в космосе дорогам.

Давайте попробуем сегодня заглянуть в это ваше удивительное «завтра», чтобы хоть немного, хоть в разрозненных картинках представить его себе.

«КУСОК СОЛНЦА»

В огромном зале перед пультом управления стоит человек. Его руки лежат на включающих рукоятках. Поворот... Глубоко под землей, в стальной баранке, вспыхивает солнечный шнур. Энергии выделяется все больше и больше, ядра дейтерия и трития сталкиваются все чаще, температура поднимается все выше и выше. Вот уже миллиард градусов. «Кусок Солнца», термоядерная станция начала работать.

«Топливо» Солнца — водород, точнее, его родные братья—изотопы дейтерий и тритий. Когда они соединяются, выделяется огромное количество энергии. Один килограмм «солнечного вещества» дает около двухсот миллионов киловатт-часов энергии.

Десятилетия за три до этого ученые у нас, на Земле, уже получили «кусок Солнца». Они воспроизвели термоядерную реакцию, какая происходит в недрах Солнца. Но это была водородная бомба. Она умела только разрушать. Нужно было заполучить «солнечное вещество» не на один миг взрыва, а на многие спокойные часы и годы мирной работы. Но в чем хранить «солнечный сгу-

сток» с температурой в миллиард градусов?

Советские ученые Тамм и Сахаров изобрели магнитную «упаковку» для «солнечного вещества». Огромная труба, пустотелая баранка, обмотанная проводами, по которым пропущен электрический ток. Под действием тока внутри баранки возникает магнитное поле. Оно зажимает «солнечный сгусток», вытягивает в тонкий шнур и не дает ему соприкасаться со стенками трубы. Стенки не плавятся, и — самое главное — тепло огненного шнура не расходуется напрасно. Его можно использовать для мирных целей, им можно управлять.

В первых опытах Тамма и Сахарова «кусочек Солнца» возникал лишь на миллионные доли секунды, но это было началом.

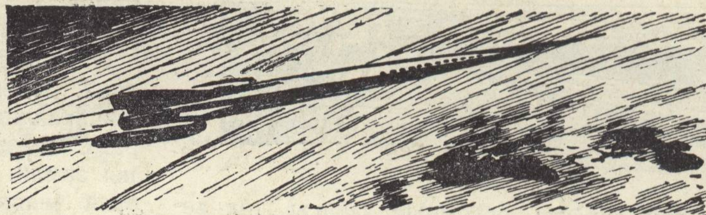
МИР АВТОМАТОВ

Завод точного литья. Небольшое здание, похожее на санаторий. В светлых, чистых комнатах мигают лампочками и зеленоватыми змейками осциллографов следящие машины. Изредка проходит инженер-диспетчер, читая их записи в журнале. А где же сам завод? Он под землей. Там производятся сверхточные отливки из редких металлов. Цехи полностью изолированы от внешних воздействий, в них поддерживается равномерная температура, все строго герметизировано, воздух выкачан, и помещения наполнены инертным газом — аргоном. Он не соединяется с раскаленным металлом и поэтому на отливках не образует окалины.

Плавка ведется в специальных вакуумных камерах при помощи электронной пушки, посылаемый ею мощный поток электронов разогревает и плавит металл.

Люди под землю не спускаются. Все делают автоматы. Впрочем, в цех можно заглянуть... оставаясь наверху. Включи телевизор — и на серебристом экране возникнет картина подземного мира автоматов. Они вытянулись в ряд на сотни метров и работают как будто независимо от людей. Но достаточно легкого прикосновения пальцев к кнопкам операторского щита — и весь завод изменит ритм и будет работать так, как прикажет человек.

При коммунизме человек будет освобожден автоматами не только от тяжелого физического труда, но и от многих видов однообразной умственной работы. Век «умных» машин уже начался. А в 1980 году... для человеческого мозга останется только тонкая, сложная работа, которая не под силу самым «умным» машинам.

РАДИОСТАНЦИЯ... С ГОРОШИНУ

Перенесемся туда, где монтируется автоматическая межпланетная станция, которая полетит к самой далекой планете солнечной системы — Плутону. Станция весит больше тысячи килограммов. Если бы приборы, размещенные в ней, были выполнены из деталей выпуска 1960 года, для этой межпланетной станции понадобилось бы несколько многоэтажных корпусов. Новые полупроводники сделали ее такой небольшой и емкой. Карманные приемники со спичечный коробок или с авторучку, которые восхищали нас в 1961 году, теперь рассмешили бы радиолюбителей своей громоздкостью.

И сами полупроводники сильно изменились. В крохотный кристалл полупроводника добавляют титан, тантал и другие металлы, и он состоит из нескольких слоев, каждый из которых работает или как конденсатор, или как трансформатор, или как лампа. Из одного кристалла можно сделать целый приемник, в одном кубическом сантиметре, в том объеме, который прежде занимали три детали, теперь умещается несколько тысяч деталей. Радиостанция с горошину!

ВСЕ ЗЕМЛЯНЕ — СОСЕДИ

На старте — межконтинентальный самолет. Остроносый, вытянутый, с короткими треугольными крыльями, отнесенными назад, он напоминает космическую ракету. Это пятисотместный «ТУ-214». Такие самолеты курсируют на сверхдальних линиях...

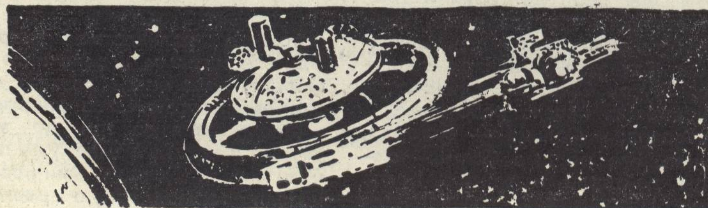
Самолет готов к прыжку в стратосферу. Всех просят занять места. И вот серебристая сигара отрывается от земли. Земля, видимая в иллюминаторы, словно падает вниз. Межконтинентальный самолет, обгоняя звук, пожирает километры, сотню за сотней. Через пять часов — приземление в Пекине.

ЛЕТАЮЩИЙ ОСТРОВ

Искусственный спутник Земли... Огромный летающий остров. Он смонтирован из деталей, выведенных на заданную орбиту десятками ракет-носителей. Сегодня с него отправляется космический корабль Академии наук СССР с экспедицией на Марс.

Посланные туда накануне грузовые ракеты с приборами и оборудованием экспедиции, управляемые электронным автоматическим пилотом, уже совершили благополучную посадку в центре Большого Сырта.

Участники экспедиции прощаются с друзьями и спускаются в туннель, ведущий к эстакаде, где их дожидается серебристо-сиреневый межконтинентальный корабль «Восток-103». Необычную окраску придает кораблю сверхжаропрочное полимерное покрытие. Корабль сравнительно невелик. Ведь основным грузом на прежних космических кораблях было горючее. Мощный ионный двигатель корабля «Восток-103» не нуждается в громоздком жидком топливе. В его реак-

тивном двигателе электроны и ионы разгоняются почти до световых скоростей.

Огромный спутник как будто вымер. Все работники ушли в укрытия. Сработала система ориентации, сиреневатая стрела развернулась по курсу. Еще секунда — и она легко отделилась от стартовой установки и скрылась из виду.

ЧУДО-ПОЛЕ

На этом поле агроному не приходится брать пробу грунта, чтобы исследовать его в лаборатории. Это делают за него наши старые знакомые—небольшие полупроводниковые приборы. Они следят за всем, что может повлиять на растения: измеряют температуру, влажность почвы и воздуха, силу света, падающего на растения. Эти приборы помогли ученым установить для каждой культуры наилучший режим.

Все результаты измерений подаются на командное устройство, которое, если чего-нибудь не хватает растениям, включает установку микроклимата. Она создает в верхнем слое почвы и в воздухе вокруг растений искусственный климат, не зависящий от капризов погоды.

Командное устройство, когда нужно, позаботится и о подкормке растений. Живому агроному остается только контролировать своих маленьких, но надежных помощников.

ПОЛИМЕРНЫЙ САД

Очень интересно побывать в лаборатории, где выращивают полимеры. Да, именно выращивают. У сложной молекулы полимера есть основа — мономер, а в зависимости от того, какие добавки к мономеру сделаны, изменяются и свойства полимера. Полимерная молекула похожа на ветвистое дерево. В лаборатории произвели прививку. Привитый полимер быстро растет, и теперь все зависит от того, в каких условиях это происходит. Химики заботливо выхаживают каждую веточку и получают нужный материал.

Предположим, поступил заказ изготовить огнеупор, который не боялся бы кислот и пропускал бы электрический ток... Что же, достаточно выбрать подходящую молекулу для прививки...

У многих выращенных таким образом полимеров кристаллическое строение, как и у металлов. Значит, их можно ковать, прокатывать, штамповать. Из полимеров можно изготовить все, что угодно, начиная от обуви и кончая корпусами космических кораблей. В 1980 году они во многих случаях вытеснят металлы, стекло и дерево.

Все школы получат хорошие помещения и перейдут на односменные занятия. При всех школах будут созданы учебные мастерские, химические, физические и иные кабинеты и лаборатории, а в сельской местности также и пришкольные сельскохозяйственные участки; на крупных предприятиях—учебно-производственные цехи для школьников. Широкое применение в школах получат новейшие технические средства — кино, радио, телевидение.

В целях физического и эстетического воспитания во всех школах и внешкольных учреждениях будут оборудованы гимнастические залы, спортивные городки, созданы условия для художественного творчества детей, для занятий музыкой, живописью, скульптурой. Расширится сеть городских и сельских детских стадионов, спортивных школ, туристских лагерей, лыжных баз, водных станций, бассейнов и иных спортивных сооружений.

Из проекта Программы КПСС.

Глубокий рейд

Первое письмо с красной тимуровской звездочкой пришло в январе, когда в нашем журнале открылась «Школа пионерской дружбы».

«На отрядном сборе мы обсудили статью «За что любят Тимура» и решили поступить в школу дружбы. Мы будем выполнять два закона школы:

1. Не в одиночку, а вместе.

2. Вместе — для всех.

С пламенным пионерским приветом от пионеров отряда 6-го класса Остроуховской школы Тамбовской области.

Мантрова Людмила, Машков Владимир, Лаврентьев Владимир».

Потом такие письма стали приходить каждый день. В школу дружбы поступили пионеры отряда имени Павлика Морозова из поселка Шаартуз, Таджикской ССР, ребята из дружины школы № 6 города Ханты-Мансийска, три пионерки — Таня Костикова, Галя Лелекина, Люда Тищенко из Киева, пионеры — воспитанники детского дома № 1 города Березники — и еще много, много ребят.

Все, кто поступает в школу дружбы, поняли самое главное правило: друзьями люди становятся только тогда, когда они вместе затевают какое-нибудь увлекательное дело. Вот какое бодрое, хорошее письмо пришло из села Антоновка, Херсонского района, Херсонской области:

Здравствуй, Сима Соловьев!

В нашей школе и раньше был отряд тимуровцев. Работа наша была одна — помогать старикам. Нам не было скучно это делать, нас встречали радостно, благодарили, и это самая лучшая награда. Но все же теперь мы иначе построим свою работу. Все будут носить звездочки с надписью «Ю. Т.». Будем помогать не только старикам, но и нашему сельскому медпункту, разносить лекарства больным на дом, разносить почту, готовить концерты для малышей. Будем выпускать боевой листок «Юный тимуровец». Сейчас мы готовимся ко дню рождения Аркадия Гайдара. На призыв «Будь готов!» мы отвечаем «Всегда готовы!»

Командир отряда тимуровцев В. Зражевский.
Звеньевые: Л. Иванова, Н. Кущенко,
В. Шаповалов, Гаркуша Иван».

Вот молодцы ребята! Мы написали в Херсонский райком комсомола письмо с просьбой узнать, выполнены ли эти планы, а если выполнены, то отметить отряд за хорошую, дружную работу. Видно, там растут настоящие Тимуры!

В школу дружбы пришли и другие письма, я бы сказал, грустные. Обычно они начинаются так: «У нас в классе ребята недружные». Дальше идет подробный рассказ, почему именно недружные: мальчики обзывают девочек обидными прозвищами, дисциплина плохая, никакой работы нет. Кончаются эти письма, как правило, вопросом: что нам делать? В таких письмах редко пишут об отряде, а чаще говорят: «Наш класс, у нас в классе». Понятно, если ребята недружные, то никакого отряда не существует, а есть просто класс. Грустно жить без пионерского отряда! Я хотел было сам ответить всем, кто прислал такие жалобы, но недавно получил письмо от Зои Грачевой из города Мурманска и подумал, что, пожалуй, Зоя нашла правильный выход. Вот ее письмо:

«Здравствуй, дорогая редакция!

Недавно я получила твое письмо. Ты уже знаешь, что наш класс недружный. В «Пионере» № 1 я прочитала, что открывается «Школа дружбы». Я сначала хотела прочитать об этом всему классу, но когда представила себе, как начнут смеяться мальчишки (они считают себя взрослыми), то решила прочитать сначала девочкам. Нас в классе шесть девочек. Как только я прочитала им о школе дружбы, все сразу же решили организовать тимуровскую команду. Меня выбрали Тимуром. На следующий день мы пришли к октябрятам-первоклашкам. Разделились: на каждую звездочку по человеку. На перемене мы

играем с ними, читаем им книжки. Наши октябрята любят рисовать. Мы устроим выставку их работ и за лучшие рисунки будем премировать. Еще мы хотим провести для них сбор сказок, помогать им готовиться к празднику мам.

Мы уже выпустили нашу тимуровскую газету «Дружба». В ней мы рассказали о нашем начале.

На другой день, прочитав газету, многие мальчики стали просить нас принять их в тимуровскую команду. Мальчики обещали нам исправить свою дисциплину...

До свидания.
Зоя».

Вот видите, ребята, совсем небольшая победа у Зои Грачевой и ее подруг, и еще неизвестно, что получится из всего этого, наладится ли в их отряде дружба (я прошу Зою быстрее написать мне обо всем и подробнее), но все-таки первый шаг сделан, все-таки ребята заинтересовались. Правильно поступила Зоя: если вы не уверены в том, что вас поддержит весь отряд, затевайте какое-нибудь дело хотя бы втроем, вчетвером, и у вас скоро появятся сторонники. Их число будет увеличиваться. Важно начинать с небольшого, легкого, важно добиться хоть маленькой победы. Одна победа ведет к другой, маленькая — к большой. И наконец придет день, когда вы сможете сказать себе: «Мы победили!»

Правда, некоторые ребята не сразу могут отыскать хорошее, нужное дело. Николай Володин, пионер 4-го звена 4-го отряда дружины восьмилетней школы (г. Комсомольск), пишет, что его звено поступает в школу дружбы, школу Тимуров, чтобы научиться дружить по-настоящему. Он рассказывает, как работает его звено — неплохо работает. Но вот что заботит Николая:

«Все эти дела мы не сами придумали, а учителя, а мы хотим научиться сами придумывать полезные дела, и чтобы все пионеры в звене одинаково хорошо выполняли эти дела».

В конце письма Николай, как и все, нарисовал красную звездочку с пятью лучами — тимуровский знак.

Что ж, пожалуй, Коля Володин прав: очень неинтересно жить по подсказке. Конечно, обидно, что ребята не сами догадались делать, например, скворечники, а им кто-то напомнил: пора! Но это не страшно. Один раз подскажут, другой раз сами спохватятся. Важно, что ребята понимают главное: надо искать полезные дела, развивать пионерскую зоркость.

Есть известная игра юных разведчиков: идет звено по дороге, и каждый пионер старается запомнить побольше разных примет. Потом все садятся и записывают, кто что заметил: повалившееся дерево... стог сена... большая колдобина... старый тракторный след... Кто больше всех примет запомнил, тот и выигрывает. Эта игра развивает наблюдательность, советую поиграть.

Но для пионера еще важнее развивать в себе зоркость другого рода — пионерскую зоркость. Сделайте так. Соберитесь несколько человек — все, кто хочет заниматься в школе дружбы,— точно в назначенный час в условленном месте и объявите: срок — два часа. За это время каждый должен обойти определенный участок: улицу, или большой двор, или ряд домов в деревне. Через два часа все собираются в том же самом месте, и каждый докладывает, какие дела для звена или для команды он нашел. Вы увидите, что дел наберется уйма. Где-то можно открыть пионерский детский сад — там малыши без присмотра, где-то нужно старым людям помочь, где-то завалялся лом, в каком-то дворе засилье взяли не пионеры, а хулиганишки, и надо дать им отпор...

Кто больше найдет таких дел? У кого зорче пионерский глаз? У кого острее пионерская совесть? При этом обязательное условие: никому не болтать, зачем вы ходите по дворам да по улицам, а то похвастаетесь, а потом ничего не сделаете. Вот позор-то будет! Нет, пионерская разведка, как и всякая разведка, должна быть бесшумной, скрытной. Посмотрел — увидел — как будто невзначай расспросил — запомнил — рассказал товарищам. Вот как действует пионер в разведке!

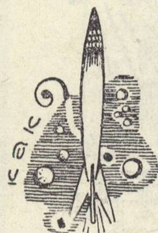
Если вы несколько раз совершите такие вылазки, вы увидите, сколько новых дел у вас появится, а когда вы возьметесь за них, то и сами не заметите, как станете дружнее.

Итак, очередное задание «Школы дружбы»: организовать глубокий рейд пионерской разведки. О результатах срочно написать в журнал «Пионер».

Вожатый Сима **СОЛОВЬЕВ**

Почему и Отчего

Сквозь воздушную преграду

Как приземляется корабль-спутник?

Алеша Рябов, Москва.

Чтобы понять, как это сложно, вспомни, с какой огромной скоростью мчится корабль-спутник: расстояние от Москвы до Ленинграда он пролетает за минуту с небольшим.

Прежде чем приземляться, он должен замедлить свое движение, потому что, врезавшись в плотные слои атмосферы на такой скорости, корабль резко затормозится и мгновенно расплавится, сгорит, как метеор. Кроме того, не уменьшив своей скорости, он не сможет сойти с круговой орбиты.

Для этого включаются тормозные двигатели. Они выбрасывают струю вперед и как бы толкают ракету в противоположную ее движению сторону. Тормозные двигатели убавляют скорость настолько, чтобы орбитальное движение перешло в спуск.

Можно тормозить о воздух и при помощи специальной системы тормозных парашютов. А еще можно придать носовой части корабля тупую, плохо обтекаемую форму. Тогда воздух, вместо того, чтобы «расступаться» перед кораблем, образует впереди него упругую подушку.

Скорость еще велика. Но тут на помощь приходит воздух. Корабль-спутник выпускает во все стороны множество щитков, его бока топорщатся этими щитками, и щитки тормозят корабль-спутник точно так же, как тормозят лодку весла, опущенные в воду.

Торможение двигателями и закрылками должно идти плавно и постепенно, потому что человек болезненно переносит резкие перемены скорости, будь то ускорение или замедление. Они могут быть даже опасны для жизни.

Но космонавта при спуске с орбиты подстерегает еще одна опасность: тепловая. Хотя и убавив скорость, корабль все еще сильно раскаляется трением о воздух. Герман Титов наблюдал в иллюминаторы скользящие вдоль бортов голубые светящиеся струйки воздуха, наэлектризованного трением о стенки корабля. Какое же сильное было трение, если даже воздух светился!

Но от перегрева, от тепловой опасности есть защита. На космический корабль надета «рубашка». Керамическая тугоплавкая обмазка покрывает носовую часть. Когда температура становится очень высокой, обмазка начинает плавиться и испаряться. На это и тратится тепло. К концу спуска корабль успевает «раздеться», почти совсем снять свою «рубашку».

Хорошим средством тепловой защиты служит и тупой нос корабля. Можно придать ему такую форму, что воздух, вместо того чтобы скользить вдоль стенок корабля, будет образовывать завихрения, и бóльшая часть тепла перейдет к соседним воздушным слоям.

Наконец корабль настолько уменьшил скорость, что можно пустить в ход парашют. Огромный, прочный купол раскрывается над кораблем, и он переходит в плавный, медленный спуск.

При этом космонавт может привести в действие катапульту, отделившись вместе с креслом от корабля, раскрыть второй парашют и приземлиться отдельно

Советские ученые одержали блестящую победу в битве за безопасный и точный спуск. Оба наших корабля, оба «Востока», приземлились благополучно и там, где требовалось.

И. Новодворский

На боярский манер

Почему мы говорим «он работает спустя рукава»?

Гена Лаужель, г. Ушачи, Витебской области.

Скажи, пожалуйста, Гена, а разве ты, когда работаешь с увлечением, хочешь сделать что-нибудь хорошо и быстро, разве ты не засучиваешь рукава?

Ты, может быть, заметил, что работать в рубашке с длинными и широкими рукавами не очень-то удобно. Вспомни, какие рукава были у бояр: чуть не в метр длиной. Бояре считали труд зазорным для себя. Свое знатное происхождение всячески старались подчеркнуть даже покроем платья.

С тех пор и пошло. Про нерадивых работников, людей, не умевших и не желавших работать как следует, стали говорить: «Он все делает спустя рукава». Это значит, что человек работает нехотя: как получится, так и получится. К труду он относится пренебрежительно, да и чужой труд ценит мало. Если говорят про человека, что он все делает спустя рукава, значит, он работает без всякого интереса, медленно и неряшливо.

И. Канавец

НА ПАУДЕР-РИВЕР

А. АВДОШИН

Рисунки П. Кирпичева.

олковник Рейнолдс остановился на холме и внимательно осмотрел местность. Да, февральские вьюги сделали свое дело: снежные заносы сгладили прерию... О грядах дальних холмов можно судить лишь по блеску оледеневшей корки на их вершинах да по светло-серым теням на крутых скатах, когда скупые лучи утреннего солнца пробиваются сквозь хмурую пелену облаков. Все бело. Только вдали на севере чернеет извилистая полоса ивняковых зарослей, окаймляющих русло Паудер-ривер.

Головной эскадрон повернул к реке. Колонна растянулась на целую милю. Издали кажется, что маленькая пестрая змейка ползет к гигантской змее, неподвижно распростершей на снегу извивы своего серо-белого тела. После змейки остается извилистый мутный след. Красиво!.. А подъедешь поближе — совсем другое. По пробитой разведчиками узкой тропе не очень-то разъедешься. Лошади то скользят по скатам холмов, то тонут по брюхо в рыхлом снегу, прокладывая грудью траншеи. Будь она проклята, такая красота!

Рейнолдс дернул поводья и спустился с холма. Лошадь, захрапев, погрузилась в сугроб. Плохо лошадям, черт возьми! Впрочем, и людям не лучше.

Мысли полковника перенеслись в форт Феттерман, откуда он выступил в этот поход две недели назад. Генерал Крук... Индейцы недаром называют его «Старым Серым Волком». Только человек с волчьим сердцем может гонять войска по прерии в это время года. Краснокожих дикарей можно спокойно

перебить летом. Но генералу нужна слава, и нужна немедленно. Понятно, почему операция поручена именно ему, Рейнолдсу. Крук злопамятен и никогда не забывает тех, кто когда-либо встал на его пути. А он сделал это не далее как прошлым летом...

Невеселые эти размышления были прерваны появлением адъютанта, вернувшегося назад в поисках командира. Поход вымотал его: колючая щетина, шершавая кожа на руках и лице, воспаленные глаза. А уж более подтянутого щеголя, чем лейтенант Уистлер, в одиннадцатом кавалерийском найти было невозможно.

— Вернулся Пятнистый Рог, сэр. Он говорит, что нашел лагерь дакота[1]. Сотня вигвамов[2], сэр.

ТИПИ

— Далеко?

— Милях в десяти, сэр.

— Хорошо, объявите привал...

Найдя защищенную от ветра лощинку, головной отряд остановился. Солдаты, держа лошадей в поводу, разминали ноги и перебрасывались невеселыми шутками.

Поодаль расположились разведчики, которыми предводительствовал Пятнистый Рог. Их костюмы представляли причудливую смесь военного обмундирования и индейской одежды. По рождению они принадлежали к племени кроу, но были изгнаны из него за разные преступления. А прерия не любит отщепенцев: быть одиноким означает быть обреченным на верную смерть. Поэтому им не оставалось ничего другого, как поступить на службу в армию Соединенных Штатов. Командиры воинских частей охотно вербовали этих природных охотников и следопытов, благо расплачиваться с ними приходилось виски и награбленным индейским добром.

Индейцы молча сидели в седлах, опустив поводья. Их мохнатые пони разгребали ногами снег, пытаясь отыскать кустики прошлогодней травы. Неказистые на вид, они на первый взгляд проигрывали в сравнении с лошадьми солдат и особенно офицеров. Но только на первый взгляд. На самом деле, почти не уступая армейским коням в скорости бега, они превосходили их в выносливости.

Увидев подъезжающего командира, Уистлер и Пятнистый Рог двинулись навстречу. Поравнявшись с ними, Рейнолдс коротко бросил адъютанту:

— Разбить лагерь. Будем ждать эскадроны Брисбена и Эллиота.

Лейтенант козырнул и отправился выполнять приказание.

Пятнистый Рог, повернув лошадь и следуя за полковником, бесстрастно молчал, ожидая, когда хмурый вождь Длинных Ножей[3] заговорит первым.

Проехав молча с полсотни метров, полковник, не оборачиваясь, сказал:

— Я слушаю тебя, Пятнистый Рог.

Разведчик лаконично ответил:

— Лагерь находится на Паудер-ривер, в двух милях от устья Малой реки. Небольшая котловина, окруженная цепью холмов. Дакота и северные шайенны вместе.

— Сколько воинов?

— Столько, сколько пальцев у десяти человек.

— Кто вожди?

— Бешеный Конь и Две Луны. Оба враги кроу, но великие воины. Скальпы вождей должны принадлежать Пятнистому Рогу.

— Ты получишь их. А сегодня, как только прибудет обоз, тебе выдадут полведра виски.

Индеец молча наклонил голову. От предвкушения предстоящей выпивки у него приятно закружилась голова. «Огненная вода» сделала его, одного из вождей племени Воронов, изменником и отщепенцем, она же заставила служить американцам, которых он в глубине души ненавидел...

Во второй половине дня, когда прибыли два других эскадрона и охраняемый ими обоз с продовольствием и боеприпасами, Рейнолдс созвал офицеров на совещание. Следуя букве лицемерной директивы управления по делам индейцев, он должен был вступить с дакота и шайеннами в переговоры, предложить им переселение в резервацию и применять оружие лишь в случае «явного неповиновения». Но приказ генерала Крука от 3 марта 1876 года гласил: уничтожить! А отчитываться нужно было перед генералом и управлением одновременно. Поэтому Рейнолдс решил связать всех офицеров круговой порукой, чтобы какой-нибудь умник в целях карьеры не подставил ему ножку.

---

[1] Дакота, шайенны, кроу (вороны) — индейские племена прерий и предгорий Скалистых гор.

[2] Вигвам, правильнее—типи — палатка из бизоньих шкур, жилище кочевников прерий.

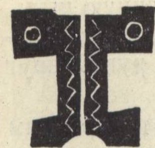
[3] Длинный нож — кавалерийская сабля, так же индейцы называют американских солдат.

Поход осточертел всем. Большинство офицеров высказалось за атаку без всяких проволочек. Лишь квартирмейстер Кук, отъявленный пройдоха, пробормотал, хитря, что-то нечленораздельное да лейтенант Уилкокс высказался за переговоры. Но Кук не выдаст, стоит лишь намекнуть о его темных делишках с солдатским рационом, а Уилкокс — зеленый юнец без всяких связей.

Все ясно. Управлению по делам индейцев можно доложить, что переговоры с дикарями окончились безуспешно; мало того, краснокожие первыми открыли огонь... Полковник встал.

— Выступаем ночью. Обоз остается здесь. Атакуем на рассвете, когда сон особенно крепок. Лагерь индейцев сжечь, лошадей угнать с собой! Не щадить никого. Помните, джентльмены: хорош только мертвый индеец!

ипи наполовину занесло снегом, только у входа протоптана узкая щель. Плотный намет из бизоньих шкур надежно защищает от ветра, и если прикрыть дымовой клапан, то тепло сохраняется долго.

Отогнут дверной полог, старая индианка вышла наружу и взглянула на небо. Тусклый рассвет. Она вернулась в жилище и подошла к постели спящего мальчика. Пора будить внука: нужно гнать лошадей на водопой. Но будить жалко: вчера он поздно вернулся с охоты. Ему еще нет четырнадцати лет, а на его плечи давно свалились заботы взрослого воина.

Великий дух Вакан-Танка[1] немилостив к их семье. Ее сын, великий охотник и воин, был убит Длинными Ножами, когда десять зим назад Красное Облако осаждал форт бледнолицых на Буффало-крик. Все началось с этого... Затем на лагерь дакота напали кроу; в перестрелке были убиты мать мальчика и двое его братьев. Враги угнали лошадей, все имущество погибло в огне. Злые духи пощадили лишь двоих из семьи: старуху и ребенка.

Много бед перенесли они, но самое тяжелое позади. Косматый Орленок очень молод, но уже хороший охотник. На их очаге часто жарится мясо, он наловил много бобров, за шкурки которых они выменяли дюжину лошадей. Ее внук скоро будет взрослым, и она, Черное Перо, когда придет ее час, отойдет в Страну Теней с сознанием выполненного долга...

Старуха дотронулась до плеча мальчика.

— Вставай, Косматый Орленок. Воин должен заботиться о своих конях, им нужно пить.

Мальчик сел на постели, не столько повинуясь словам, сколько прикосновению холодной руки.

Черное Перо повторила:

— Вставай, сын мой, пора.

Косматый Орленок встряхнул головой, длинные пряди прямых черных волос свесились на лоб, закрывая глаза. Отбросив рукой волосы, он пришел в себя и вскочил на ноги.

Ему было стыдно. Крепкий сон неприличен мужчине, воин должен просыпаться в урочный час. Быстро надев мокасины, он накинул на голое тело меховую накидку: гоняя на водопой лошадей, мальчик купался сам. Захватив горшочек с жиром, чтобы смазать закоченевшее в ледяной воде тело, Косматый Орленок отправился в загон за лошадьми.

Подозвав их свистом, он вскочил на пегого жеребца и погнал свой небольшой табун по протоптанной тропе к излучине реки. Там, у порогов, Паудер-ривер не замерзала даже в сильные морозы. Спустившись в овраг, мальчик зябко поежился: морозный туман сразу же охватил все тело. Влажный воздух глушил звуки, стук конских копыт об утоптанный снег был тупым, как будто ноги коней были обернуты кусками сырой кожи.

[1] Вакан-Танка — верховное божество племени дакота.

...Темны мартовские рассветы, а в оврагах с застойным туманом вообще не видно ни зги. У поворота быстро мелькнули расплывчатые тени, сильные руки сбросили Косматого Орленка с коня. Лошади перепуганно рванулись вперед. Враги! Мальчик быстро вскочил на ноги и бросился в сторону. Высокий бородатый человек схватил Косматого Орленка за меховой плащ, но он выскользнул из плаща и стал быстро карабкаться по склону оврага. Вдогонку засвистели пули. Вверх, только вверх!

На вершине холма Косматый Орленок выпрямился и напряг все свои силы — над заснеженной прерией пронесся боевой клич племени дакота. И сразу что-то обожгло грудь. Приглушенные звуки выстрелов дошли до сознания уже потом, когда он лежал в снегу...

Чуток сон воина, ибо опасность чаще всего подстерегает ночью. Еще более чуток сон вождя: ему вверена безопасность всего племени.

Бешеный Конь вскочил, словно от удара плети. От реки донесся боевой клич. Ломкий, мальчишеский голос. И выстрелы — характерный треск винтовок Длинных Ножей, в этом он ошибиться не мог.

Быстро одевшись, вождь дакота с ружьем в руках выскочил из своего типи. Прогремел тревожный сигнал. В тусклой рассветной мгле лагерь ожил: заметались тени, залаяли собаки. Но торопливость не переходила в панику. Угроза нападения врагов сопровождала индейцев прерий всю жизнь, от колыбели до помоста на деревьях [1]. Каждый спешил, но делал свое дело. Воины сбегались к жилищам вождей, женщины, схватив детей, торопились укрыться в скалистых оврагах.

Опытный военачальник хорошо знал тактику американцев: окружить внезапным кавалерийским налетом, поджечь стойбище и перестрелять мечущихся в огне людей, как куропаток. Поэтому, пока кольцо окружения не сжалось, нужно покинуть лагерь. Часть воинов прикроет отход женщин и детей, другая, рассыпавшись по гребням холмов, пропустит Длинных Ножей к лагерю. От реки лишь одна тропа, по холмам им ночью не пройти. Лагерь они сожгут. Но куропатками будут бледнолицые солдаты! Жаль, что нельзя угнать табун лошадей и спасти запасы сушеного мяса. Для этого совсем нет времени...

К Бешеному Коню подскакал молодой вождь шайеннов Две Луны в сопровождении кучки своих воинов. Разговор был немногословным.

— Мой брат Две Луны охраняет уходящих женщин и детей. Мои воины занимают холмы.

— Пусть будет так!

Шайенны исчезли, вздымая снежную пыль. Воины дакота, частью конные, частью пешие, ожидали приказа. Очертив рукой круг в воздухе, вождь сказал:

— Мои братья оцепят долину по гребням холмов. И когда Длинные Ножи подожгут типи, пусть ни один из них не уйдет от наших пуль!

Лагерь быстро опустел, только несколько собак с жалобным воем носились между палатками в поисках своих пропавших хозяев.

...Вскоре показались силуэты всадников, вначале смутные, но с каждой минутой все более и более отчетливые. Кавалеристы гна-

[1] Индейцы прерий погребали своих умерших, помещая их тела на высоких помостах.

ли во весь опор, не щадя лошадей. Два эскадрона, развернувшись вправо и влево, начали окружать лагерь, третий, подняв бешеную пальбу, рассыпался по стойбищу, поджигая жилища. Там и сям замелькали языки пламени, выхватывая из темноты дрожащие красноватые круги. Табун перепуганных индейских лошадей вихрем промчался к реке, подгоняемый выстрелами и ударами плеток десятка солдат.

Рейнолдс встревоженно вглядывался в темноту. Все, казалось бы, идет, как задумано. Но все-таки что-то не то. Почему лагерь зловеще пуст? Где воины, куда скрылись женщины и дети? Неужели этот мальчишка своим криком всполошил их? Если так, то нужно уходить. Ночной бой с дикарями не сулит ничего хорошего. Основное сделано: жилища сожжены, лошади захвачены. А без лошадей и съестных припасов индейцы сами перемрут, как мухи.

Полковник обернулся к трубачу:

— Дженкинс, труби отбой.

По сигналу горна кавалеристы начали стягиваться к выходу из котловины.

ВИНЧЕСТЕР

И в это время с гребня холма прозвучал боевой клич дакота. Бешеный Конь подал сигнал. На долину обрушился свинцовый ливень. Многозарядные охотничьи ружья индейцев не уступали по дальнобойности кавалерийским винтовкам. Освещенные заревом горящих типи солдаты представляли собой прекрасную цель, а жажда мщения удесятеряла зоркость глаза и твердость руки прирожденных охотников. Первый же залп полусотни ружей свалил на землю свыше тридцати солдат и офицеров. Сраженный пулей в сердце, снопом рухнул щеголь Уистлер, обезумевшая лошадь поволокла по земле запутавшегося в стременах тяжело раненного Уилкокса...

Выстрелы гремели со всех сторон. Не ожидавших такой встречи американцев охватил панический страх. Офицеры напрасно старались восстановить порядок: толпа обезумевших кавалеристов ринулась обратно к Паудер-ривер. Рейнолдс зарубил трех солдат, но поток беглецов захлестнул и его самого.

Бешеный Конь начал преследование. Скатившись с холмов, индейцы переловили метавшихся по лагерю американских лошадей и пустились в погоню.

Вскоре вслед за ними вихрем промчались шайенны. Это Две Луны, укрыв женщин и детей, спешил с частью своих воинов на помощь дакота. Всадники на полном скаку сбрасывали с себя одежду: если Великий дух пошлет им смерть, они встретят ее, как подобает воину, голой грудью.

Шум боя стремительно уходил за холмы.

Беглецы возвращались назад... Впереди, как всегда, бежали неугомонные мальчишки, сжимая в руках игрушечные луки с тупоконечными стрелами. Следом шли женщины, неся маленьких детей. Шествие замыкали старики и старухи.

Черное Перо шла сгорбившись, глядя в снег невидящими глазами. Она не ощущала ничего: ни горя, ни холода, ни беспокойного желания узнать, что же стало с ее жилищем. Внутри у нее была холодная пустота, в которой омертвели чувства.

Обрывки мыслей как-то легко, не задерживаясь, проносились в ее голове. Но одна мысль уходила и возвращалась, уходила и опять возвращалась... Почему Вакан-Танка так немилостив к ней? Почему он послал Длинных Ножей? У нее погиб муж, погиб сын, погибло все, оставался лишь единственный внук. Косматый Орленок... Ведь в Полях Вечной Охоты множество воинов, там ее муж, ее сын, они оба были великими воинами и охотниками. Пусть удел воина — смерть в бою... Но зачем нужен Великому духу Косматый Орленок? Ведь он мальчик, а не воин... Почему Вакан-Танка так немилостив к ним? Почему он послал Длинных Ножей?

Дойдя до груды тлеющих углей, старая женщина медленно опустилась в снег. Тут было ее типи, отсюда ушел ее внук Косматый Орленок в последний путь... Косматый Орленок... Сжавшись в комок, Черное Перо неподвижно застыла. Почему Вакан-Танка так немилостив к ней?

ТРУБКИ

Она не слышала воплей женщин, рыдавших у своих обугленных типи, беготни ребятишек, лая собак. Косматый Орленок... Почему Вакан-Танка послал Длинных Ножей?

Сердце ее еще билось, но мыслями она

была уже там, в Стране Теней, разыскивая своего внука, ради которого она жила на земле и которого у нее так безжалостно отняли. А когда сердце замерло, ее седая голова безвольно упала вниз и тело медленно, боком, повалилось на землю...

Воины вернулись к полудню. Они пригнали табун отбитых лошадей и привезли раненых и убитых соплеменников, чтобы похоронить их тела с надлежащими почестями. Среди тел павших бойцов находилось и тело Косматого Орленка, который спас племя ценой своей жизни...

Бешеный Конь, поддерживая раненую правую руку, хмуро осмотрел долину и сказал:

— Мы не можем остаться на месте, оскверненном кровью Длинных Ножей, и перенесем лагерь к устью Малой реки. Женщины должны взять, что нужно, в обозе бледнолицых, который они бросили, убегая, как волки, на юг. Там есть брезентовые типи и даже стадо домашних бизонов. А после погребения мертвых мы направим своих коней на реку Бигхорн, к главному стойбищу нашего племени. Когда мы соберемся воедино, Длинные Ножи нам не будут страшны.

Солдат революции

Есть два портрета Гайдара.

На одном — высокий, стройный паренек в гимнастерке и галифе, с заломленной лихо набок кубанкой на голове, с кортиком на боку, с большой красной звездой на груди, с мягкой, еще полудетской округлостью щек и припухлостью губ, но с упорным, решительным взглядом ясных, светлых глаз — это Аркадий Голиков, пятнадцатилетний «адъютант командующего охраны и обороны всех железных дорог», 1919 год.

На другом — посреди пустого поля с одним голым деревцем вдали, на придорожном камне сидит немолодой уже солдат, широко расставив ноги в тяжелых кирзовых сапогах, с автоматом на коленях, в шлеме, подвязанном ремешком; лицо суровое, горькие складки у рта, набухли усталые веки, но взгляд, непреклонный и твердый, напоминает мальчика с первого портрета — это Аркадий Гайдар, известный советский писатель, военный корреспондент «Комсомольской правды» на Киевском фронте, 1941 год.

Эти два фотодокумента, между которыми двадцать с небольшим лет, куда уложилась и вся недолгая литературная жизнь Гайдара, поражают своей выразительностью: это начало и конец его необыкновенной биографии.

Аркадий Гайдар. 1919 год.

Аркадий Гайдар на фронте. 1941 год.

Правда, сам Гайдар не считал свою жизнь необычайной, он называл ее «обыкновенной биографией в необыкновенное время».

Вот как рассказывал он о себе своим маленьким читателям: «Мне было десять лет, когда грохнула мировая империалистическая война.

Отца с первых же дней забрали в солдаты.

Мать была фельдшерицей. Я только что поступил в первый класс реального училища.

Я рос в городке Арзамасе. Там громко гудели колокола тридцати церквей, но не было слышно заводских гудков.

...Когда взметнулись красные флаги Февральской революции, то и в таком захудалом городке, как Арзамас, нашлись хорошие люди.

Пристал я к ним случайно, скорее из любопытства. Их было немного, держались они кучкой. Смело выступали они на митингах...

Позже я понял, что это за люди. Это были большевики.

...Люди эти заметили, что мальчишка я любопытный, как будто бы не дурак и всегда верчусь около.

Понемногу стали они доверять и давать мне разные поручения: сбегать туда-то, отнести то-то, вызвать того-то.

А я бегал, относил, вызывал, а сам все время слушал и слушал. И кто такие большевики, мне становилось все понятней и понятней, особенно после того, как побывал я с ними на митингах в бараках у беженцев, в лазаретах, в деревнях и у деповских рабочих.

Но самое большое доверие мне было оказано тогда, когда в октябре 1917 года разрешили мне взять винтовку и послали меня при двух патрулях третьим — для связи.

Я ушел в Красную Армию в ноябре 1918 года, когда мне не было еще четырнадцати лет.

Я был рослым, крепким мальчишкой, и вскоре после некоторых колебаний меня приняли на 6-е Киевские курсы красных командиров.

В конце концов вышло так, что четырнадцати с половиной лет я уже командовал 6-й ротой 2-го полка бригады курсантов на петлюровском фронте. А в семнадцать лет был командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом — это на антоновщине...

Когда меня спрашивают, как это могло случиться, что я был таким молодым командиром, я отвечаю: это не биография у меня необыкновенная, а время было необыкновенное. Это просто обыкновенная биография в необыкновенное время».

Гайдар говорил так не из ложной скромности: он крепко верил, что время, когда он вступал в жизнь, было, может быть, величайшим в истории революционным временем, какого еще никогда не бывало на земле. И он мог рассказать, как это время сделало из мальчика солдата революции, из юноши — красного командира, из красноармейца — писателя, взявшего на себя труд растить людей для будущего, которое он завоевывал с винтовкой в руках.

Гайдар был поистине сыном эпохи войн и революций. Он считал себя на всю жизнь связанным с революционной Красной Армией и, уволенный в запас по болезни, не мог признать себя «демобилизованным» и до конца сохранил облик, привычки и сердце солдата.

Он стал писать и в литературу вошел «командиром», определив себе «боевую задачу» — воспитывать новое поколение бойцов за коммунизм. Он стал писать для детей и за пятнадцать лет своей литературной работы создал ряд замечательных книг о жизни детей в Советской стране.

Книги эти занимают достойное место на полках наших библиотек, они, как говорится, вошли в золотой фонд советской литературы.

Но литература не только книги, литература — это люди.

Мы ценим, уважаем всякий труд, мы знаем, что в любом труде есть элементы творчества. Но мы садимся в автомобиль, не думая о том, кто его сделал, потому что это серийное, массовое производство. Книга же никогда не может быть продуктом такого производства, сколько бы тысяч одинаковых экземпляров ее ни выбросила типографская печатная машина, в той или иной степени каждая книга «выстрадана» автором, пережившим вместе со своими героями их жизнь, их горести и радости, их трудности и удачи, и на ней печать его личности, его пристрастий и раздумий, его отношения к миру и его мечты. Недаром сказано, что настоящий писатель оставляет капли своей крови в чернильнице.

За каждой книгой встает живой человек со своим жизненным опытом, со своим отношением к миру и к людям, со своим душевным уставом, со своим характером, со своим особым складом речи.

Писатель редко говорит с нами прямо — от своего лица, чаще всего мы угадываем его мысли и чувства в героях книги, во всем строе и в замысле произведения, узнаем его художнический глаз, его язык, чувствуем его по тому воздействию, какое оказывают на нас его книги. Даже если он хочет скрыть себя

за своими героями, за событиями их жизни, мы ощущаем его присутствие в книге, если он подлинный художник. Художественное произведение не может быть безличным.

Читая книги, мы чувствуем, свой или чужой нам человек, ее написавший, услужливый изобретатель развлечений или раздумывающий над жизнью мыслитель, хозяин жизни или ее временный квартирант и нахлебник. И даже не зная писателя лично, никогда его не видя, мы создаем себе его образ, мы начинаем к нему относиться, как к живому человеку, с которым встречаемся в жизни. Одного мы уважаем, как учителя, в другом чувствуем единомышленника, с третьим готовы поспорить, четвертого вызвать на бой, а иного мы нежно любим, как самого дорогого нам человека.

Не случаен интерес читателя к жизни, к личности писателя, чьи книги стали его друзьями, учили его жить, открывали для него мир. Жизнь и творчество художника неразрывны.

Это в особенности остро ощущаешь, когда говоришь о Гайдаре.

Аркадий Гайдар... При этом имени в памяти возникает так хорошо знакомая, крепкая, ладная фигура высокого человека в черной гимнастерке, в солдатских сапогах, зимой в мохнатой меховой куртке, с папахой на голове, светловолосого и круглолицего, с ясными голубыми глазами, с веселой улыбкой, сохранившего до конца жизни что-то мальчишеское и что-то солдатское в своем облике.

Гайдар был удивительно подвижен, непоседа, бродяга. Он любил ходить и ездить по стране, видеть жизнь, встречаться с разными людьми. Мальчиком покинул он навсегда свой родной дом в тихом уездном городе Арзамасе, и с тех пор до самой смерти не было у него постоянной квартиры, обжитого, благоустроенного угла, всю жизнь он был словно в походе, вся страна была ему домом.

«...Нигде я не сплю так крепко, как на жесткой полке качающегося вагона, и никогда я не бываю так спокоен, как у распахнутого окна вагонной площадки, окна, в которое врывается свежий ночной ветер, бешеный стук колес да чугунный рев дышащего огнем и искрами паровоза, — писал он в одной из своих ранних книг. — Мне хочется дожить до того времени, когда у меня в первый раз появится насморк или еще какая-нибудь другая болезнь, обрекающая человека на необходимость ложиться ровно в девять, — предварительно приняв порошок аспирина, — пока не наступит этот период, как можно больше перевертеться, перекрутиться в водовороте, с тем, чтобы на зеленый бархатный берег выбросило меня порядком уже измученным, усталым, но гордым от сознания своей силы и от сознания того, что я успел разглядеть и узнать больше, чем за это время увидели и узнали другие...»

Аркадий Гайдар. 1932 год.

Отдыхать «на зеленом бархатном берегу» Гайдару не пришлось, но он действительно успел разглядеть и узнать в нашей жизни, в своем времени гораздо больше, чем многие другие.

Он исколесил страну вдоль и поперек сначала в походах, как красноармеец. Его военный опыт был шире простого солдатского опыта. Недаром до самого конца своей жизни Гайдар любил вспоминать свою красноармейскую жизнь. В дневнике 1940 года, 30 ноября, есть такая замечательная запись-воспоминание:

«...Очень дымное, тревожно счастливое время — людей не помню, помню события.

Бой Кременчуг — Крюково (Григорьев).

Бой Коростень — Новоград-Волынск (Соколовский).

Бой Боярка (Фастов) — Киев (Петлюра).

...Порядок фронтов был такой:

1) Петлюровский: Киев, Коростень, Гребенка, Александров, Кременчуг, Фастов.

2) Польский: Борисов, Лепель, Полоцк, Улла.

3) Кавказский: Армия Ларцова, Сочи, Веселое Паминково, Кубань.

4) Антоновщина: Тамбов, Ларинск (неразборчиво), Дубрава (неразборчиво).

5) Банда Башкирии: Тамьяно-Катийский кантон.

6) Хакассия: Сибирь, граница Тана-Тувы — банды Соловьева».

Этот лаконичный перечень мест, где воевал Гайдар, для самого писателя, очевидно, только вешки памяти, может быть, просто отклик на грозные события мировой войны, которая уже шла в то время и не могла не вызвать в Гайдаре военных воспоминаний. Но для нас теперь эта запись интересна уже потому, что она показывает широкий диапазон его походной жизни: Гайдар воевал за Советскую власть почти всюду, где шли бои в 1918—1923 годах. Он узнавал родную землю, отвоевывая ее у контрреволюции, у белогвардейцев и кулаков-бандитов. Когда двадцати лет от роду он был уволен в запас, за его плечами был уже большой опыт пройденных дорог, поражений и побед, лишений и удач, встреч и потерь.

Став литератором, Гайдар не сделался более «оседлым». Несколько лет он, как журналист-газетчик, работал в разных краях Советской страны: в Перми, в Архангельске, на Урале, на Дальнем Востоке. И позже он постоянно жил в разных местах, в сущности, только «наезжая» в Москву. Он побывал и в Сибири, и в Средней Азии, жил в Крыму и на Украине, и на Кавказе, на Каме, на Дону, в Клину, в Мещерском краю, жил в Рязани, в Подмосковье, попробовал вновь поселиться в Арзамасе, городе своего детства, но быстро соскучился.

Много ходил пешком, перепробовал, кажется, все виды транспорта, любил автомобиль, лодку.

«Путник и дорога как целое — при одних обстоятельствах,— записал он в дневнике,— а при других — дорога его не касается, он касается ее только подошвами».

Дороги, пройденные Гайдаром, оставляли след, видны в его книгах, он не просто «касался их подошвами».

Гайдара никак не назовешь «городским человеком»; он очень любил целыми днями бродить по лесу, удить рыбу где-нибудь на лесном озере, ночевать в палатке, жить в деревне, ходить по деревенским базарам, с удовольствием рассматривая «всякие кадки, корыта, ложки, плошки, лоханки, скалки, санки, каталки, и все так хорошо пахнет свежим и морозным, еще сыроватым деревом».

Как мальчишка, любил Гайдар всякую живую тварь: птиц, лесных зверей, ежей, кроликов, собак. «Поклонитесь корове Рыжанке и старому коту Пушку Ивановичу,— писал он на открытке знакомым девочкам,— а также всем бабочкам, муравьям, жукам, цветам, елкам, синему небу и светлым звездам, только проклятым осам не кланяйтесь».

Очень русский «по складу своей души», Гайдар больше всего любил природу средней полосы России.

«...Конечно, море прекрасно,— писал он из Одессы Р. И. Фраерману,— но скучаю я уже по России. Где мой пруд? Где мой луг? Где вы, цветики мои, цветики степные? Всех я хороших людей люблю на всем свете. Восхищаюсь чужими домиками, цветущими садами, синим морем, горами, скалами, утесами. Но на вершине Казбека мне делать нечего — залез, посмотрел, ахнул, преклонился, и потянуло опять к себе в нижегородскую или рязанскую...»

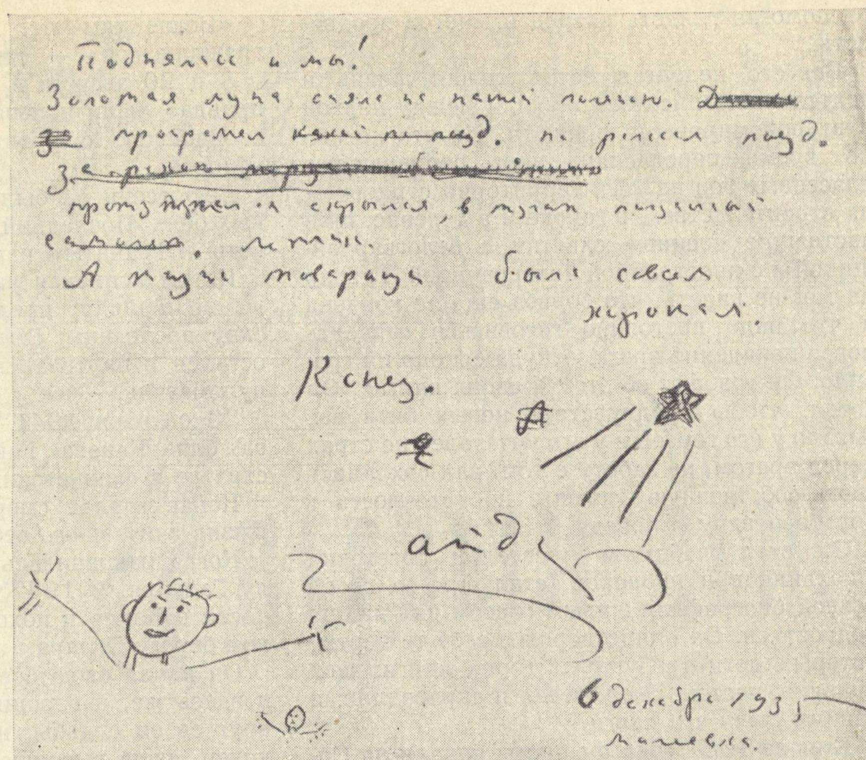
Гайдар не умел писать, запершись в кабинете, за удобным письменным столом, да и не было у него ни такого стола, ни кабинета. Он сочинял свои книги повсюду, обдумывая их в дороге, твердил наизусть целые страницы, сложившиеся у него в голове, а потом записывал их в простых ученических общих тетрадках или на больших листах старых канцелярских книг, неизвестно как у него очутившихся. И всегда неизменно рисовал в уголке каждой страницы свой заветный гайдаровский знак—пятиконечную звезду. Эта звезда всегда сопровождала его имя — подпись в письме, надпись на книге. У меня хранится подаренная им «Школа», на титульном листе которой авторская надпись скреплена такой красной звездочкой.

Родина книг Гайдара — разные города, деревни, даже поезда. «Школу» он писал в Архангельске, «Дальние страны» — в Крыму, «Военную тайну» — на Дальнем Востоке; «Голубая чашка» задумана в Арзамасе, «Чук и Гек» написан в деревне на Оке.

Большой, всегда по-военному подтянутый, спокойный, веселый, появлялся Гайдар то на «лесном костре» в пионерском лагере, то в библиотеке Московского Дома пионеров, то в

какой-нибудь арзамасской школе, то бродил по Уралу, то ловил рыбу в Мещерских лесах, вместе со своими друзьями-писателями К. Паустовским и Р. Фраерманом. Неторопливый, он удивительно успевал увидеть все новое в нашей жизни. А самое главное — успевал раньше многих других рассказать об этом новом своим читателям-детям.

Он был замечательным рассказчиком, и не только потому, что у него был огромный запас впечатлений, приключений, жизненных историй, и он мог рассказать о многом, что видел и пережил сам, но прежде всего потому, что он был настоящий писатель со своей большой темой, со своим отношением к миру, со своей интонацией, со своей улыбкой, даже со своей аудиторией, самой многочисленной, самой требовательной и самой благодарной.

Страница рукописи рассказа «Голубая чашка».

Он очень хорошо знал всех этих мальчишек и девчонок, о которых и для которых писал, и потому, что постоянно общался с ними, и потому, что сам всегда был немножко «взрослым ребенком» не в пошлом значении этого слова, но... с характером младенчески-простодушным (таким мечтал видеть детского писателя Белинский — это его слова). Кажется, что это именно о нем писал Белинский:

«...Есть люди, которые любят детское общество и умеют занять его и рассказом и разговором и даже игрой, приняв в ней участие; дети со своей стороны встречают этих людей с шумной радостью, слушают их со вниманием и смотрят на них с откровенной доверчивостью, как на своих друзей. Про всякого из таких у нас на Руси говорят: это **детский праздник.** Вот таких-то «детских праздников» нужно и для детской литературы».

Гайдар был живое воплощение этого пожелания Белинского. Он был именно таким «детским праздником» и в жизни и в литературе, и дети смотрели на него «с откровенной доверчивостью», потому что безошибочно чувствовали в нем друга.

Человек, что-то знающий и умеющий, — самый большой авторитет для детей.

Гайдар знал самое главное, что хотели знать дети в то время: **«Про революцию».** Он явился в литературе тем человеком, который был всего нужнее детям: он был участником революционных событий, бойцом на фронтах гражданской войны, красногвардейцем, даже командиром красноармейцев, сам воевал с белыми, ходил в разведку, сражался в пешем и конном строю, был ранен, видел в лицо прославленных героев гражданской войны.

И он рассказывал детям правду о революции, не утаивая ни трудностей, ни жестокости, ни крови, но над всем высоко подымая красное знамя — дорогой и поэтический символ борьбы за счастье для всех людей, для всего человечества.

С детских лет в нем жила тяга к романтике, жажда исключительного, жажда подвига, и эта тяга была хорошо направлена революцией. У романтика Гайдара была ясная, трезвая голова, ум политика и командира, умеющего понять и оценить реальную «обстановку». Этот ум виден в замыслах всех его книг,

он помогал глядеть вперед и многое предвидеть.

Вся его недолгая сознательная жизнь и деятельность писателя прошли между первой и второй мировыми войнами. Но это не было время передышки: шли непрерывные классовые бои на всей территории страны — на строительствах, в городе и в деревне, шли настоящие военные схватки с белогвардейщиной и с иностранной интервенцией. Гайдар не мог не видеть, что борьба еще не кончена и что надо постоянно готовиться отразить новое нападение врага, откуда бы оно ни грозило. Он говорил об этом в своих книгах. Он хотел, чтобы предчувствие новых битв вызывало у его героев и у его читателей не страх перед врагом, не заботу о том, как сохранить свою собственную жизнь, но готовность к борьбе и веру в победу.

Он стал любимым писателем советских школьников и пионеров, стал сам со своей боевой биографией живым героем для наших подростков. Он олицетворял в себе те черты, которых дети требуют от героя книги: был правдив, честен, смел, весел и справедлив, и такими были его книги.

В июне 1941 года фашисты напали на Советский Союз, и началась народная священная война.

Я помню Гайдара в первые дни войны. Серьезный, посуровевший, он словно сразу стал старше; в нем не было ни растерянности, ни того повышенного воинственного оживления, какое часто можно было тогда видеть у людей, он даже казался еще более спокойным, чем раньше, словно теперь он уже точно знал свое предназначение. Заботило его только, как скорее попасть на фронт, он не мыслил себя вне рядов армии. Он рассказывал, что поставил военкомат в затруднительное положение: кем могли его призвать в армию? Он был уволен по болезни в запас, когда был командиром полка, но к современной строевой службе оказался неподготовленным; послать же его воевать просто солдатом не хотели. Тогда он добился, чтобы его отправили на фронт военным корреспондентом.

В июле он был уже на Южном фронте, на Украине.

«Воюю там же, где начинал воевать в гражданскую», — писал он сыну.

8 и 20 августа в газете «Комсомольская правда» были напечатаны его первые корреспонденции с фронта: «У переправы» и «Мост».

Всю осень он был с армией в ожесточенных боях. Последний военный очерк его «Ракеты и гранаты» напечатан 4 октября.

Потом воинская часть его попала в окружение. Гайдару предложили вылететь в Москву последним самолетом — он отказался, остался в партизанском отряде как рядовой пулеметчик.

26 октября 1941 года у деревни Леплява, близ Канева, Гайдар был убит в боевой схватке с фашистским разъездом.

Какая гордая смерть для писателя, всю жизнь считавшего себя бойцом!

Когда закончилась война, отыскали могилу Гайдара. В 1947 году прах его был перенесен в Канев и похоронен в парке на высоком берегу Днепра.

Он начал свою боевую жизнь на Украине и здесь же, завершив необычный, чудесный круг своей судьбы, нашел свой героический конец, свою высокую могилу, совсем такую, какую он уготовал когда-то для героя своей «Военной тайны».

С того холодного осеннего дня, когда писатель Гайдар погиб в бою с фашистами, отдав свою жизнь за свободу и независимость Родины, за счастье будущих поколений, прошло двадцать лет.

Мальчики и девочки, которые были первыми читателями «Школы», «Дальних стран», «Военной тайны», «Тимура и его команды», ростовские пионеры, когда-то переписывавшиеся с Гайдаром, теперь уже стали взрослыми. А те, что воевали вместе с ним в годы гражданской войны и Отечественной войны 1941—1945 годов, как и ровесники его в литературе, кажутся уже стариками теперешним школьникам. Но Аркадия Гайдара мы все помним молодым, и молодым он навсегда останется в своих книгах.

Вера Смирнова

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ в тайге

Салим СЮРЮН-ООЛ
Рисунки А. Смолина.

У Шериг-оола отец стал работать лесником. Поэтому они всей семьей переехали жить в тайгу. Куда ни глянешь,— со всех сторон зеленое море, а волны его — пышные кроны деревьев высотой с самый большой четырехэтажный дом, какой Шериг-оол видел в главном городе Тувы — Кызыле.

Неподалеку от избушки лесника есть высокий бугор. Его обступили кедры. В первый же день Шериг-оол отправился туда посмотреть на шишки.

Взошел он на бугор и остановился. Разглядывает сверху ветви кедра.

Вдруг из кустов — пронзительный крик.

«Зверь, хищник!» — подумал Шериг-оол.

Со страху он и не заметил, как сбежал с бугра, спрятался за дерево.

Что-то зашуршало. Из-под куста выпрыгнул четвероногий обитатель тайги с пестрыми пятнышками на боку. Величиной он был чуть побольше обыкновенной домашней кошки. Послышался протяжный писк. Новый знакомый, слегка пошатываясь, побрел прямо на Шериг-оола.

Это был козленок. Дома у Шериг-оола подрастал почти такой же. Ему захотелось поймать козленка, он высунулся из-за кедра. Но тут, огибая бугор, выбежал гладкий красноватый зверь с длинной мордой. Он выскользнул из того же места, откуда минутой раньше появился козленок. Обводя глазами кусты, поворачивая морду то влево, то вправо, красноватый зверь вел себя так, будто ловил в воздухе запах убежавшего козленка.

Увидев Шериг-оола, зверь оскалил зубы, присел на задние лапы и потянул носом. Шериг-оол теперь ни капельки не сомневался, что перед ним сидел волк.

— Папа, ау! Папа! — закричал Шериг-оол.

Опасный зверь, очевидно, не разобрал, кто звал на помощь: маленький человек или дикий козленок. Он повел мордой в сторону, весь напружинился и в упор взглянул на мальчика (Шериг-оол давно уже сидел на дереве, крепко держась руками за сук). Зверь повернулся к нему спиной. И убежал. Шериг-оол увидел только, как между кустами мечется пушистый рыжий хвост.

Его снова охватил страх.

— Папа-а! Э-эй!

В ответ издали донесся голос отца. Шериг-оол заплакал и слез с дерева. На поляне, уже возле самого дома, его ожидала новая встреча. Огромный зверь с вытянутой

шеей чуть не сбил его с ног. Зверь на бегу шарахнулся в сторону и упал. Потом быстро вскочил, подпрыгнул, плавно перелетел через бревно. Шериг-оол услышал голос отца:

— Сынок, где ты?

— Я здесь, папа, здесь! — отозвался он.

Отец подбежал, обнял его, прижал к себе.

— Испугался?

Шериг-оол, весь мокрый от пота, едва переводил дыхание, но рассказывать о случившемся старался спокойно.

— Молодец, сынок! — сказал отец, выслушав его рассказ.— Ты спас жизнь маленькому детенышу косули. Он и в самом деле похож на козленка. Его преследовала лисица. А на поляне с тобой столкнулась косуля-мать. Видно, увидала, что детеныш в опасности, вот и бежала со всех ног.

Помолчав, отец спросил:

— Ты, я вижу, немножко струсил?

Шериг-оол помотал головой.

— Здесь местность таежная,— сказал отец.— Ты еще встретишься с разными зверями и птицами. Далеко от дома один не ходи.

Так началось знакомство Шериг-оола с обитателями тайги.

Перевел с тувинского
Марк Эвентов.

БОГАТСТВО

Олег ДМИТРИЕВ

Эта девочка жила
В нашем доме семь.
Эта девочка была
Маленькой совсем.

Вдохновение мое —
Первый день весны
И два бантика ее
Снежной белизны...

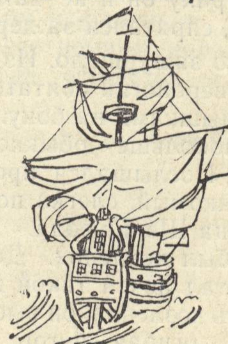
Вот, наверно, почему,
Милая, она
Вдохновенью моему
Верила одна.
Открывая острова,
Бриг летел вперед...
А дворовая братва
Говорила:
«Врет!»
Говорила:
«Ну, опять...»,
И, меня дразня,
В «расшибалочку» играть
Шли мои друзья.

И черту среди двора
Проведя мелком,
Тут же горстку серебра
Ставили на кон.
Взмах расчетливой руки —
Каждый начеку,
И летели пятаки
Прямо на черту!
И, ближайший к той черте,
Битой
Был пятак.
И счастливец деньги те
Зажимал в кулак,
И счастливец шел, как бог,
Мелочью звеня...
Я смеялся:
чем он мог
Удивить меня!
Налетал девятый вал,
Дым валил густой —
Я ведь жизнью рисковал
Для девчонки той!
Никакого серебра
Не было у нас,
Но была у нас игра
Лучше во сто раз!..

Ей кричит: «Домой пора!» —
Мама из окна,
И уходит со двора
Нехотя она.

Я на лавочке сижу,
И ногой стучу,
И приятелей сержу
Тем, что я молчу...

Геройская быль не забыта, жива...

(По страницам одной книги)

«Вы не забыли о нас»

Жарким июльским днем из города Абакана вышли двадцать школьников. У каждого за плечами был тяжеленный рюкзак. В нем снаряжение и провизия на всю дорогу.

А дорога предстояла дальняя и трудная — двести километров по таежным тропам и не меньше на самодельном плоту по реке.

Путь ребята не выбирали. Он сложился, когда их еще и на свете не было: за сорок лет до этого похода.

Напутствуя ребят, старый партизан Кузьма Михайлович Семенов говорил:

— Вы пойдете по тем самым таежным тропам, по которым когда-то, преследуемые Колчаком, шли красные партизаны двух замечательных командиров — Кравченко и Щетинкина. Впереди была непроходимая тайга, позади — белогвардейцы. С нами были маленькие дети и тяжелораненые, для них мы убивали своих коней, а сами питались черемшой. И все же из окружения вышли! Я радуюсь, что вы не забыли о нас.

Слушает старого партизана Толя Мамаев. слушает Инна Еремина, слушают все ребята. Впереди у них километры и встречи. Обязательно встречи. Не может быть, чтоб никто из сражавшихся в этих краях за Советскую власть не слышал их обращения по радио. Да и многим они еще раньше писали и даже успели получить ответ.

Писали ребята и в Москву. Там теперь жи-

вет Тарас Александрович Кравченко, сын партизанского командира Александра Диомидовича Кравченко. Тарас, в то время четырнадцатилетний паренек, прошел с партизанами весь трудный путь.

«Я слов не нахожу, чтобы передать свое восхищение вашим планом,— писал он ребятам незадолго до их похода.— Но вы не думайте, что это такое простое путешествие — сели на салик и поплыли до Красноярска. Нет, это не так просто. Река очень быстрая, скорость течения 12 километров в час, плыть до Нарвы от устья 250 километров, обязательно нужен опытный лоцман, нужна лодка и продукты дней на десять... Одним плыть немыслимо: можно насидеться где-нибудь в тайге на острове без продовольствия».

Толя Мамаев, Инна Еремина и все их товарищи — члены литературного кружка абаканской школы № 10. Разумеется, самая важная цель похода — разыскать старых партизан, пройти их дорогой и потом всю жизнь быть достойными дружбы с ними. Но есть у ребят еще особая, так сказать, литкружковская цель. Однако о ней пока молчок.

Первая встреча

Первым партизаном, с которым познакомились ребята в походе, был Даниил Евдокимович Котляров. Как выяснила разведка школьников, Даниил Евдокимович с утра уехал на покос и к вечеру должен был проезжать мимо их стоянки. Весь день его караулили разведчики. А когда показалась телега, в которой ехал Даниил Евдокимович, ребята мигом окружили ее и тут же попросили старого партизана рассказать о давних, но таких памятных днях.

Даниил Евдокимович рассказал, как в годы гражданской войны долго скрывался в тайге от белых, которые хотели мобилизовать его в колчаковскую армию. У речки Жаймы он наконец встретил партизан и вступил в их отряд.

Рассказал он и об отважной пулеметчице, дочери командира Щетинкина.

— Вот я только запамятовал, как ее зовут. Может, это была приемная дочка Щетинкина, а может, своя... Помню, партизаны были в селе Комарково. Белые обступили Комарково с трех сторон. На помощь колчаковцам шел по Енисею пароход. Он вез вооружение и десант. А у нас боеприпасы были уже на исходе, мы вынуждены были отступать. Тогда пятнадцатилетняя пулеметчица легла к пулемету и открыла огонь по офицерам на пароходе. Колчаковцы не выдержали — пароход повернул обратно.

«Вот это девушка!» — думали ребята. Всем хотелось узнать о ней больше.

— А какая она была? — спросил кто-то.

Даниил Евдокимович внимательно обвел всех взглядом и остановился на Неле Тетериной.

— В точности такая...— сказал он, а Неля от смущения спряталась за спины подружек.

— Ребята,— предлагает Инна Еремина,— а что если нам узнать о судьбе этой девушки?

— Я думаю, ее нет в живых,— говорит Неля Тетерина.

— Может быть. Но жива она или погибла, правда о ней не должна исчезнуть,— сказал председатель Совета командиров кружка Володя Хомченко.

С Володей согласны все.

Не о ней ли поется в известной песне:

Расшумелся ковыль —
Голубая трава,
Голубая трава-бирюза,
Ой, геройская быль
Не забыта, жива,
Хоть давно отгремела гроза.

В этой песне рассказывается об отважной пулеметчице-партизанке:

Она русой была,
Как пшеница в жнивье,
Золотая папаха волос.
Она храброй была,
Но в одном из боев
Ей подняться с земли не пришлось...

Партизанскими тропами

Переход Верхний Сисим — Жайма составляет всего 45 километров, но это самые настоящие партизанские тропы, непроходимая тайга, болото.

Последний привал перед рекой Крол. Ребята опускаются в мягкий мох, как на перину. Хочется лежать долго-долго, слушать шепот могучих сосен, щебетание птиц на кедре.

И вдруг голос Нины Курочкиной:

— Ребята, подумайте только, ведь как раз по этой тропе в июне 1919 года шли партизаны. Каждое дерево хранит память о них. Эх, если бы деревья умели говорить!

— Вот вы не поверите,— откликнулась самая младшая участница похода, Шурочка Ши-

кина,— я сейчас смотрела вон на то место, где большая колодина загородила тропу, и мне показалось, что я вижу своими глазами, как они идут. Оборванные, измученные. Стонут раненые, детишки просят хлеба, а его нет...

Руководитель кружка Мирон Максимович Тетельбаум достает из бокового кармана рюкзака книжечку «Этих дней не смолкнет слава». Ее уже не раз читали ребята. Но сейчас всем кажется, что события, описанные в ней, происходили не сорок лет назад, а было это вчера, с ними, вот в этих же местах...

Привал окончен, снова в дорогу. Начался дождь. Вдруг тропа оборвалась, и перед путниками возникло болото. Поискали кругом, но дальше тропы не было.

Теперь шли на ощупь. По цепи передавали слова руководителя: «Кочка. Сучок. Направо — яма, налево — вода». И вдруг впереди огоньки! Но до них еще Крол. Река бурлит, тусклый свет звезд освещает барашки пены.

Только в два часа ночи, переправившись через Крол и преодолев еще одно болото, ребята вошли в село Жайму, где 15 июня 1919 года была первая дневка партизан.

Степан Безотчества

В Жайме похоронен партизан Степан Безотчества.

Еще накануне похода ребята по радио предложили Гавриилу Николаевичу Попову и другим партизанам встретиться 10 июля на могиле Степана, вспомнить о его героической жизни, почтить его память.

Правда, время трудное — покос, но неужели никто не придет?

Разведка школьников доложила: Гавриила Николаевича Попова не нашли, зато узнали, что здесь живет партизан-пулеметчик, участник Тюменского боя Павел Иванович Гутиков.

И вот они уже беседуют с ним.

— Павел Иванович, а приходилось вам хоть в одном бою со Степаном вместе сражаться?

— Как же, приходилось... Было это под селом Шало. Наша рота столкнулась со значительно превосходящими силами колчаковцев. Пришлось отступать. Я с пулеметом прикрывал правый фланг: надо было дать нашим оторваться. Колчаковцы заметили, что я остался один, и начали окружать. Решил: биться до последнего патрона, а как подойдут совсем близко, подорвусь на гранате. Я уже ни на что не надеялся: такая, видно, судьба. Только вдруг мое внимание привлек шум впереди. Прямо через цепь противника прорвались наши конные разведчики, а возглавлял их Степан. Если б не он, погиб бы я в том бою...

10 июля. До самого обеда ребята готовили венок на могилу. И вот он готов: из синих полевых цветов, перевитый красно-черной лентой, на которой золотистыми нитками вышито: «Герою-партизану Степану Безотчества от литкружка средней школы № 10 города Абакана».

Подходят ребята к могиле. И вдруг на их глазах происходит неожиданное. Павел Иванович пристально всматривается в лицо стоящего у оградки пожилого, с озорной улыбкой человека. Еще мгновение, и они в объятиях друг друга.

— Ганька! Какими судьбами?!

— Павлуша, дорогой!

Тридцать восемь лет не встречались боевые друзья. И ребята, виновники этой встречи, радуются вдвойне.

Долго слушают они рассказ Гавриила Николаевича Попова о подвигах Степана Безотчества.

Володя Данилкин

Село Степной Баджей — бывшая столица партизанской советской республики. Здесь находились оружейные мастерские партизан, лазарет. Сюда стекался со всех сторон народ, недовольный Колчаком.

Несколько случаев из партизанской жизни рассказал ребятам здешний житель Денис Филиппович Шенцов. Его слушали очень внимательно, а потом кто-то спросил:

— Денис Филиппович, а были среди вас молодые, такие, как мы?

— А как же! — Шенцов указал на дом слева.— Вот в том доме жил Володя Данилкин. Это был любимец всего Манского полка. Раз Володю послал командир с каким-то заданием. А отряду в это время пришлось оставить село Ус и двинуться дальше, но не по тракту, а тайгой, так как один перебежчик сообщил, что на дорогах партизан ждут колчаковские засады. Володя выполнил задание и вместе со своим другом Цыбулькиным вернулся в Ус. Но своих они не застали и поехали дальше по тракту. У въезда в деревню Туран стояли часовые. Володя спросил: «Товарищи, это Манский полк?»

Часовые дали выстрел в воздух. Партизаны, повернув коней, что было сил помчались к лесу. Но было уже поздно: белые открыли стрельбу. Конь под Данилкиным упал. Пришлось при-

нять бой. Володя бросился в рожь и укрылся за камнем. Много беляков уложил он тогда, но патронов становилось все меньше. Его начали окружать. Вдруг Володя сбросил свои хромовые сапоги, изрубил их — пусть не достанутся белым! Потом вынул из кармана все деньги, порвал их и снова залег. Не слыша выстрелов, враги подумали, что у него больше нет патронов, и нагло начали подходить. Тут Володя встал во весь рост и вновь открыл огонь по врагу. Последнюю пулю он пустил в себя. Белогвардейцы были поражены мужеством молодого партизана. Их офицер сказал: «Если бы мне таких человек семьдесят, я б давно Щетинкина с Кравченко разбил...»

Дивногорск

Поход приближался к концу. Ребята — на строительстве Красноярской ГЭС. И здесь они не остались безучастными зрителями, а засучив рукава, два дня работали дружно и радостно, как никогда.

Девчата грузили доски, щепки, очищали территорию. Каждой выдали новенькие белые рукавицы. Что же касается мальчишек, то с ними у бригадира произошел такой разговор:

— А может, вам потяжелее работу дать?

— Давайте! Нам это и нужно.

— Вот этот лес,— бригадир указал на груду пятиметровых бревен, в беспорядке разбросанных на пригорке,— надо скатить вниз и уложить в штабеля. Справитесь?

Ребята на минуту замялись, но все же сказали:

— Справимся!..

И действительно справились.

«А ведь через год нам тоже выбирать свой путь,— думали школьники.— И, может, не один из нас приедет сюда, на стройку, с комсомольской путевкой...»

Эпилог

На финише похода ребята дали друг другу клятву. Она начиналась так:

«Я, член кружка, в торжественный момент окончания похода по местам боев красных партизан армии Кравченко — Щетинкина, перед лицом своих товарищей клянусь никогда не забывать, какой ценой досталась нашим отцам и дедам Советская власть, всегда помнить героев-партизан, отдавших свои молодые жизни за наше счастье...»

Всегда помнить героев-партизан, быть верным их делу — для абаканских школьников означало всю свою жизнь быть в первых рядах борцов за светлое будущее.

Они окончили школу.

14 июля 1959 года руками бывших школьников, а ныне каменщиков были уложены первые кирпичи на строительстве центрального ремонтно-механического завода Красноярской ГЭС.

Кружковцы составили отдельную бригаду. Бригадиром избрали Толю Мамаева, а его заместителем — Инну Еремину.

Так заканчивается повесть о походе абаканских школьников. Она уже не только написана, но и выпущена Красноярским издательством. А название для нее ребята взяли из полюбившейся им песни: «Геройская быль не забыта, жива...».

Вот создать такую книгу и мечтали на старте похода Толя Мамаев, Инна Еремина и все их товарищи. Это и была их особая, литкружковская цель похода.

Как видите, мечта абаканцев исполнилась. Мы прошли с вами по страницам этой хорошей книги.

Н. Ломов

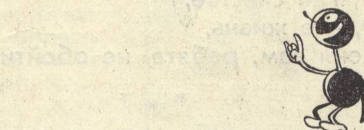

Султан ДЖУРА

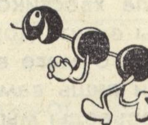
Рисунки Е. Мигунова.

Важное собрание
знаков препинания.
Председателем избран Восклицательный знак.
— Товарищи! Знаки! Внимание! Внимание!
Слушайте! Меня!
Сегодня! У нас! На повестке! Дня!..
— Мне кажется... Между прочим... —
перебило его Многоточие.—
При всем моем уважении...
вы злоупотребляете...
высоким... своим положением...
дорогой... Восклицательный знак...
— Регламент! Короче!
Уважаемое Многоточие!
Меня критикуете! А сами вы-то!
...! ...! ...! ...!
Собрание знаков препинания
считаю открытым!
Прошу высказываться, товарищи знаки,
о вашем месте в словесном строю!
Может быть, вас огорчили ошибки
Гали и Пулата!
Может, они вас поставили
не там, где надо!
— Вот это точно.—
Как мячик, на кафедру выкатилась Точка.
— Вот я, например, Точка,— станция мысли.
На станциях паровозы стоят без движения.
А на мне — повествовательное предложение.
И дальше летит паровоз, нарушая покой.
И заглавная буква машет ему рукой.
Ребят от серьезных ошибок храня,
она остается возле меня.
Это ведь очень просто.
Остановитесь, переведите дыхание.
Единственная просьба:
не забывайте о моем существовании.
У меня все.

* * *

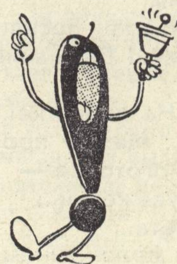
— Моя очередь? Разве не так? —
входит на кафедру Вопросительный знак.
Идет, спотыкаясь, настороженный,

то ли знак, то ли серп,
то ли ухо с сережкой.
— Я считаю, что Точка высказалась точно.
Может быть, у кого-нибудь есть возражения?
Я тоже станция,
только после вопросительного предложения.
По белому свету
в море ответов
от меня корабли уходят в плаванье.
Ведь что самое главное?
Заглавные буквы за мною стоят, как матросы.
Всем понятно? Будут вопросы?

* * *

— От него до меня — один шаг! —
выходит высоченный Восклицательный знак.
Там, где гнев и страданье,
радость и горе,
я стою, как маяк
в бушующем море!
Всюду, где счастье,
всюду, где жизнь,
без меня вам, ребята, не обойтись!

* * *

— Все это правильно, прекрасно знаю,
но я ему в важности не уступаю, —
вильнула хвостиком Запятая. —
Если вы в путь-дорогу
на белой бумаге вышли,
не одни лишь вам станции встретятся,
но и разъезды мысли.
На них-то вас ожидаю
я, Запятая.
Если обращение
в середине предложения,
я, как конвой, стараюсь
с обеих сторон его встать:
ну-ка, голубчик, попробуй теперь сбежать!
Но я отпущу его
без единого возражения,
если оно в конце предложения...

* * *

— Привет нашему одинокому собрату! —
выкатились Кавычки, как цирковые акробаты. —
Мы особенные знаки препинания,
наша специальность — названия.
Как только кто-то получит имя,
мы его охраняем кривыми мечами своими.
Заводу ли, фабрике ли, газете —
нужны мы всему на свете...
Но тут председатель сказал:
— Регламент!
Кончается собрание
знаков препинания!
Ну что ж, спасибо вам за внимание!

Перевел с туркменского А. Янов.

ИГРАТЬ ИГРАЙ И ДРУГИХ ОБУЧАЙ

Хорошее письмо прислали мне ребята из Смоленского Дворца пионеров. Много ребят занимается здесь в шахматном кружке. За последнее время прошли интересные соревнования. Четверо школьников получили в кружке первый спортивный разряд, семнадцать — второй.

Но больше всего понравилось мне, что ребята из Дворца пионеров учат своих товарищей играть в шахматы, устраивают у себя в школах турниры и матчи. 50 кружковцев стали общественными инструкторами.

В 9-й, 25-й, 27-й и 28-й школах работают кружки, которыми руководят ребята из Дворца пионеров. В доме № 4 по улице Октябрьской революции юные инструкторы организовали секцию, в которой занимаются 25 любителей шахмат.

В детском клубе «Огонек» в доме № 10/12 по улице Сталина тоже работают шахматные секции, которыми руководят ребята из Дворца пионеров.

Молодцы! Правильно они делают. Так и должны поступать пионеры. Чему хорошему научился сам, научи и товарищей.

За большую и полезную работу награждаю шахматный кружок Смоленского Дворца пионеров грамотой «Ферзя и ладьи».

ВСЯК ХОД В СЧЕТ ИДЕТ

Есть такая пословица: глядя на лес, не вырастешь. Полезно читать о хороших шахматистах, но и самим надо силы свои проверить, хитростям шахматным учиться.

А потому и даю я вам новые задания, объявляю новый конкурс решений шахматных позиций. Приглашаю участвовать в конкурсе школьные шахматные кружки и кружки Домов пионеров, а также всех своих друзей — любителей шахмат.

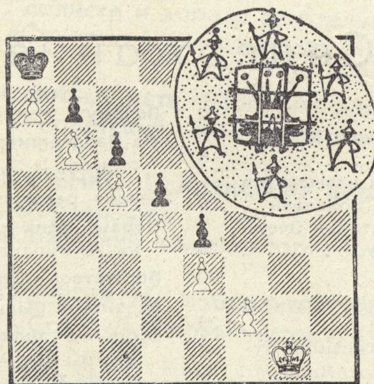
Четыре позиции включаю я в конкурс. Грамоту «Ферзя и ладьи» получат ребята, которые правильные решения найдут и пришлют мне эти решения к 15 декабря.

Награжу я своей грамотой и шахматные кружки, где решать мои загадки ребята будут сообща и правильные найдут варианты.

Только с выводами не торопитесь. Все хорошенько проверьте. Ведь из партии хода не выкинешь. Всяк ход в счет идет.

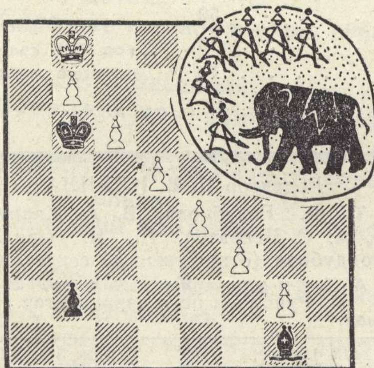
КОРОЛЬ В КЛЕТКЕ

Попался черный король в крепкую клетку. И не тужит он, на пат надеется. А белые на хитрость могут пойти. Найдите, как белые выигрывают, начиная игру.

ШЕСТЬ И ОДНА

Шесть пешек у белых, а у черных только одна. Зато близка она

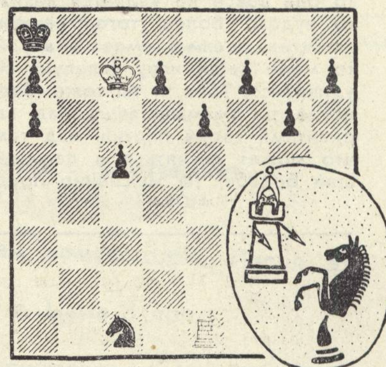

к тому, чтобы ферзем стать. И слон черный на страже стоит, белым пешкам мешает.

И все же могут белые при своем ходе ничью сделать. Найдите, как им надо играть?

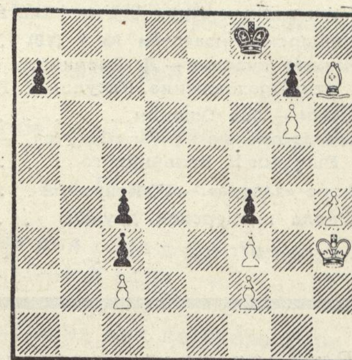
ЛАДЬЯ И КОНЬ

Все восемь пешек остались у черных, а у белых ни одной. И конь черный в «сражении» участвует. Но ладья белых вовсю старается. При правильной игре могут белые дать мат в пять ходов черному королю. Найдите это решение.

ХИТРОЕ В ПРОСТОМ

Простая позиция приведена на следующей диаграмме. Одного взгляда достаточно, чтобы увидеть: не удержать белым пешку а7. Двинется она сейчас вперед и спокойно пройдет в ферзи.

Но совсем здесь не так все просто. Будут белые хорошо, умно играть, и ничью смогут сделать при своем ходе. Но вот как?

Эта загадка, пожалуй, потруднее всех других. Прежде чем решить ее, семь раз подумайте.

СПРАШИВАЕТ ТОЛЯ ПЕТРЕНКО

«Как научиться играть вслепую? — спрашивает Толя Петренко из города Черновцы.— Верно ли, что есть шахматисты, которые играют по тридцать партий, не глядя на доску?»

Вопросы эти интересуют и Таню Смирнову из Калуги, и Володю Бабкина из Нижнего Тагила, и многих других ребят.

Отвечаю вам, дорогие друзья.

Игра в шахматы, не глядя на доску, с давних времен кажется необычной, очень трудной, почти загадочной. Но если разобраться, то она вовсе не является каким-то чудом. Более того, каждый любитель шахмат умеет в какой-то мере вести игру вслепую. Не удивляйся, Толя, и ты тоже. Ведь когда ты размышляешь над вариантами своей партии, над тем, что может случиться в дальнейшей борьбе, ты мысленно представляешь себе изменения на шахматной доске, как бы играешь, не передвигая фигуры, не глядя на доску.

Чем лучше играет шахматист, тем яснее, отчетливее представляет он то незримое, что может осуществиться через несколько ходов. В уме он намечает будущие комбинации, заранее предвидит то, чего сейчас еще нет.

Вот тебе и ответ на твой первый вопрос, Толя. Чтобы играть вслепую, надо прежде всего научиться хорошо играть, за доской освоить шахматную нотацию, мысленно представляя себе развитие шахматных событий.

А теперь о втором твоем вопросе. Верно. Есть мастера, которые проводят даже сеансы одновременной игры, не глядя на доску. Это очень трудное дело. Оно требует большой тренировки и высокого мастерства.

Великолепно проводил такие сеансы замечательный русский шахматист А. Алехин. Он играл, не глядя на доску, против тридцати сильных противников. Бывший чемпион мира кубинец Х. Р. Капабланка писал:

«В сеансах одновременной игры вслепую Александр Алехин не имеет себе равных. Подражать ему в этой области невозможно. Для этого надо иметь изумительную шахматную память Алехина в соединении с его громадной способностью к напряженной умственной работе».

Но и Алехин не все помнил. Смешной случай произошел однажды во время сеанса одновременной игры, не глядя на доску, который проводил А. Алехин. В разгар «сражения» Алехин достал портсигар, вынул папиросу и стал искать в карманах спички. Их не оказалось. Тогда Алехин обратился к одному из зрителей и сказал: «Нет ли у вас спичек? Я свои забыл дома. Удивительно, какая у меня короткая память».

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, Н. Н. Орджоникидзе** (заместитель редактора), **В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28, комната 11. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **О. Швова.**

А 08499. Подписано к печати 14/X 1961 г. Тираж 556 000 экз. Изд. № 1956. Заказ 2344.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»

Для вас эти песни, ребята!

ЛЕВИНА З. **Детские песни для голоса с фортепьяно.**
«Советский композитор». 1960 г. Цена 15 коп.

МУРАДЕЛИ В. **Верь Отчизне своей, комсомолия.** Песня для солиста и хора с фортепьяно.
«Советский композитор». 1960 г. Цена 8 коп.

Мы любим петь. (Популярные пионерские песни). Песенник.
«Советский композитор». 1960 г. Цена 58 коп.

ПОПАТЕНКО Т. **Хоккейная пора.** Песня для голоса и хора с фортепьяно.
«Советский композитор». 1960 г. Цена 5 коп.

РАУХВЕРГЕР М. **Избранные песни для детей с фортепьяно.**
«Советский композитор». 1959 г. Цена 70 коп.

СЛОНОВ Ю. **Пионерские песни для голоса или хора.** С сопровождением фортепьяно.
«Советский композитор». 1960 г. Цена 40 коп.

СМИРНОВА Г. **«Октябрю».** Цикл хоров без сопровождения на стихи детей.
«Советский композитор». 1960 г. Цена 13 коп.

СОТНИКОВ Т. **Весенний дождь.** Песня для хора с фортепьяно.
«Советский композитор». 1960 г. Цена 5 коп.

ЦФАСМАН А. **О чем стучат колеса.** Песня для детского хора с фортепьяно.
«Советский композитор». 1959 г. Цена 10 коп.

ШИШАКОВ Ю. **Найденыш.** Детская эстрадная песня для голоса с фортепьяно.
«Советский композитор». 1959 г. Цена 10 коп.

Вы можете купить эти ноты во всех магазинах книготорга и потребительской кооперации.

«Союзкнига»

Цена 25 коп.

В ГОД XXII СЪЕЗДА ПАРТИИ

Рисунки детей, посвященные жизни нашей страны.

РАКЕТА НАД КРЕМЛЕМ. Сережа Демидов, 10 лет, Московская обл.

СТРОЙКА. Максим Прусаков, 9 лет. Челябинск.

НА РЕСПУБЛИКАНСКОМ ПРАЗДНИКЕ ПЕСНИ. Лена Петрова, 12 лет, Вильнюс.

НА МОРСКОМ ДНЕ. Г. Вайгаускас, 10 лет, Вильнюс.

На первой странице обложки:

В КОСМОС. Валерий Киселев, 13 лет, Московская обл.

ЦЕЛИННЫЙ ХЛЕБ. Игорь Трулин, 10 лет, Московская обл.

ПИОНЕРСКИЙ ТЕАТР. Оля Садлецкая, 12 лет. Вильнюс.

ПРАЗДНИЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ. Лена Ступальская, 11 лет, Ленинград.